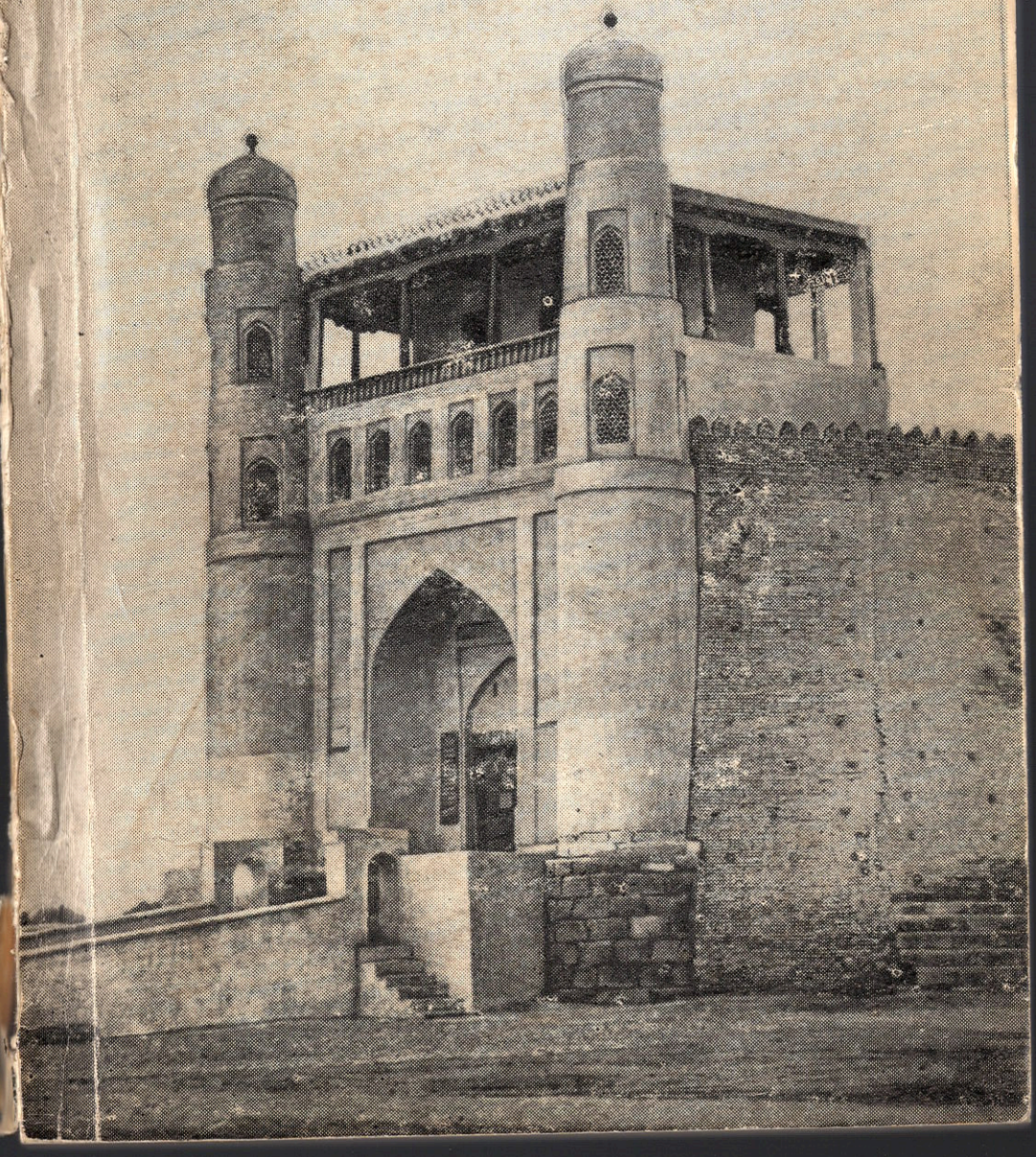
М.С. АНДРЕЕВ
О.Д. ЧЕХОВИЧ

АРК БУХАРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

М.С.АНДРЕЕВ О.Д.ЧЕХОВИЧ

АРК (КРЕМЛЬ) БУХАРЫ

в конце XIX - начале XX вв.

Ответственные редакторы:
А.К.ПИСАРЧИК и О.Д.ЧЕХОВИЧ

Издательство "Дониш"
Душанбе
1972

АКАДЕМИЯИ ФАНХОИ РСС ТОЧИКИСТОН

ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ БА НОМИ А.ДОНИШ

М.С.АНДРЕЕВ О.Д.ЧЕХОВИЧ

А Р К И Б У Х О Р О

дар охири асри XIX ва аввали асри XX

Мухарирони масъул:
А.К.ПИСАРЧИК ва О.Д.ЧЕХОВИЧ

Нашриёти "Дониш"
Душанбе
1972

ОТ РЕДАКТОРОВ

Величественная древняя крепость – бухарский арк (кремль) обращает на себя внимание каждого посетителя Бухары, каждого туриста. Поражают размеры этой монументальной крепости, возвышающейся почти на 20 м над уровнем окружающей местности и занимающей площадь около 4 га.

Когда мы входим в арк, где сейчас расположен областной музей, нас охватывают противоречивые чувства.

С одной стороны, не может не интересовать многовековая история арка, памятника седой старины, созданного трудом народа, искусными руками бухарских мастеров, – памятника, который на протяжении последнего тысячелетия неоднократно разрушался и каждый раз отстраивался вновь. Эти разрушения были связаны с завоеваниями и борьбой за власть между феодалами. Арк всегда был в центре политической жизни и не раз становился ареной бурных событий, свидетелем народных возмущений против феодального гнета.

С другой стороны, в памяти народа арк запечатлен как резиденция ненавистных ему бухарских эмиров, с которыми связаны мрачные страницы недавнего прошлого.

Арк был центром феодального деспотизма, куда сходились все нити бюрократического управления большой страной. Сюда на поклон к эмиру являлись правители областей ханства, привозили награбленные у народа подати. У ворот арка совершались варварские публичные экзекуции, пытки и казни многочисленных "непокорных".

С помощью разветвленного аппарата феодально-теократической монархии в Бухаре сохранялись крайне застойные и косные патриархально-феодальные порядки и взгляды, насаждались замкнутость, оторванность от всемирной цивилизации, ненависть ко всему новому, прогрессивному. В арке, в его придворном церемониале особенно тщательно сохранялись традиции давно прошедших времен, искусственно возвеличивалась личность эмира правоверных, который считался "тенью бога на земле". От всех подданных требовались величайшая покорность, самоуничижение и раболепие. Не допускалась, как греховная, даже мысль о какой-либо форме протеста со стороны эксплуатируемых.

Навеки ушли эти мрачные времена эмирского произвола, эксплуатации и угнетения. Вскоре после Великой Октябрьской Социалистической Революции Бухара вошла в состав Узбекской ССР и стала одним из бурно

растущих центров хозяйства и культуры. Современные отрасли энергетики, химической и других видов промышленности, высшие учебные заведения, новые дома, парки, библиотеки, театры, школы и детские учреждения возникли на месте былого центра религиозного мракобесия. Бурное строительство буквально преобразило старую Бухару. Населению созданы все условия для свободной, счастливой и культурной жизни. Выросло молодое поколение, не знающее раболепия и низкопоклонства, воспитывающихся у подданных эмира веками. И этому поколению трудно даже представить себе, как протекала до революции жизнь в арке – этом памятнике былого феодального деспотизма.

В литературе сведений об арке имеется очень немного. Большей частью это – отрывочные сведения путешественников и дипломатов, видевших немногие официальные помещения арка. Поэтому материал по бухарскому арку, хранящийся в научном архиве покойного исследователя языков и быта народов Средней Азии, члена-корреспондента АН СССР М.С. Андреева, представляет большой интерес. В нем имеется описание построек, имевшихся в арке, и жизни в них в конце XIX и начале XX вв., составленное М.С. Андреевым в 1940-1941 гг. по рассказам немногих очевидцев, стариков-бухарцев, часто бывавших в арке до революции, которых ученому удалось разыскать.

Вполне понятно, что информаторы М.С. Андреева далеко не всегда могли дать объективную и правильную политическую оценку всего происходившего в арке. В их рассказах преобладали бытовые, иногда мелкие подробности придворной жизни, церемониала, к которым они сами были близки в годы своей молодости. Однако внимательный читатель увидит в их повествованиях мрачные картины феодального деспотизма, разгула и засилья праздной, морально разложившейся, тупой и ограниченной челяди арка, а в целом из этих рассказов вырисовывается потрясающая картина жестокой эксплуатации трудящихся, внутреннего разложения и духовного убожества правящей клики господствующего класса.

Основная часть предлагаемой вниманию читателей книги – "Описание схематического плана арка", содержащая описание всех помещений, о которых удалось собрать сведения, – была подготовлена в первом варианте М.С. Андреевым совместно с О.Д. Чехович – участницей экспедиции 1940-1941 гг. Ею же написаны и два раздела – "Введение" и "Описание плана площади Регистан".

Эта часть иллюстрирована большим количеством планов. Основная их часть это рабочие планы отдельных частей арка, составленные сотрудниками экспедиции 1940 и 1941 гг.: для сохранившихся построек

юго-западной части арка М.С. Андреевым и М.С. Юсуповым, для несохранившихся построек южной и восточной части, а также северной и центра – М.С. Юсуповым, а для северо-восточной – О.Д. Чехович. В техническом выполнении некоторых рабочих планов принимали участие В. Иванов и Струщенко.

Для сохранившихся построек устанавливались их послереволюционные перестройки, несохранившиеся наносились по рабочим схематическим планам, составлявшимся участниками экспедиции со слов информаторов – старых бухарцев.

Естественно, что все рабочие планы несохранившихся построек, составленные по словам стариков-информаторов, должны рассматриваться как сугубо ориентировочные и условные. Они свидетельствуют о существовании тех или иных архитектурно-бытовых комплексов и их местоположении относительно друг друга. Весьма вероятно, что ряд построек остался неотмеченным, другие показаны в неточных размерах. Будущие археологические исследования помогут восстановить более точный план арка.

Рабочие планы арка и его отдельных частей, приведенные в данной работе, хранятся в личном архиве М.С. Андреева в Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в г. Душанбе.

К сожалению, не сохранились те планы частей арка, составленные Усто Иброгимом Хофизовым, которые были приобретены у него М.С. Андреевым в 1936 г. и со знакомства с которыми и началась вся работа М.С. Андреева по изучению арка. Они входили в состав коллекции планов, приобретенных в Бухаре экспедицией Узбекистанского музея искусств, работавшей в 1936 г. под руководством М.С. Андреева. Однако ни в фондах Музея искусств УзССР, ни в личном архиве М.С. Андреева их не оказалось. В научном архиве Музея искусств УзССР в Ташкенте (фонд №5 $\frac{№I}{А-65}$) имеется описание двух фрагментов плана арка, сделанное М.С. Андреевым 22 мая (без обозначения года) в Бухаре со слов Иброгима Хофизова. Один фрагмент (по полевой описи № 107), на котором были нанесены постройки, находящиеся внизу перед арком, и помещения в западной части арка, прилегающие к входу, был полностью описан М.С. Андреевым, и содержащиеся в записи сведения вошли в публикуемый текст описания арка. Описания второго фрагмента плана не сохранились. После заголовка "План четырех урда" следует сделанная карандашом приписка М.С. Андреева: "К сожалению, разбор второго плана, который был временно передан для снятия копии представителю Узкомстариса тов. Судакову, не мог быть продолжен в виду внезапного

отъезда в Ташкент тов. Судакова, не возвратившего план (два плана №№ 107 и 277)"[1].

Все же, по-видимому, при составлении рабочего плана центральной части арка, где находились урды гарема эмира, этот утраченный фрагмент плана был использован. Об этом свидетельствует способ нанесения на план арок, характерный для планов Иброгима Хофизова, а также подробность нанесения на план деталей помещений, едва ли возможная при использовании только одних сообщений информаторов.

В 1962 г. при подготовке "Описания схематического плана арка" к изданию архитектором Е.К.Видякиным был составлен в Ташкенте под руководством О.Д. Чехович сводный план арка (рис.1). При этом были использованы все рабочие планы, а в качестве топографической основы принят план детальной геодезической съемки арка, выполненной в 1927 г. топографами Мораити и Бреде по заданию Средзкомстариса, по инициативе и под руководством М.Е. Массона[2]. Оригинал этого плана не обнаружен. Единственная копия (синька) найдена О.Д. Чехович в 1961 г. в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (рис.2). При составлении этого плана основной задачей топографов было подробное обозначение (для будущих археологических работ) рельефа поверхности разрушенной части арка. Сохранившиеся в то время постройки были намечены лишь контурно.

Кроме этого плана, в архиве М.С. Андреева оказались и (были использованы) планы вторых этажей (рис.3) и подвалов (рис.4) западной части арка. На плане подвалов имеется штамп Инвентаризационного бюро г. Старой Бухары при Горотделе коммунального хозяйства; очевидно, это съемка первых лет революции, так как на планах отражены помещения, не сохранившиеся к 1927 г. Некоторые несоответствия планов первого и второго этажей объясняются их разновременностью и перестройками. К сожалению, не удалось найти ни в архиве М.С. Андреева, ни в Бухаре первый лист этих планов Инвентаризационного бюро г. Старой Бухары со всеми постройками, имевшимися на территории арка во время съемки планов.

---

1. Местонахождение С.А. Судакова в настоящее время неизвестно; поэтому навести у него какие-либо справки о планах арка не представилось возможным. Скорее всего они должны были находиться в его личном архиве вместе с другими приобретенными им в Бухаре от Иброгима Хофизова планами частей арка.

2. Весьма ценные консультации при сложной и трудной работе по составлению сводного плана бухарского арка были даны проф. М.Е. Массоном, и мы, пользуясь случаем, выражаем ему нашу глубокую признательность.

В составленный в 1962г. архитектором Е.К. Видякиным под руководством О.Д. Чехович сводный план арка позднее, в 1963 г., архитектором А.С. Яковлевым под руководством А.К. Писарчик, на основании дополнительного исследования рабочих планов, были внесены некоторые уточнения и исправления, согласованные с О.Д. Чехович.

Описание плана арка составлено в виде развернутой легенды к сводному плану и, как и все работы М.С. Андреева, изобилует многочисленными отступлениями и экскурсами, связанными с функционированием тех или иных помещений, жизнью, проходившей в них.

Кроме описания плана арка, в книгу включен ряд имевшихся в архиве М.С. Андреева небольших статей и отдельных записей, характеризующих те или иные стороны жизни старой Бухары, нередко связанные с дворцовым бытом, а также полубеллетристический рассказ "День бухарского эмира". Последний, собственно, не может рассматриваться как научная работа в строгом смысле слова. В нем недостаточно освещена роль эмира как восточного деспота, мало показаны его занятия государственными делами. Возможно, это объясняется отсутствием среди информаторов М.С. Андреева представителей бывшей бухарской администрации, людей, занимавших высокие посты, принимавших участие в решении государственных вопросов. Об этом М.С. Андреев и сам говорит, характеризуя тех, от кого он получал сведения. Поэтому в работе показан почти исключительно только домашний быт эмира, отражающий чрезвычайное духовное убожество "повелителя правоверных" и его окружения, узость интересов, жадность и корыстолюбие, низкий моральный и культурный уровень. Тем не менее, этот чрезвычайно живой и образный рассказ о жизни эмира в несколько наивной передаче бухарских информаторов М.С. Андреева содержит в себе так много данных, могущих быть использованными, в первую очередь, практическими работниками - писателями, киносценаристами, работниками театра, что при подготовке к печати материалов М.С. Андреева по бухарскому арку редакторы сочли необходимым включить в книгу и этот рассказ в качестве приложения[1]. Текст "Дня бухарского эмира" в начале 40-х годов был отредактирован Н.М. Гольдбергом.

---

1. Не включены в книгу некоторые записи, часто отрывочные и незаконченные, которые самим М.С. Андреевым не были включены в текст подготавливаемых к печати работ, а также "Указатель местных, персидских, турецких, арабских и других восточных слов", являющийся по существу словарем, составленный в 1941 г. по просьбе М.С. Андреева А.К. Писарчик к "Дню бухарского эмира", так как подробное разъяснение в нем слов почти полностью повторяло изложенное в тексте. Все эти материалы хранятся в личном архиве М.С. Андреева в Институте истории АН Таджикской ССР, в папке № 75.

При подготовке к печати данной книги в 1960-1963 гг. редакторы - А.К. Писарчик и О.Д. Чехович - заново просмотрели все материалы по арку, имеющиеся в архиве М.С. Андреева, провели минимальное необходимое редактирование текста, исключили многочисленные повторения, снабдили работу некоторыми примечаниями (имеющими помету: прим. ред. А.П., О.Ч.), подобрали иллюстрации, несколько унифицировали написания имен собственных и местных терминов. А.К. Писарчик составила указатель имен собственных и терминов ко всему тексту книги.

Редакторы выражают свою искреннюю признательность Б.В. Лунину, просмотревшему рукопись и давшему ряд ценных советов.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа является одним из первых разделов предполагавшегося коллективного труда участников экспедиции в Бухару в 1940-1941 гг. на материалах, собранных ими за время этой экспедиции и несколько раньше или позднее. Этот труд проектировался к изданию под общим заголовком "Старая Бухара".

Данная работа случайно была закончена и подготовлена к печати раньше, чем другие, и мне кажется, что, может быть, будет лучше, если я вкратце расскажу сейчас про те условия, в которых был собран приводимый дальше материал, касающийся жизни последних бухарских эмиров.

В 1936 г., работая в экспедиции от Музея искусств УзССР, я заехал в Бухару и здесь случайно нашел значительную часть плана бухарского арка (кремля). Принес его старичок, Иброгим Хофизов, служивший ночным сторожем при местном складе утильсырья и оказавшийся в прошлом архитектором последних эмиров, чертившим (схематически) когда-то этот план арка. Описывая этот экспонат, мне, естественно, захотелось расспросить и о его содержании. Старичок оказался очень словоохотливым, и разрушенный арк со своей жизнью в его рассказах начал восстанавливаться, как живой.

Арк был в старое время совершенно недоступен для европейцев, за исключением небольшого угла, прилегающего к воротам. Ясно, что было бы преступлением пропустить эти рассказы о его быте. Мы, слушая их, видели огромный пустырь на месте тысячелетней жизни бухарского кремля, знали, что через самое короткое время, со смертью последних стариков, весь этот неописанный быт канет без следа, и мне захотелось вернуться потом и записать подробно рассказ архитектора, присоединив к нему, если будет можно, и рассказы других.

Экспедиция в Бухару состоялась в 1940 г. при моем руководстве. Она была послана Среднеазиатским госуниверситетом по инициативе и при заботах его исторического факультета. В посылке ее частично принимали участие и другие учреждения, в особенности Музей искусств УзССР, принявший на себя половину расходов по экспедиции, а также Самаркандский и Бухарский музеи, выделившие в помощь экспедиции по одному научному сотруднику (М.С. Юсупов от Самаркандского музея и Л.И. Рempель - от Бухарского). Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис) тоже участвовал в экспедиции, приняв на себя составление плана бухарского арка. В консультировании по возникшим вопросам принимали участие

приезжавшие на короткий срок в Бухару декан исторического факультета САГУ И.К. Додонов и профессор В.Н. Кун. Всего по сбору научного материала экспедиции работало пять человек, избравших себе следующие темы:

О.Д. Чехович – "Характер землевладения в Бухаре, по бухарским васикам (купчим), в XIX–XX вв."[1]; "Торговля и ростовщичество в Бухаре".

М.С. Юсупов – "Судоустройство и судопроизводство"; "Армия"; "Администрация"; "Финансы"[2].

Н.В. Русинова – "Ремесла и ремесленные цехи в Бухаре"[3].

Л.И. Рempель – "Историческая топография Бухары XIX–XX вв."[4]

М.С. Андреев – "Арк (кремль) Бухары в конце XIX и начале XX века (материалы)"; "День бухарского эмира".

Кроме того, в сборнике любезно согласился участвовать инженер Ф.В. Еселевич, уже давно служивший в Бухаре. Он предполагал написать на основании геологических изысканий статью по характеристике материковой поверхности под насыпным холмом теперешнего бухарского арка. К сожалению, преждевременная смерть его помешала этой работе.

Вот тот материал, который должен был тогда войти в сборник.

Теперь позволю себе сказать несколько слов по поводу самого процесса наших записей в 1940 г. Тотчас по приезде в Бухару нас встретило большое разочарование. Людей, знавших быт эмира и имевших возможность лично наблюдать его в г. Бухаре в то время уже не удалось найти. Старик архитектор эмира, Усто Иброгим Хофизов, ока-

---

I. По этой теме О.Д. Чехович опубликованы следующие работы: Об актовых материалах по истории Бухары. Исторические записки АН СССР, т.16, М., 1945, стр.232–238; Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII–XIX вв. Изд-во АН УзССР. Ташкент, 1954; Бухарские поземельные акты XVI–XIX вв. Проблемы источниковедения. IV, М., 1955, стр.223–242 и др. (прим. ред.).

2. Материалы М.С. Юсупова хранятся в Самаркандском музее (прим. А.П.).

3. Перепечатанный экземпляр бесед Н.В. Русиновой с мастерами находится в архиве М.С. Андреева (папка № 78), а личный архив Н.В. Русиновой после ее смерти в 1943 г. поступил в Самаркандский музей (прим. А.П.).

4. Эта работа вышла в свет. См. Л.И. Рempель. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары). Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 211–268 (прим. А.П.).

зался в этом отношении единственным. Его рассказы и легли в основу приводимых сведений. Остальные встречавшиеся бухарцы знали арк и быт эмира только издали. Оказалось, что мы приехали, увы, слишком поздно, когда участвовавшие в жизни двора лица или умерли, или находились вне Бухары, или, наконец, что вполне возможно, предпочли уклониться от сообщения того, что им было известно. Это касалось, вероятно, главным образом, женщин. Удалось найти несколько служащих из канцелярии эмира и казия. Их сведения были полезны главным образом по темам О.Д. Чехович и М.С. Юсупова. Про быт бухарской тюрьмы последнему много рассказал бывший бухарский солдат, много лет сидевший в зиндоне (тюрьме) и испытавший на себе его нравы. Н.В. Русиновой удалось найти интересных и знающих осведомителей по ее теме из бывших торговцев и ремесленников. К сожалению, в связи со смертью этой самоотверженной и скромной труженицы ее работа осталась незаконченной.

К числу положительных сторон работы экспедиции следует отнести, то, что все пять участников ее, собиравших материалы, знали местные языки, а М.С. Юсупов родился и провел детство в Бухаре. Это создало возможность непосредственного общения с населением, минуя переводчиков, и полного взаимопонимания, необходимого для успеха работы.

Касаясь тем "Арк (кремль) Бухары" и "День бухарского эмира", следует добавить, что, несмотря на недостаток осведомителей в настоящее время, все же не думаю, чтобы писать работу на эти темы было возможно до падения Бухары в 1920 г. Свободно говорить о внутренней, интимной стороне жизни эмира, о запрещенной для посещения посторонними зоне арка бухарцы бы не смогли, а русские ее не знали. И можно только пожалеть, что эта работа не была сделана раньше, вскоре после падения Бухарского эмирата. Все было бы значительно отчетливее, яснее и полнее. Но хорошо, что это будет сделано теперь, хотя и в менее, конечно, полной форме. Через самое короткое время и это окажется уже совершенно невозможным.

Заодно позволю себе выразить самое горячее пожелание, чтобы как можно скорее был собран материал по описанию быта хивинских ханов. Там это свежее, людей, знавших этот быт, имеется как будто бы больше, и нужно скорее зафиксировать этот почти совершенно отсутствующий еще в печати исторический материал.

Следует пояснить, к каким эмирам главным образом относится следующее дальше описание. Это преимущественно время Абдулахад-ха-

на, но огромное большинство черт его жизни соответствует быту бухарских эмиров вообще: Абдулахад-хан близок по времени к нам (умер в I9I0 г.) и достаточно еще типичен, несмотря на проникшие новшества.

Должен покаяться, что я мало старался выделить последнего эмира - Алим-хана и не стремился собирать материал по его личному быту и времяпрепровождению. По всем доходившим сведениям, этот последний дегенерировавший потомок эмиров был настолько неприятен в своих привычках и пороках, что, mea culpa, я воздержался от коллекционирования рассказов об его оргиях и дебошах, считая, что правильное собирание материала по его жизни, скорее, дело психопатологов.

Должен также оговориться, что собирание материала по теме"День бухарского эмира" (как и по арку) мной еще не закончено. Не имея,однако, возможности быстро его закончить, как мне бы хотелось, думаю, что следует издать этот материал как он есть, так как и это может оказаться интересным и полезным при изучении Бухары второй половины XIX и начала XX вв.

ВВЕДЕНИЕ

Бухарский арк имеет богатую многовековую историю. По крайней мере полторы тысячи лет тому назад, а возможно и много раньше, эта величественная крепость уже была местопребыванием правителя обширной и густонаселенной страны с древней земледельческой культурой. В арке находились дворец правителя, помещения визирей с их бюрократическим аппаратом, казнохранилища, тюрьмы, гаремы, монетный двор, арсенал, мечети и много других построек. И хотя последние эмиры предпочитали жить в загородных дворцах, все же бухарский арк сохранял значение главной их резиденции.

Так как археологические исследования толщи бухарского арка только еще начинаются, вопрос о времени его первоначального сооружения остается пока открытым. Легендарные сведения о постройке арка якобы в начале второго тысячелетия до н.э. при Сиявуше, сыне Кайкавуса, содержатся в отрывках из книги Абулхасана Нишапури "Хазоин ал-улум", дошедших до нас благодаря тому, что Абу Наср Кубави включил их в виде дополнений к тексту сочинения X в. Мухаммада Наршахи, переведенного с арабского на персидский язык, сокращенного и переработанного им в XII в.[I] Здесь же говорится о разрушении арка еще в доарабское время и восстановлении его при Бухар-худате Бидуне, о возведении построек в арке Арслан-ханом Караханидом (II02-II30) после второго разрушения, о третьем разрушении Хорезмшахом в II40 г. и восстановлении Алптегином в II4I г., о четвертом разрушении гузами в II40 г. и возведении вновь Хорезмшахом Мухаммедом в I207 г., о пятом разрушении монголами в I220 г. Тимуридские хроники, говоря о кратковременном пребывании в бухарском арке Улугбека

I. См. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Narshakhy, texte persan, publié par Charles Schefer. Paris, I892, p.2I-23; Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин. Под редакцией В.В. Бартольда. Ташкент, I897, стр.33-36; то же. Литогр. изд. Новая Бухара, I944, стр.28-3I; то же. Изд. М. Ризави, I939, стр.27-3I; The History of Bukhara, translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhy. Richard N. Frye. Cambridge-Massachusetts, I954, p.22-25.

в I405 г., упоминают о существовании в то время, как и раньше, двух ворот арка – восточных и западных[I].

Новые постройки в арке XУП–XIX вв. перечислены в специальном сочинении "Тахкикоти арки Бухоро", составленном Носир-ханом, сыном Музаффар-хана в I92I г.[2] Автор этой небольшой компиляции долго жил в арке, знал расположение и назначение многих, ныне не существующих зданий и сообщает о времени их постройки. Например, трех – этажное сооружение над воротами арка –"нагорахона" (рис.I, фиг.I0-I2) было построено, по его словам, при Абдулазиз-хане (I645–I680), тронный зал, (рис.I, фиг.66), "мехмон-хона" и верхняя соборная мечеть (рис.I, фиг.I9) – при Субхонкули (I680–I702), ему же приписывается постройка на площади Регистан медресе Дор аш-шифо, хонако, айвана и хауза. Ко времени правления Мухаммад-Рахим-хана (I756–I758) источник относит возведение в северо-восточном углу арка мечети Чильдухтарон (рис.I, фиг.I48), возле которой был расположен мавзолей сейида Абдолгози (или Баттолгози) (рис.I, фиг.I45–I46), из потомков халифа Али. Неподалеку от них находится большая братская могила, в которой похоронены семь сыновей Абулфайз-хана (I7II–I747), убитых по приказу отца.

Автор "Тахкикот" не назвал ни одной постройки последней трети XУШ в. Эмир Шох-Мурод (I785–I800), по его словам, разрушил многие старые здания светского назначения, а строительный материал использовал для построек и ремонта мечетей вне арка. Новые постройки в арке, по словам этого автора, начал эмир Хайдар (I800–I825), который соорудил рядом с домом Рахим-хана приемный зал, открытый на запад, а в другом месте – большое хонако, возле которого был колодец – "чох", откуда доставали воду для поливки имевшегося там цветника. К колодцу вел проток из хауза Лисак, открывавшийся по мере необходимости. Колодец мог использоваться для водоснабжения арка и в случае осады во время войны. Сообщается, что в арке имелся садик – "богча", носивший название Чахор чаман, воду для которого поднимали из хауза, находившегося у стены арка, с помощью во-

---

I. См. В.В. Бартольд. Сочинения, П (2), М., I964, стр.77.

2. Тахкикоти арки Бухоро, ркп. Института востоковедения АН Узбекской ССР, № I9.

доподъемного сооружения "чархи фалак". При эмире Насрулле (I826–I860) напротив дома Рахим-хана выстроили еще один приемный зал (по-видимому, рис.I, фиг.88) с подвалом "тагхона". При эмире Музаффаре (I860–I885) в арке построили дом для русских послов; при Абдулахад-хане – каменное здание арсенала и пороховой склад "курхона", внутри которого находилась яма "газабхона", куда сбрасывали трупы тайно умерщвленных в арке "виновных и невинных" придворных.

К этим сведениям "Тахкикот" можно добавить кое-что из других источников. В Убайдулло-нома, например, имеется рассказ о городском восстании I708 г., когда народ кидал камни в ворота бухарского арка, требуя отмены денежной реформы. При изложении событий I7II г. упоминаются "тесная комната", в которой жил Абулфайз-хан до возведения его на престол, кладовая – "тушакхона" и надвратное сооружение – "нагорахона"[I]. В "Истории Абулфайз-хана" говорится о суфе, находившейся напротив джилавхона, о дереве, росшем возле первого запертого входа в гарем, о зеркальном зале – "шишахона", коронационном зале – "куринишхона", кладовой – "тушакхона" и ханской конюшне в арке, а также о суфе мечети Поянда-аталыка, расположенной вблизи арка[2]. Автор "Истории Рахим-хана" Мухаммад Вафои Карминаги упоминает "новое высокое здание", построенное в арке по приказу Мухаммад Рахим-хана. В это помещение был перенесен трон ввиду холодной погоды в декабре I756 г.[3] В том же источнике содержится описание бурных политических событий середины и второй половины XУШ в. Те же и более поздние события освещаются в "Тульшан ал-мулук" Мухаммад Якуба Бухари, в "Записках" Мирзы Шамса Бухари, в "Тодж ат-таварих" Мухаммад Шарифа, в "Фатхномаи султони" Мир Мухаммад Алима Бухари, мемуарах Абдулкарима Бухари, Салим-бека, Шарифджан-махдума, Ахмади Дониша, Садриддина Айни и др. Те или иные сведения об арке можно найти также в отчетах и мемуарах русских и иностранных путешественников и дипломатических представителей.

I. См. Убайдулло-нома. Соч. Мир Мухаммед Амина Бухари, ркп. Института востоковедения АН УзССР, №I532, л.I38а–I4Iа, I53а, б; 225б; перевод А.А.Семенова. Ташкент, I957, стр.I56–I59, I72, 25I.

2. Таърихи Абулфайз-хан. Соч. Абдурахмана Толиъ, ркп. Института востоковедения АН УзССР, №II, л.I00б–II9б; перевод А.А.Семенова. Ташкент, I959, стр.50–66.

3. Тухфаи хони, ркп. Института востоковедения АН УзССР №I6, л.255б.

В 1918 г. в бухарском арке совершили свой героический подвиг большевики, посланцы Туркестанского Совета Народных Комиссаров во главе с В.П. Уткиным[1]. Площадь Регистан была местом последних боев, в которых бухарский народ с помощью Красной Армии в короткий срок с 29 августа по 2 сентября 1920 г. разгромил войска эмира. 2 сентября 1920 г. М.Ф. Фрунзе послал В.И. Ленину телеграмму:

"Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции".

После революции арк сохранил только значение исторического памятника. В настоящее время, как упомянуто, в нем находится областной музей.

---

1. Об этом подробно см. ниже, стр. 81, а также "Таърихи Салими", ркп. Института востоковедения АН УзССР №2016, лл.154-155; Б.И. И с к а н д а р о в . Бухара в 1918-1920 гг. (Ликвидация Бухарского эмирата - очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии). В кн.: "Материалы по истории Ср. Азии и Таджикистана". Сталинабад, 1954, стр.15-16; е г о ж е. Бухара (1918-1920 гг.). Душанбе, 1970, стр.59-60; Н.К. Н о р к у л о в . Мирза Салим-бек о бухарских событиях 1918 г. "Общественные науки в Узбекистане", 1967, №4, стр.59-61; е г о ж е . "Таърих-и Салими" - ценный источник по истории Бухарского эмирата (1860-1920 гг.). Автореф. дисс. Ташкент, 1968, стр.16-18.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРКЕ

Бухарский арк представляет собою в настоящее время большое земляное возвышение, род искусственного, как можно думать, холма, довольно плоской возвышенностью и круто обрывающимися склонами, носящими следы разновременных и разнохарактерных усилий их укрепить, предохранить их от разрушения и осыпания[1].

Арк расположен в северо-западной части современного города, внутри последних, до сих пор сохранившихся городских стен, но вне древнего шахристана, к западу от него. Длина стен арка - 789, 60м, площадь поверхности - 3,96 га, высота от уровня площади Регистан, возле которой он расположен, колеблется от 16 до 20 м.[2]

В плане арк близок к неправильному прямоугольнику, несколько вытянутому по направлению с запада на восток. Юго-восточный угол его слегка срезан (рис.1).

Вопреки тому, что, казалось, можно было бы ожидать от бухарского кремля, официального местопребывания многих правителей, в нем не было за последнее время выдающихся в архитектурном отношении зданий. Русский агент Виткевич, побывавший в Бухаре более ста лет тому назад, характеризует постройки арка как "сбор лачужек, небольшой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен"[3]. Этот несколько суровый отзыв, все же, видимо, довольно справедливо характеризует дворцовое хозяйство последних эмиров[4].

Большинство зданий в арке было построено из обычного в Средней Азии деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичем и покрытого

---

1. По представлению бухарцев, словом "арк" называется замок, расположенный в городе и на значительной высоте, тогда как укрепление, стены которого находятся на уровне земли или на невысоком холме, называется "кургон". Кроме кремля города Бухары, арками назывались высокорасположенные замки еще четырех городов Бухарского ханства: Китаба, Яккабага, Кермине и Гисара.

2. Сведения о размерах бухарского арка были любезно сообщены нам в 1940 г. городским инженером Ф.В. Еселевичем.

3. М.М. С о л о в ь е в . Экспедиция в Бухару в 1841-42 гг. М.-Л., 1936, стр.84.

4. Наиболее старый известный рисунок арка, сделанный в начале XIX в. и опубликованный в журнале "Сибирский вестник" за 1823 г. (рис.5), показывает, что внешний вид строений юго-западной, прилегающей к входу, части арка в то время значительно отличался от предреволюционного более позднего (рис.6,7,8). Знакомству с этим рисунком мы обязаны А.М. Мухтарову, которому и выражаем за это свою признательность (прим. ред.).

штукатуркой. Дома попроще делались из однорядного каркаса, более богатые – из двухрядного. Построек из обожженного кирпича в арке было немного: "тахтапуль" (пандус) у входа, "нагорахона" – сооружение над входными воротами, "долон" – крытый проход, ведущий снизу вверх от ворот до поверхности арка (потолок его был деревянный); мечеть Джоми (за исключением крыши); "саклав" (небольшой купол перед входом во двор саломхона); стены, окружающие тронный зал; подвалы казначейства; мечеть Хонако; небольшая баня; мазар Сайид Баттол-гози и небольшое медресе, находившееся в северо-восточном углу арка.

После победы революции и бегства бухарского эмира в арке возник пожар, продолжавшийся четыре дня. То, что уцелело от огня, не могло надолго сохраниться в дальнейшем. Материал, из которого было сделано большинство построек, был настолько непрочен, что быстро поддавался разрушению. Кроме того, местные жители растаскивали деревянные части каркаса на топливо. Тем не менее, часть построек в первое десятилетие еще оставалась.

По словам тов. Бычковского, служившего в одном из советских учреждений, размещавшихся в арке в 1925–1927 гг., северо-восточная часть арка в то время была еще мало разрушена. Там стояла сплошная масса зданий, где можно было переходить из одной комнаты в другую. Это были красивые лабиринтообразные анфилады: каждое помещение имело особую отделку. Поражало обилие разбросанных в этих комнатах рукописных книг в очень красивых тисненых переплетах. В одном из помещений, по-видимому, в гареме кушбеги, на чистеньком аккуратном дворике был даже небольшой водоем, размером приблизительно 2 х 2 м, где будто бы купались женщины. Рядом росло большое дерево.

В период Бухарской народной республики была реставрирована западная стена арка. Около нее сохранилось несколько зданий, но все они не занимают и десятой доли площади арка. Остальная территория в 1940 г., когда записывался материал для настоящей работы, представляла собою большой пустырь со следами фундаментов, сохранившихся далеко не везде. Постройки, существовавшие еще в 1940 г., следующие (см. план): тахтапуль, ворота, нагорахона, долон, мечеть Джоми, часть учреждений кушбеги, основание коронационного зала, корихона, двор и постройки саломхона, часть построек саисхона, часть полуразрушенных и засыпанных подвалов казнохранилища, хонако в южной части арка и мазар – в восточной.

В арке постоянно жили жены и мать эмира, а также другие женщины гарема. Здесь же, под особым присмотром, находились братья и дяди эмира с их семьями и прислугой; каждый из них имел в арке особое изолированное помещение.

Безвыездно жил в арке "кулли-кушбеги", или "кушбеги боло" – верхний кушбеги, правивший всей страной от имени эмира. Он не имел права покидать арк. Тут жили и его семейные. Также безотлучно находился в арке начальник тайной полиции эмира – "тупчибоши" (которого следует отличать от другого тупчибоши – начальника артиллерии).

В дневное время в арке находилось 80 служащих кушбеги (писцы его канцелярии и чиновники для поручений – "шогирдпеша"), 30 или 40 служащих тупчибоши, 20 поваров, 10–12 ювелиров, 6–8 плотников, 1–2 штукатура, работники монетного двора, музыканты, истопники, водоносы и т.д.[1] Все они жили в городе и находились в арке только в служебное время – от утреннего намаза "бомдод" до намаза "шом". Ночевать никто не оставался.

Не выяснено, жили ли в арке имамы, суфи и прочие служители мечетей и хонако. Известно только, что возле хонако были небольшие дворики и дома, считавшиеся помещениями суфи и имама. Стражники "гуломбача" имели дома вдоль всей восточной стены арка. Число их не выяснено. Также неизвестно количество слуг, постоянно живших при дворе эмира, в домах его матери, жен, братьев и дядей, при гареме, при домах "кушбеги", "тупчибоши", "девонбеги" и других сановников. Но во всяком случае это число не должно было быть очень велико, так что общее число людей, находившихся в арке при эмире, не превышало 600–700 человек, в отсутствие же его – 400–500 человек.

Трудно предположить, чтобы арк, по существу являвшийся крепостью, кремлем, приспособленным для сопротивления неприятелю, мог бы всегда снабжаться водою только с помощью водоносов. В последние десятилетия существования эмирата водоснабжение арка было организовано так: водоносы брали воду в пруде (хауз), находившемся на некотором расстоянии от арка (перед мечетью Болохауз), и везли ее на ослах через площадь Регистан к воротам арка и затем через тахтапуль и долон наверх[2]. Для военного времени в случае осады арка такой способ был непригоден, поскольку водоносы на своем пути от хауза к воротам

---

1. По сведениям, любезно сообщенным нам Е.М. Пещеревой, в арке были также золотошвейные мастерицы. Число их и местоположение мастерских не определены.

2. Водоносы-мужчины подносили воду до сахлава перед урдами. Для разноски воды по урдам, где жили женщины, существовал специальный штат женщин-водоносов "машкобзан" (о них см. Д. И к р о м и. Духтари оташ. Душанбе, 1962, стр. 487 и сл.) (прим. А.П.).

арка находились бы под обстрелом возможного неприятеля. Должен был быть другой, более безопасный способ получения воды в арке.

Опрошенные нами жители Бухары и даже последний архитектор - Иброгим Хофизов не знали о существовании такого способа. Это и неудивительно: ведь при последних эмирах, с введением русского протектората прекратились междоусобные войны и была исключена возможность военного нападения. Некоторые военные приспособления были заброшены, в том числе и тайный способ снабжения арка водою в случае осады.

Мы можем только предполагать, что вода доставлялась в арк с помощью подземного канала "тазар", который шел от бывшего медресе Ходжа-Нихол и подходил вплотную к южной стене арка. Вероятно, здесь существовал тайник - "обдузд", который вел под стеной к этому каналу. Не исключена возможность даже существования сооружения типа "сардоба" (закрытого водоема).

Подтверждение этой догадки мы нашли в рукописи "Тахкикоти арки Бухоро":

"Еще имеется колодец по соседству с упомянутым хонако, где держали воду, которую вытаскивали из него для поливки цветника, расположенного у того места. А чтобы не испытывать нужды в воде в случае войны, к нему из хауза Лисак[1] есть ход, который открывается, когда нужно. Кроме того, был садик, называвшийся Гулзори чорчаман - "Цветник четырех лужаек", где его величество счастливый эмир часто прогуливался и развлекался с обитательницами (?) гарема. Воду сюда поднимали с помощью колеса "чархи фалак" из хауза, находившегося напротив, вблизи стен арка, где сберегалась вода"[2].

Приведенное свидетельство "Тахкикот" выглядит вполне правдоподобным. Автор его жил в арке или по крайней мере общался с людьми, жившими там во времена, предшествовавшие русскому завоеванию. Поэтому он мог знать о существовании тайного водопровода, прочно забытого позднее. Кроме того, не следует упускать из виду, что автор "Тахкикот" был сыном бухарского эмира Музаффара, правившего с 1860 по 1885 г., оставался в арке при двух последующих эмирах и сумел уцелеть во время переворота 1920 г. Кому ж, как не ему, было и знать тайны бухарского кремля?

---

1. Хауз Лисак находится неподалеку от арка, к югу от него.
2. Ркп. Института востоковедения АН УзССР, №19, л.40об.

ОПИСАНИЕ СХЕМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА АРКА

У входа в арк. Мечеть Джоми

1. "Джилявхона" - открытая площадь на Регистане у входа в арк (рис.6). Приезжавшие во дворец бухарские сановники здесь оставляли своих лошадей с конюхами. Только эмир мог въезжать в арк сидя на лошади[1]. Глава военных феодалов - "атолик" и высший чин среди духовенства - "кози-калон" поднимались верхом до половины пандуса; "раис", "хокимы", "туксабо", "мирохуры" слезали с лошадей, не доезжая пандуса, меньшие чины - вдалеке от него, а когда приходилось посещать арк торговцам или другим людям, то они спешивались еще дальше и принуждены были пройти пешком большое расстояние.

2. "Тахтапуль" - пандус, подъем к воротам арка, огражденный с обеих сторон массивными каменными перилами. Длина пандуса около 20м, ширина - от 5 до 3,5 м. В верхней части перила возвышались, образуя небольшие арки с проемами, откуда крутые ступени по обе стороны пандуса спускались к основанию арка (рис.8 и 9).

Первоначально пандус имел деревянный помост, почему и назывался "тахтапуль". Ввиду его ветхости в 1894-95 гг. бревна заменили полом из плоских квадратных обожженных кирпичей старого типа. До перемены настила под деревянным помостом пандуса было пустое пространство, соединявшееся с "канахона". Под тахтапулем, как и в канахона, содержали придворных, совершивших наиболее тяжелые преступления. Бревна в пандусе намеренно не пригоняли плотно друг к другу, и между ними оставляли щели для прохода воздуха в помещение канахона, закрывавшееся наглухо после того, как туда спускали преступника.

3. "Пештокча" - железные кольца, вделанные в стены перед упомянутыми боковыми входами пандуса. Таких колец два, по обе стороны пандуса (рис.9). Путь между кольцами перегораживали в некоторых случаях цепью.

---

1. В арк въезжали верхом по пандусу и через долон до площадки за ним члены посольств и миссий (Л.Ф.Костенко. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., СПб., 1871, стр.52; М.М.Соловьев. Экспедиция в Бухару в 1841-1842 гг. при участии натуралиста А.Лемана. М.-Л., 1936, стр.59), хотя иногда и они спешивались внизу перед пандусом и дальше шли пешком (В.В.Крестовский. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887, стр.289). Выезжать из арка верхом с поручениями эмира имел право ряд высших должностных лиц, относящихся к группе "опор эмира" (А.А.Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре. "Сов. востоковедение", 5, М.-Л., 1948, стр.148-150) (прим. А.П.).

Имеется противоречие между показаниями главного осведомителя по арку - архитектора эмиров Иброгима Хофизова и других (И.Адылова и Усто Ширина Муродова). По словам И.Хофизова,цепь не протягивалась, когда эмира в арке не было или он не принимал.Это называлось "дари хона не", т.е. "нет дверей в дом", нет приема.В случае приема поперек тахтапуля между кольцами пештокча протягивалась цепь.В это время прекращался подвоз воды водоносами.Напротив того, И.Адылов и Усто Ширин Муродов,опрошенные независимо друг от друга,показали, что в тех случаях когда эмир был в арке, но не принимал,цепь была протянута и это называлось "дари хона не" - нет приема. Когда же эмир начинал прием, то цепь убиралась[1].

4. "Гулдаста" - род башен, воздвигнутых по одной с каждой стороны ворот. Таких башен в арке было всего две; угловые башни арка назывались иначе: "гилбурдж" или "кунджак".

5. "Суфа" - возвышенные площадки для сидения около башен гулдаста. Современная каменная облицовка их была сделана одновременно с ремонтом пандуса (в 1894/95 г.). По утрам, еще до рассвета, на этих суфа сиживали сановники, которые должны были являться в арк к утренней молитве. Дождавшись открытия ворот, они устремлялись вверх по долону 13 в соборную мечеть 19.

Под каждой из этих площадок имелась внизу небольшая комнатка, дверки которой открывались наружу. В правой при входе эта дверь существовала еще в 1940-1941 гг.,в левой же она была замурована и оставлены только две небольшие амбразуры. В первом помещении имелся небольшой столбик,подпиравший потолок. При Музаффар-хане и только раз при Абдулахад-хане здесь подвергались казни женщины. При Абдулахад-хане осужденную привязали к столбу, против небольшого окошка и расстреляли через него, причем она была под паранджой[2].

---

1. С.Айни в своих "Воспоминаниях" (Перевод с таджикского Анны Розенфельд. М.-Л., 1960,стр.750; в дальнейшем цитируется "Воспоминания") пишет, что в день,когда назначен был прием,через мост Тахтапуль была протянута цепь. "Увидев эту цепь, Пирак пояснил мне:"Если сегодня состоится "открытие дверей",то цепь уберут, и тогда будет очень интересное зрелище, а если "открытие дверей" не состоится, то цепь провисит здесь до полудня, и тогда все разочарованно разойдутся." (Протянутая через тахтапуль цепь видна на рис.6) (прим.А.П.).

2. Ее звали Майда Мухтор.Небольшого роста ("майда"),бойкая, лет 24-25, хорошенькая,она была не прочь принимать по ночам участие в пирушках мужчин, где пела и танцевала.Арестован был за попусти - тельство и ее муж, но он отговорился, что все это происходило без его ведома. Продержав 2-3 года в тюрьме,его выпустили.

Верхняя часть пандуса с боковыми площадками суфа служила своего рода эстрадой при некоторых мероприятиях эмирского правительства. Здесь, в присутствии кози-калона и кушбеги, ежегодно накануне новогоднего праздника происходила выдача десятины -"дахьяк" муллам, которых собиралось для участия в этой церемонии до 2000 человек (по другим сведениям - 1200 чел.).

"Оламиён" - главное лицо, производившее раздачу дахьяка (его называли иногда "ясовули уламо"), садился при этом на правую (при входе) суфу, а его писцы-счетоводы - на левую. Один из служащих, стоя посреди верхней площадки пандуса,спиной к арку, громогласно провозглашал имена мулл по списку. Муллы в ожидании очереди стояли по левую сторону от тахтапуля друг за дружкой, в порядке расположения имен в списке. При провозглашении имени названный мулла отзывался именем своего отца и поднимался по левой лестнице наверх тахтапуля, пересекал площадку и приближался к правой суфе, где оламиён выдавал ему завернутую в бумажку и завязанную пачку - 120 тенег. Взяв их, мулла спускался по противоположной дестнице и уходил в сторону мечети Поянда[1].

Состоять в списке мулл, получавших дахьяк, считалось весьма почетным, и иногда тратились тысячи тенег для приобретения этого права. Общее число мулл, получавших дахьяк, считалось постоянным; на место умерших зачислялись другие - после сдачи ими особого экзамена, заключавшегося в чтении и переводе нескольких строк из известного юридического трактата "Хидая", сочинения Бурхониддина Али ал-Маргинони, на арабском языке[2].

Раз в месяц в этом же месте происходила выдача жалованья солдатам: гвардейской кавалерии - "кавказ", солдатам - "думболапур"(казнозарядным, т.е. вооруженным винтовками,заряжавшимися с казенной части), артиллеристам и, наконец, остальным. Последние приходили раз в месяц специально за жалованьем из сел. Ширбудун, где находились их казармы. Солдаты получали по двадцати тенег в месяц и прочее содержание - натурой (кавалеристам выдавали и фураж).

В верхней части тахтапуля производилось обычно еще наказание палками - публично по четвергам, субботам,иногда по понедельникам, только в единственном месте в г.Бухаре - именно в верхней части пан-

---

1. Списание раздачи дахьяка муллам см. также С. А й н и . Воспоминания, стр.750 (прим. А.П.).

2. Сохранился указ последнего эмира от 1917-1918 г., из которого видно,что подобные выдачи дахьяка производились и в Карши. Там это пособие получали 55 мулл, по 100 тенег в год каждый.(Бухарский музей, док. №186) (прим. О.Ч.).

дуса. Для этого наказания требовалось всякий раз специальное письменное разрешение эмира. Имелось обычно две градации: 39 ударов ("як кам чиль" – т.е. "без одного сорок", как определяют бухарцы), или, более сильное – 75. Редко, но все же бывало, что эмир приговаривал к наказанию "чоройна" (латы, буквально – четыре зеркала). Число 75 повторялось в таком случае четыре раза: 75 ударов давались обычным образом по спине, 75 – по груди и животу и по 75 по бокам. Такое наказание преимущественно присуждал (и то редко) жестокий Музаффар. Про Абдулад-хана говорят, что он только раз решился на такой приговор.

Следует оговориться, что это касается только"наказания".Но при пытках, чтобы заставить сознаться подозреваемого, применялись повсюду самые ужасные приемы, в том числе и битье. Тут уже не было счета и меры.

Для наказания употребляли трости из дерева твердой породы,очищенные от коры и сучьев и обструганные ножом, длиною немного более метра. Их заготовляли целыми партиями.

Один из служащих при входе – "мерган" взваливал виновного себе на спину так, что он приходился грудью на спину державшего и чтобы спина наказываемого была бы обращена наверх. Рубашку ему поднимали и завязывали на голову. Часто ему давали в рот его тюбетейку,чтобы он мог ее кусать, не кричал бы и дышал носом, так как считалось,что если дышать ртом, то кожа якобы больше отходит от тела и хуже выдерживает удары. Руки наказываемого держал человек, на спине которого он находился; сзади за ноги его придерживал еще один мерган. Удары наносились по очереди двумя людьми, бившими через голову так,чтобы удары ложились вдоль спины провинившегося.

"Бир" (один), – раздавался громкий крик счетчика, далеко разносившийся над примолкнувшей толпой, собравшейся на зрелище. "Ики" (два), – отсчитывал тот же человек, при втором ударе и т.д. Счет велся по-узбекски. Текла кровь, окрашивая штаны принимающего удары, а также и спину его державшего. Но вот, наконец, счет закончен.Пострадавшего снимают с живого эшафота и кладут на носилки, принесенные из ближайшей бани в Тукумдузи, где они находились около топки бани – "гулах". Истопники при двух соседних банях уже давно использовали с выгодой такие случаи. Положив израненного на носилки, они относили его к себе в свое помещение при бане, где его укладывали спиною на подложенную снизу свежую, не бывшую в употреблении, камышевую циновку. Не поддающийся гниению камыш считался в те дни достаточным антигнилостным средством. Разорванные куски кожи и мяса

на спине понемногу начинали прирастать. Как только раны подсыхали, пострадавшего снимали с циновки и мазали раны немного нагретым салом. Извещенные о совершенном наказании родственники пострадавшего, если они не пришли ранее, прибывали на место, где лежал больной(если они не знали, то об извещении их заботились истопники) и привозили значительное вознаграждение лечившим.[1]

6. "Дарвоза" – ворота. Сохранившиеся до сих пор западные (и в течение последнего столетия единственные) ворота арка имею по бокам, как уже было упомянуто, две круглые башни, а наверху – трех – этажную постройку с открытой галлереей – "нагорахона" I0-I2.

Бухарцы рассказывают, что прежние ворота арка были на востоке и что теперешние устроены здесь Абдулло 3 (I587-I598, фактически правил с I557 г.). Это представляется довольно вероятным,принимая во внимание некоторую близость к ним двух медресе – его и его матери. Следы закрытия прежних восточных ворот сохранились и в названии гузара (квартала), именующегося Арки баста – закрытый кремль[2].

Сами ворота – простые, деревянные, не отличающиеся художественными украшениями, поставлены были при Абдулахад-хане(I885-I9I0). И косяки и самые полотнища их были сделаны из дерева "гуджум" (карагач)[3], но нижний порог намеренно сделан из тута (шелковицы), как очень хорошо переносящего сырость, которой не переносит карагач, в других отношениях очень крепкий. В южном полотнище ворот имелась дверка (рис.I0).

Здесь, перед открытыми воротами арка,кушбеги и тупчибоши совершали пятничный намаз, отбивая поклоны с положением лба на порог

I. Ср. описание этого наказания С.Айни (Воспоминания,стр. 299). По его словам, после наказания избитых относили в обхону (прим. А.П.).

2. Ср. "Таърихи Наршахи". Бухарск.литогр., стр.30; Перевод Лыкошина, стр.34, а также "Тухфат аз-зоирин".Бухарск.литогр.,I328 г.х.,стр.III. Дорога, пролегавшая когда-то от западных ворот восточным,сохранилась до последнего разрушения арка в I920 г., и следы ее видны были еще и в I940-I94I гг. Эта прямая дорога или улица разделяла площадь арка на две половины – северную и южную; перпендикулярно к ней были проложены более узкие дороги от северной стены к южной. Вокруг всего арка шла вдоль стены его круговая улица, по которой можно было обойти вокруг арка (что и было проделано в I912 г. И.И. Умняковым). В нескольких местах эта улица была перегорожена воротами,закрывающими доступ в юго-восточную и центральную часть арка, где жили женщины.

3.Карагач шапковидный, с мелкими листьями,в Бухаре называется "чини-гуджум", т.е. "китайский гуджум". В этом названии сохранился, может быть,след его попадания в Среднюю Азию. Раскидистый карагач с более крупными листьями в Бухаре называется "норвон-гуджум". Он употребляется на бревна.

ворот. Отсюда же начинал кричать намаз муэдзин эмира, и только услышав его, все остальные муэдзины, ждущие этого момента по своим минаретам, присоединялись к нему, и вся Бухара наполнялась криком. Голос у муэдзина эмира был такой, что якобы был слышан на расстоянии одного "фарсаха" (около 8 км).

Ворота отворялись обычно незадолго до восхода солнца.

7. "Канахона". Сразу же за воротами, по обе стороны их имелось еще по площадке "суфа", на каждой из которых сидело днем по два ясовула-привратника – "ясовули дарвоза", имевших в руках по белому посоху (из легкого дерева, называемого "джавбед"), с очищенной корой, обструганному. На ночь, после запора ворот, ясовулы здесь же ложились спать.

В углу каждой из двух расположенных за воротами площадок суфа было по дверке (правая сейчас заложена), которые вели в "канохона" – прославленное в описаниях европейцев место содержания преступников, наполненное клещами, скорпионами и проч.

Опрошенные бухарцы объяснили, что туда специально клещей не бросали, но что от сырости и пористости старого здания там сами собой собирались разные насекомые, что и подало повод к таким рассказам.

В каждой канахоне могли поместиться не более 3–4 человек. Помещения эти имеют круглую колодцеобразную форму, около 2 м в диаметре. Как упоминалось, до конца XIX в., т.е. до перестройки тахтапуля, они соединялись с помещением под тахтапулем, где тоже содержались преступники.

Канахона было две, по одной с каждой стороны ворот.

8. "Обхона" – пять тесных сырых каморок, находившихся по левой стороне подъема, при входе в ворота, за левой канахона, по западной стороне долона. Вентиляционные отверстия в обхона были сделаны в стенах каждого из пяти помещений. Пол в обхона был на уровне земли. Самое название "обхона" – буквально "помещение с водой (для воды)", по объяснению бухарцев происходило от сырости, бывшей в этом помещении. Воду здесь никогда не держали. В обхона содержались преступники за более легкие преступления, чем в канахона.

9. Проход от входных ворот 6 к долону I3, перекрытый двенадцатигранным сводом – "гумбаз", над которым находится нагорахона.

I0–II–I2. "Нагорахона"[1] – трехэтажное, близкое к прямоугольному в плане, сооружение над входными воротами в арк, с двумя угловыми башенками – "гулдаста" 4 на фасаде (рис. 6–8 и II, I2). Комплекс нагорахона состоит из центрального помещения II (см. планы на рис. I2), размером 4,30х7,60 м, которое находится над проходом 9 за щипцовой стеной входной арки; уровень пола его приходится над входными воротами. Это помещение очень высокое, оно проходит сквозь два этажа нагорахоны, и потолок его служит полом помещений третьего этажа. В западной стене центрального помещения II обращает на себя внимание нечто вроде полузаснпанного михраба, имеющего форму арки (как и на фасаде входной арки). Вход в помещение 2I со двора саисхона 4I через проем в восточной стене, шириной в I,6 м. Пол всех помещений нижнего этажа ниже уровня двора саисхона. С севера и юга к помещению II примыкают два узких вытянутых помещения I0 и I2 (шириной I,9 м). Они наполовину ниже центрального помещения. Северное помещение I0 (рис. 9, внизу справа) – кладовая. Перед ее дверью раньше стояла открытая лестница из жженого кирпича, ведшая со двора саисхона – 4I в расположенную над кладовой I0 часть второго этажа нагорахоны. Проем в стене помещения второго этажа ко времени нашего обследования был заложен. Южное помещение I2 неизвестного назначения. Узкий вход в него находился под существующей дверью во второй этаж[1] (рис. II, слева). Наличие заложенных каркасом северной и южной стен дают основание предполагать, что раньше был сквозной проход из помещения II в помещения I0 и I2.

Как сказано, потолок центрального помещения II доходит до пола третьего этажа, боковые же помещения I0 и I2 наполовину ниже, и на них располагается второй этаж – закрытый коридор, окружающий верхнюю часть помещения II с юга, севера и запада (западная часть коридора находится над входной аркой). В углах западного коридора имеются проемы, ведущие внутрь двух башенок гулдаста, где имеется по 4 окна в форме стрельчатых арок, забранных ажурными ганчевыми решетками. В южной гулдаста юго-западное окно, обращенное в сторону саломхона, было заложено наглухо, чтобы невозможно было через него смотреть. В наружной стене западного коридора, находящейся над входом в арк и обращенной к Регистану, между гулдаста имеется 6 арочных проемов тоже с ажурными ганчевыми решетками. Здесь сиживали царевичи, смотря на увеселения, устраиваемые на Регистане по большим праздникам – Курбан и Рамазан.

1. В "Тахкикот" постройка нагорахона приписывается Абдулазиз-хану (I645–I680 гг.) См. ркп. Института востоковедения АН УзССР, № I9, стр. 40а (прим. О.Ч.).

1. При Абдулахад-хане у этого же угла была сложена из обожженного кирпича лестница, ведущая наверх. Ее потом разобрали и заменили построенной с другой стороны.

Посредине западной части коридора второго этажа в потолке имеется отверстие, через которое по имевшейся здесь деревянной лестнице сообщались с третьим этажом. У выхода на третий этаж стояли башенные часы (рис.6 и 7), снятые якобы с кокандского дворца одним из эмиров.[1] Их бой, по словам бухарцев, был слышен на расстоянии фарсаха.

На третьем этаже нагорахоны посредине имеется прямоугольное помещение, находящееся над помещением II, но меньшее по размеру. Со всех всех четырех сторон оно окружено открытой галлереей (см. рис.8,9, 10). Вход в это помещение с востока. Пол его немного выше, чем окружающей его галлереи. В этом помещении музыканты хранили свои инструменты, главным образом I5-20 больших барабанов - "нагора" (рис.I3) (более легкие инструменты - "сурнай", "карнай" музыканты уносили с собой). Музыканты, игравшие на барабанах, сурнаях, карнаях, сидели обычно на западной, открытой на Регистан, галлерее третьего этажа нагорахоны.

I3. "Долон" - крытый, идущий вверх, проход, заворачивающий к северу (рис.I4). Крыша была заменена около I893 г. Прежняя была из арчевых бревен, новая, сделанная во время общего ремонта, - из карагача.

I4. Первая ниша долона, справа от входа в ворота. Здесь ежедневно сидели двое: кушбеги, приходивший сюда во время учения войска посмотреть на военные упражнения через отворенные ворота, и тупчибоши. Последний бывал два раза: в первый раз он приходил рано утром, перед восходом солнца для того, чтобы присутствовать при открытии ворот, и оставался приблизительно до I0 часов утра. Вторично он приходил в 4-5 часов вечера и оставался до окончания намаза "аср." После этого намаза лица, не жившие в арке, не имели права долее там оставаться за исключением экстренных случаев; так, например, секретарь кушбеги уходил часто после намаза хуфтан.

Вслед за нишей, где сидели кушбеги и тупчибоши, перед воротами (с их внутренней стороны), имеется вверху небольшая перемычка, которая, по словам И.Хофизова, поддерживает построенную над этим местом стену нагорахона.[2] Отсюда, довольно круто поворачивая к северу, идет длинный крытый проход - долон - I3, в каждой из двух стен которого имеется по ряду ниш: в левой, западной - двенадцать, в правой, восточной - тринадцать. В этих нишах сидели, а ночью спали мерганы - стража, состоявшая в ведении тупчибоши и охранявшая вход в арк. Все эти ниши простые, оштукатуренные ганчем, прямоугольные.

I. Л.Ф.К о с т е н к о (Путешествие в Бухару русской миссии в I870 г., СПб., I87I, стр.5I-52) пишет, что эти часы - "дело рук русского аферисты Каратаева, лет десять назад бежавшего в Бухару..." (прим. А.П.).

2. Судя по плану, это должна быть восточная стена нагорахоны, выходящая во двор саисхона. (прим. ред.).

I5. Ниша на восточной стороне долона, в центре ряда ниш. Будучи одинаковой высоты с другими, она отличается тем, что имеет наличник в форме стрельчатой арки. В этой нише никто не спал и не сидел, на ночь здесь благоговейно зажигался и горел масляный светильник - "чирог" или свеча, так как это место посвящено Сиявушу (Сиёвуши Вали).

Как удивительно живы и могучи бывают остатки глубокой древности у среднеазиатских народов. Вот и здесь многотысячелетний древний языческий Сиявуш... Сиявуш, возведенный в звание большого мусульманского святого с титулом "Вали". Мой спутник, Иброгим Хофизов, объяснил мне, что это, собственно говоря, не мазар (могила святого), а только "кадамджой" - место, на которое святой ступал.

Если принять во внимание, что и в рассказе Наршахи Сиявуш упоминается как строитель Бухары, бухарского арка, т.е. является таким образом, патроном, покровителем Бухары, если учесть, что то же представление сохранилось и в устных преданиях бухарцев, которое приписывают основание арка Сиявушу, то здесь, в этой небольшой нише при входе в арк, где благоговейно зажигался свет и где в старые годы проходившие останавливались (несмотря на некоторый скептицизм мулл) на короткую молитву, мы можем видеть исламизированные остатки древнего культа Сиявуша. Интересно мнение, слышанное М.С.Юсуповым от одного из бухарцев, что здесь не только чтится Сиявуш, но что тут погребен также сам Афросиаб[1].

Такой, хотя и небольшой памятник не мог, конечно, существовать без ведома эмиров. Весьма возможно поэтому, что именно они не только знали, но и охраняли этот предмет поклонения от мулл, подобно тому, как они защищали от нападений мулл другой, явно языческий остаток - народный праздник Навруз, праздник весеннего равноденствия.

Другое доказательство существования в былое время в Бухаре культа Сиявуша можно видеть в дожившем почти до наших дней в народе

I. В I962 г. нами было записано в Бухаре со слов старика-ювелира Мирбахрома, работавшего до революции на монетном дворе в арке, предание о том, что в старину вход в арк был на восточной стороне холма (ср. стр.25) и якобы там же находилась могила Сиявуша. Может быть источник этого предания - сообщение Наршахи: "В той же крепости около входа через восточные ворота, внутри ворот продавцов соломы,..., он (Сиявуш. - А.П.) был похоронен" (цит. соч., перевод стр.33). Помимо упомянутой ниши со светильником в долоне, во дворе саисхона, на который выходит крыша долона, на соответствующем месте, по словам Мирбахрома, якобы находилось небольшое кирпичное надгробие - "сагона" (прим. А.П.).

обычное оплакивание смерти Сиявуша, подобно тому, как это делалось в Иране, где древнее оплакивание Сиявуша перешло в народное оплакивание в исламизированной форме смерти Хусейна, обобщенное потом в память "Мучеников Кербаля". Мне доводилось слышать, будто в старину были старухи, знавшие причитания "Нолаи Сиёвуш" (плач по Сиявушу), а в некоторых глухих горных кишлаках и про бытование этого оплакивания.[1]

I6. "Куча" - довольно широкая улица, начинающаяся при выходе из крытого прохода долон I3. Она проходила мимо помещений тупчибоши I23 и I24 (слева) и поворачивала направо, на восток. Здесь она проходит мимо южного айвана мечети Джоми (слева, с севера) и помещений двора саисхона (справа, с юга), затем еще раз поворачивает направо, на юг и ведет мимо комплекса помещений кушбеги и двора саисхона к коронационному залу 66 и помещениям эмира 24-38 (рис.I5).

I7. Небольшая дверь, ведущая с улицы I6 во двор саисхона 4I.

I8. "Куча" - улица, отходившая к северу от улицы I6. Слева находились дворик тупчибоши (место допросов и пыток), справа - мечеть Джоми I9. В I940 г. эта улица имела около 9 м в ширину - от образующей здесь угол при повороте на север стены арка до соборной мечети. В старое время эта улочка была менее широкой, так как при перестройке западной стены арка еще в дореволюционное время эта стена стала тоньше метра на два и, следовательно, на столько же уширилась улочка. Стена арка при этой перестройке значительно понизилась, прежде же она была одной высоты с сохранившимся ее продолжением на северной стороне арка.

Дойдя на севере до частного жилища тупчибоши I25, улочка I8 поворачивала вправо, на восток, а затем влево, на север и, пройдя между помещениями каписхона I30 слева и монетным двором справа, выходила на улицу I50, проходящую вдоль стены арка.

I9. Мечеть Джоми (соборная) была построена, по-видимому, недавно, с характерным для XIX в. оформлением ганчевых украшений стен[2].

I. Об этой древней традиции упоминает Наршахи: "У жителей Бухары есть песни об убиении Сиявуша, известные во всех областях; музыканты сочиняют к ним мотив и поют их; декламаторы называют эти песни "плачем магов" (цит. соч., перевод, стр.33) (прим.А.П.).

2. Автор "Таккикот" приписывает постройку этой мечети Субхонкули-хану (I680-I702). Ркп. Института востоковедения АН УзССР №I9, л.40 (прим.О.Ч.). По сообщению мастера-заргара Усто Мирбахрома I885 г. рожд., работавшего на монетном дворе арка, последний ремонт этой мечети был произведен при Алим-хане (I9I0-I920). Работы возглавляли Усто Ширин Муродов, резчик по ганчу, и Усто Гаффор. Плотничьи работы выполнял Усто Абдусалом (запись А.К. Писарчик, I962 г.).

С юга, востока и севера мечеть окружена айваном с невысокой каменной супой под ним[1] (рис.I6,I7,I8,I9).

Южная половина арка

20. Место двери (позднее заделанной), находившейся по правой стороне южного колена улочки I6, ведущей к помещениям эмира, напротив улочки I5I. Она вела на лестницу во второй этаж, в помещения телефонной станции 56-58 (см. рис.4, планы вторых этажей).

2I. Дверь, тоже заложенная в настоящее время; вела в "мирзохона", где сидели писари, ведшие переписку с политическим агенством.

22. Дверь, тоже заложенная в настоящее время, ведшая в "мирзохонаи калон", где сидели "мирзои дафтардор" (правитель канцелярии) и "мирзои мунши" (законовед, юрисконсульт).

Саломхона и прилегающие помещения

23. "Саклав" (в местном произношении "сахлав") - небольшое купольное помещение, из которого двери ведут во двор саисхона, в коронационный двор и через небольшую открытую площадку, размером 5,I0х х2,90 м, к двери, за которой находился двор саломхона.

24. "Дари саломхона" - дверь из двора саломхона. Через эту дверь никто никогда не входил во двор саломхона (см. ниже), но через нее выходили со двора саломхона все, в том числе и эмир, садившийся на этой площадке на лошадь, чтобы ехать вниз, к воротам арка (отсюда следы насечек на камнях под саклав 23, сделанные для того, чтобы зимою не скользили ноги коня эмира - единственного человека, который мог ездить верхом в арке). Дверь старая, незамысловатая по

I. В I962 г. на айване мечети, на стыке восточного и северного крыла находился плоский каменный круг красноватого цвета. В стороне во дворе стоял белый ганчевый сосуд около 2 м длиной. По словам Усто Мирбахрома, оба эти предмета находились раньше на айване мечети и считались священными. Красный камень называли "Санги Рустам" - Камень Рустама, а сосуд - "Охури Рустам" - Кормушка (коня) Рустама. На фото I9, сделанном в первые годы после революции, оба предмета были еще на месте. Видно, что Камень Рустама представлял собой тогда остатки сосуда с гофрированной наружной поверхностью.

В архиве М.С. Андреева имеется незаконченная черновая запись, несомненно, относящаяся к этим предметам: "Пиёлаи Рустам" - Чаша Рустама и "Ясли Дульдуля" - коня Алия.

К этому комплексу вещей, связанных с именем легендарного героя Рустама, следует отнести и известную громадную "плеть Рустама", висевшую в долоне при входе в арк (хранится в экспозиции Бухарского музея). (прим. А.П.).

конструкции, та самая, которая была при последних эмирах . Интересно, что обе ее половины неодинаковы – западная уже, восточная – шире. Объясняется это тем, что если бы они были одинаковые, то створка двери, выступающая из стены, мешала бы удайчи и дарбону ,сидевшим с западной ее стороны,наблюдать за всеми проходящими через дверь саломхона к выходу.

25. Дверь, в настоящее время заложенная, ведшая с площадки между саклав и дверью саломхона 24 в "дарбонхона" – помещение привратника 27. На небольшой площадке перед нею сидели, ожидая возможного призыва эмира, два удайчи и один дарбон.

26. "Руи хавлии саломхона" – двор перед саломхона – обычным помещением эмира.

На дворе саломхона, перед двумя крайними западными окнами, находившимися против тех мест, где сиживал во время приемов эмир, имелись до революции две площадочки – "суфача", размером около 2х2 м, высотой около 40 см[I], на которые вставал человек, "осчастливленный" честью поцеловать руку повелителя и потереть затем о нее свои глаза, т.е. проделать то, что мусульмане обычно делают при поклонении святыне – "зиёрат" (при посещении, например, мазара, при созерцании какой-нибудь священной реликвии, при дотрагивании до корана и пр.). В настоящее время этих площадок нет, но еще в 1927 г. они существовали.

Правильный, настоящий путь попадания эмира к себе, в свои покои (рис.20), а также путь, по которому шли все старшие придворные чины, отправлявшиеся к нему на поклон – "салом", это был, как сказано раньше, путь от ворот через долон 13, затем по улочке 16 мимо мечети и затем направо к саклав 23, и дальше не через дверь 24 (дари саломхона), казалось бы, прямой путь от ворот к саломхона, а обязательно в коронационный двор 66 через дверь 64 и направо, перед небольшой стенкой – "гуломгард" 65, против двери 64. Здесь перед крыльцом 67 эмир сходил с лошади и проходил к своим аппартаментам, как и приходящие на салом, поднявшись по лестнице 67 на площадку 68, окружавшую коронационный двор, и через широкую двустворчатую дверь 72 в помещение 73, называвшееся "корихона" (о нем см. ниже), а оттуда во двор саломхона через западную дверь 33.Войдя в корихона, представ – лявшиеся эмиру останавливались в ожидании, когда начнется прием и наступит устанавливавшаяся здесь очередь для того, чтобы идти во двор саломхона, где проходило представление эмиру (рис.21).

I. По другим сообщениям, около 25 см.

До революции вход в дверь 24 изнутри двора саломхона 26 был также заслонен стенкой "гуломгард" 38, позднее разобранной. Небольшое здание 30 (с тремя дверьми) у западной стены двора саломхона, а также "айвон" и айвонча" за ним были раньше, как и теперь. Под помещениями 27,28 и 30 был подвал коврового склада –"колинхона" 42, доходивший под землей до середины двора саломхона (см. рис.4).

27. "Дарбонхона" – помещение привратника.

28. Помещение "удайчи" (церемониймейстера).

29. Дверь из помещения 28 во двор саисхона 42. Эта дверь способствовала сквозному ветерку и облегчала жару в летнее время.

30. Помещение бухчабардора (с тремя дверьми,выходящими во двор саломхона) (рис.22).

31. "Айвон" или "нимайвон" – веранда. В ней небольшая дверь, размером 1 х 0.55 м, служащая выходом на неширокий балкон "айвонча", с металлической фигурной решеткой (рис.23), откуда обитатели арка смотрели на происходившие внизу на Регистане увеселения,например,на пешую игру с козлом – "кукпари" (обычно она бывает конная), бросали по распоряжени эмира в толпу сласти[I].

32. Широкая дверь в восточной стене. Через нее,как упоминалось, входили на двор саломхона приветствовавшие эмира и входил к себе эмир.

33. "Саломхона" – главное местонахождение эмира, откуда он смотрел через окно на стоявших во дворе представлявшихся ему и приветствовавших его. Окна в саломхона помещались ниже, чем теперь,доходя до балки, лежащей и сейчас на цоколе (рис.21).

Здесь ежедневно после утреннего намаза бомдод эмир принимал приветствие – "салом" от своего двора.Он садился в "пешга" – удаленной от входа части саломхона, у крайнего,западного окна, которое оставалось закрытым, и это был признак, что прием еще не начинался – "дари хона не" – "в доме двери (еще) нет", говорили об этом бухарцы. Окно, перед которым сидел эмир, было меньше двух других, всего около 56 х 56 см (3 х 3 билиска). Характерно, что он садился не на трон или в

I. Железная решетка этого балкона русской работы конца XIX – начала XX в. На южном конце балкона, перед окном,бывшим раньше в южной стене саломхоны, имеется сводчатый расписной навес – балдахин на тонких столбиках. Через окно, бывшее в стене саломхоны под ним,эмир смотрел на площадь Регистан, где происходили учения войск, казни и пр. (Ср. С. А й н и . Воспоминания, стр.304). Теперь это окно заложено. (прим. А.П.).

кресло; так как и он, и все другие, его окружавшие, обычно сидели с поджатыми ногами, т.е. почти на земле, то и здесь для него сидением служило сложенное вчетверо одеяло, лежавшее на очень низкой тахте, с верхом из перекрестно натянутой толстой тесьмы. Высота этого сидения около I билиска (2I-22 см), длина около двух бухарских "газов" при ширине в 6 билисков.

Усевшись, эмир брал короткую деревянную колотушку "кальтакча", лежавшую рядом с сидением или на нем, и ударял ею раз в подоконник. - "Хуш!" - раздавался громкий и, вместе с тем почтительный возглас привратника - "дарбон", бросающегося при этом отворять окно.

Пока не отворялось окно, пришедшие на поклон сановники, приезжие крупные административные чины из провинции, курьеры, привезшие донесения, и пр. не могли выходить на площадку, где происходило представление, и ждали в определенном месте; когда начинался прием, они пропускались в определенной очереди на поклон. Во время нахождения эмира в загородных дворцах к нему могли являться только лица, входившие в его свиту - "рикоб" и отдельные лица, являющиеся по его вызову. В загородном дворце поэтому через церемонию салома проходило приблизительно I00-I50 человек; при проживании эмира в арке число представляющихся во время приема увеличивалось приблизительно вдвое.

Как только распахивалось окно, тотчас же первыми быстро выходили вперед два "удайчи" - церемониймейстеры, кланяясь эмиру через каждые два шага и держа перед собою на перевес в опущенных руках свои служебные посохи. Не доходя шагов десять до суфы перед окнами саломхона, они останавливались в некотором расстоянии друг от друга, олицетворяя собой воображаемую линию, до которой должны доходить прочие представляющиеся, не имеющие права переходить таковую. На правом фланге, считая от эмира, становился старший удайчи - "удайчи дасти рост" - удайчи правой стороны, налево - "удайчи дасти чап" - удайчи левой стороны, уступающий по степени первому. Удайчи считались в данном случае двумя концами "джиляв" - воображаемых удил, сдерживающих и направляющих линию представления, "аксакалами" - "оксакол" дворца, наблюдающими за порядком.

После того, как удайчи встали на свои места, тотчас же шли на поклон самые старшие чины среди присутствовавших, ожидавших вдали (как сказано, на определенном месте), когда для каждого из них наступит назначенная очередь идти. Если прием происходил в арке, в

Бухаре, то впереди всех должен был идти верхний кушбеги (или оба кушбеги). В загородном дворце они не появлялись, ибо оставались в городе, и тогда первыми подходили бии. Но и их эмир брал с собой не в большом числе. Чаще всего они оставались в провинции, находясь во главе различных округов в должности хокимов. Часть их, провинившихся и неугодивших эмиру, попадала в опалу и получала предписание "сидеть дома".

Представлявшиеся исполняли положенный "таъзим" - почтение, выражаемое в данном случае поклонами[I]. Не доходя одного-двух шагов до линии между удайчи, произносили с поклоном: "Ассалом аляйкум". Эмир не отвечал, но вместо него раздавался голос "салом агоси"[2], очень громко отвечавшего на "саломы" подходящих: "Ва аляйкум ассалом!" Низко поклонившись, представлявшиеся начинали пятиться назад (оставаясь в своем согнутом почтительно-приниженном положении), доходили до помещений, расположенных по другую сторону двора, и затем шли в то из них, которое им полагалось по рангу[3].

И здесь наблюдался строгий порядок и местничество в иерархическом отношении. Старшие чины входили в особую комнату, следующие, туксабо, устраивались в другой. За туксабами шли мирохуры, затем каровулбеги, затем джевачи, а за ними - мирзобоши, замыкавшие шествие высших чиновников, ведущих свое происхождение от родовой аристократии. Затем следовали мастера, музыканты, барабанщики, "голиб" (заведывающий танцорами), "джабборчи" (провозгласитель громкой молитвы в момент, когда эмир ставил ногу в стремя и садился на лошадь) и др., не причисляемые к родовой аристократии. Они не входили в помещение для амальдоров, а размещались после салома в другом месте, тоже в порядке своей иерархии. Но трое старших мастеров

I. По сообщению доктора исторических наук А.М. Мухтарова, после поклона удайчи называл имя, чин, должность лица, пришедшего на салом (прим. А.П.).

2. Им обычно был походный муэдзин эмира - "суфии джиляв", букв. "муэдзин у удил (коня эмира)".

3. С. Айни, приводящий по опросным данным описание приема эмиром своих чиновников, говорит, что церемониймейстер распределял участников церемонии по группам в соответствии с их рангами и чинами и выводил во двор саломхона... После поклонов все усаживались на ковер, подогнув колени, как это принято делать при чтении намаза, и выражали эмиру свое почтение... Затем после сигнала церемониймейстера группа придворных поднималась и, пятясь, выходила из зала приветствий. (Воспоминания, стр.3II-3I2) (прим.А.П.).

из ювелиров, имевших чин туксабо, как и главный придворный портной - "дарзи" - тоже пожалованный в такой же чин, шли вместе с амальдорами (и допускались для еды в их комнаты)[I].

34. "Дахлиз" - передняя перед саломхона, где постоянно сидело два дежурных махрама. К западу от этой передней находилась саломхона - 33.

35. "Дахлиз" - вторая передняя, к югу от передней 34, ведущей в саломхона. Здесь сидело 2-5 махрамов.

36. Спальня эмира - "хонаи хоб" или "хобхона".

37. Хранилище для халатов и прочей одежды - "бугчахона" (разг. бухчахона).

38. "Гуломгард" - стенка перед дверью 24 во дворе саломхона 26.

39. Деревянная лестница, ведущая со двора саломхона 26 в помещения второго этажа над корихоной 73. До революции не существовала, вход в эти помещения был по лестнице 75 со двора миёнхавли 78.

I. В 1962 г. в Бухаре З. Мухиддинов передал нам хранившуюся в его семейном архиве анонимную записку, озаглавленную "Рутбаи урунни Бухорои шариф" - "О порядке мест (в соответствии с чинами) в благородной Бухаре" (рис.24). В этой записке содержится перечень чинов (в нисходящем порядке), сидящих с правой и левой стороны:

"Правая сторона ("урини унг"): шайхульислом, кози-калон, урини нахшбанди, мири асад, аълям, садр, девонбеги, мирзо, муфтии аскар, парвоначи, иноки калон, судур, додхо, бий, урок, эшикогоботи, чагатойбеги, туксоба, мирохур, каровулбеги, джебочи, мирзоботи, чухраогоси.

Левая сторона ("урини сол"): накиб, уроки калон, атолик, мири асад, файзи, аълям, садр, парвоначи, инок, судур, додхо, бий, урок, эшикогоботи, чагатойбеги, туксоба, мирохур, каровулбеги, курчибоши, джебочи, мирзоботи, чухраогоси".

О степенях перечисляемых чинов, их принадлежности к различным группам, о значении и обязанностях их носителей см. А.А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре. Сов. востоковедение, У, М.-Л., 1948, стр.137 сл.

В переведенном А.А. Семеновым трактате говорится: "Существуют "опоры эмиров", кои в присутствии государя ислама имеют определенные места для сидения". (ук. соч., стр.144). Однако порядка сидения этих чинов не указывается. В приводимой нами записке перечисляются не только "опоры эмира" (атолик, девонбеги калон, парвоначи, додхо и др.), но и должностные лица из ученых и сейидов и др.

В "Воспоминаниях" С. Айни говорится, что когда все группы после окончания приветствий удаляются, церемониймейстер отводит их на двор, в парадной части которого установлен трон эмира, и рассаживает по рангам на выложенной кирпичом, но не покрытой коврами суфе (прим. А.П.).

Двор саисхона и постройки, выходящие на него

40. "Дари саисхонаи хоса" - дверь в конюшню эмира. Имеется в виду дверь, ведущая от площади под куполом саклав - 23 на запад. Дверь та же, что была и раньше, до 1920 г.[I]

41. "Руи хавлии саисхонаи хоса" - конюшенный двор эмира (рис. 25).

На дворе без навесов и прикрытия стояли лошади, привязанные к невысоким столбикам - "яккамех". Сено - люцерна давалась в легких матерчатых торбах, как и ячмень.

Лошадей здесь стояло около 15-20. Были лошади для "кукпари" (конной игры с козлом), были вьючные, называемые "полоннок" или "полонги", были лошади, подходящие для обычной верховой езды (часто иноходцы). Обычный состав: 4 верховых лошади, на которых по очереди ездил эмир, 8 скаковых - "тоз", 8 вьючных для поднятия его походного багажа. В арке эти лошади стояли только тогда, когда появлялся там эмир. Это был состав лошадей, постоянно сопровождавших эмира в пути, принадлежавший к его рикобу.

Помимо лошадей рикоб, пребывавших там, где находился эмир, а также конюшен на подворьях различных хокимов (см. ниже стр.132 сл.), имелась еще и конюшня, приблизительно из 50-80 лошадей, находившихся при помещении "кушбегии поён", расположенном вне арка, перед южной его стеной (где сейчас построены современные здания). Там содержались лучшие лошади различных пород, из славившихся своими лошадьми мест, как например, Локай, Гисар и др. Позднее были даже американские, появившиеся в середине царствования эмира Абдулахад-хана. В начале же славились лошади, доставшиеся ему от его отца Музаффара. В особенность большой известностью пользовался белый конь, известный под кличкой Джамшед, имевший необыкновенно пушистый хвост. Абдулахад-хан ездил на нем первые два года своего царствования, а потом конь одряхлел и был послан на конюшню к кушбегии поён. Там он долго жил на пансионе; ему даже установили особый пищевой режим для поддержания сил. В его порцию ячменя подбавляли ежедневно по 15 куриных яиц - сырых, выливаемых в ячмень из скорлупы.

I. В 1962 г. этой двери не было, а был открытый проем, так же как не было уже и "айвончаи фаррошбоши" - 43 и навеса на втором этаже над ним (прим. ред.).

Абдулахад-хан заботился о получении хороших лошадей для своих конюшен и сам иногда наблюдал за скрещиванием пород, производившемся в одном из его загородных дворцов, а через 5-6 лет разъезжал на полученных отпрысках. Алим-хан же не интересовался лошадьми, как не интересовался и спортом.

Вне арка, со стороны его восточной стены, была расположена еще одна конюшня, в которой помещалось около полусотни лошадей, принадлежащих шогирдпеша. Здесь было несколько конюхов, которые обслуживали их. Корм приходилось приобретать самим шогирдпеша, но деньги на это в размере рыночной стоимости трех снопов люцерны и одного чойрака ячменя на каждую лошадь они получали через соответствующую инстанцию из казны эмира. Каждый имел право содержать столько лошадей, сколько ему полагалось по его рангу. Так как казенный паек был очень скромен, то любящие своих лошадей довольно часто прибавляли к казенному корм еще за свой счет. Эти лошади были собственностью шогирдпеша, служивших в арке при кушбеги, исполнявших его поручения и поэтому пребывавших в Бухаре постоянно.

42. "Колинхона" - ковровый склад, помещавшийся в подвале под двором саломхона 26 (см. план подвалов 4, рис.25, фиг. а).

При том значении, которое имел и, отчасти, еще имеет ковер в жизни Среднего Востока, наличие ковров и в частном и, тем более, в дворцовом хозяйстве приобретало большое значение. Не следует забывать, что стульев совершенно не существовало; даже больше, когда начали появляться стулья и когда в конце XIX в. местным жителям приходилось иногда на них садиться, то им, привыкшим к сиденью на полу, пребывание на стуле со свешивающимися ногами казалось даже утомительным. Пишущему не раз приходилось видеть, как утомленный этой позой человек поднимал ноги на свое сиденье и старался устроиться приблизительно так, как он сидел на земле.

Дворцовый склад ковров, которыми обслуживался весь арк с его приемами и церемониями, имел поэтому большое значение. Число ковров, разостланных или подготовленных к растилке в многочисленных дворцах эмира как в Бухаре и ее окрестностях, так и по другим местам должно было быть потрясающим. В складе при арке хранился только запас неиспользуемых в данное время ковров. Несмотря на то, что во всех соответствующих помещениях арка было много ковров, в данном складе хранился запас из 600 ковров (до 2000, по другим сведениям). Для обслуживания этого склада имелось 5 служителей "фаррош", из которых один был главным и имел титул "фаррошбоши". Интересен был способ

борьбы с молью. Служители выносили в мае по ночам ковры из склада и растилали их на земле. Утром ковры подметали и убирали в склад, так как существовало мнение, что если их застанет солнце, то от солнечных лучей в них может завестись моль. Только в конце XIX в. бухарцы познакомились с нафталином и начали применять это средство.

Обычно фарроши ходили ночевать домой, в город, и только в мае ночевали в арке, работая по просушке ковров.

43. "Айвончаи фаррошбоши" - навесик (веранда) фаррошбоши направо от входа во двор саисхона 41 против двери коврового склада 42. Здесь на небольшом возвышении любил сиживать, попивая чай и наблюдая за работой своих подчиненных, "фаррошбоши" - главный фаррош, заведывавший ковровым складом, расстиланием ковров, подметанием и уборкой в арке. В его распоряжении находилось около 8 фаррошей, подметавших разные места арка и производивших уборку.

Ночью на айвончаи фаррошбоши оставались по очереди человека два дежурных. Зимою перед ними для согревания стоял "манкал" с жаром.

44. "Фаррошхона" - помещение фаррошей. Находилось за углом коврового склада, в юго-восточном углу двора саисхона, у самого края арка, над обрывом, под помещением бугчабардора 30 (рис.4 и 25). Имело дверь и окно. Здесь держали метлы, ведра и пр. для подметания и уборки мусора. Зимой, во время сильных морозов, здесь ночевали дежурные. Напротив, у обрыва, открывающегося на площадь, где сейчас находится деревянная решетка, было место, откуда фарроши сбрасывали вниз сор и конский помет. Все это убиралось внизу возчиками навоза "нурикаш", приезжавшими за ним в город и увозившими его на свои поля[1].

45-46. "Мирзохона": помещение из двух комнат размером по 5 балок потолка каждая[2]: в первой 45 сидели писцы, которые вели переписку с Российским политическим агенством, во второй 46 - сидел их глава "дафтардор" и "мирзои мунши" (рис.26).

---

1. Помещение фаррошхона изображено на плане подвалов 4, так как его крыша находится на уровне пола помещений 30. Однако вследствие неровности местности оно находится во дворе саисхона на уровне поверхности двора, выше подвального помещения 42 и не является подвалом (см. рис.25) (прим. А.П.).

2. Размеры потолка, его длина, а отсюда и длина комнаты измерялись количеством параллельных балок - "болор" или "юги", клавшихся поперек комнаты для поддержания потолка. Число их (ритуально) было всегда нечетно: 7,9,11. Ширина пролета между балками, считая и бревно, была (от центра балки до центра следующей балки) около 83 см.

47. Помещение, где находилась лестница, ведшая в помещения второго этажа.

48. "Зинхона" (букв. помещение для седел) - помещение размером в 7 балок для старших конюхов "зиндор" или "аголик". Их было в штате четыре. Они входили со двора саисхона 4I через дверь 48 (другого входа в помещение не было).

49. Конюшня (размером в 9 балок). Здесь стояли две любимые верховые лошади эмира, на которых он ездил по очереди. Имеющееся окно в улочку - "куча" I6 пробито позднее. Со двора в конюшню вела широкая дверь.

50. "Долон" - крытый проход, размером в 5 балок потолка; через этот проход проводили лошадей.

5I. Помещение для служащих "мирохурбоши"(3-4 человека), размером в 7 балок[I]. После I920 г. стену между этими помещениями и долоном 50 разобрали и сделали из них одно помещение.

52. "Хонаи мирохурбоши" - помещение главного смотрителя конюшни, имевшее две двери со двора саисхона 42 и одну дверь в ошхона 53.

53. "Ошхонаи мирохурбоши" - кухня, размером в 5 балок.

54. "Ташнав" - водосток во дворе саисхона,

55. "Айвон" - веранда, узкая и длинная (ширина около I метра) на втором этаже во дворе саисхона перед помещениями 56-6I (см.рис.3), находящимися над помещениями 43-49[2].

56. "Дахлиз" - передняя на втором этаже (см. рис.4).

57,58.- две комнаты телефонного помещения на втором этаже во дворе саисхона: первая - аппаратная, вторая - комната телефониста.

59,60,6I. Назначение этих комнат второго этажа неясно. Имеется два варианта, По первому (расспросы I940 г.) помещение 59 (налево из передней дахлиз 56) являлось помещением"фаррошбоши", мес - том, где он мог отдыхать; 60 - помещение для отдыха днем главного повара - "баковул" (на ночь он уходил к себе в город); дверью служило одно из теперешних окон; 6I - род мадона. По другим данным

I. По другим сообщениям, перед этим помещением был небольшой айван.

2. Второй этаж (помещения 55-62) был, по-видимому, построен при Абдулахад-хане, в самом конце XIX столетия. Самая постройка сделана из каркаса, как обыкновенно строятся стены вторых этажей в Бухаре.

Деревянная лестница, ведущая в настоящее время со двора 4I на второй этаж (открытая, без навеса над нею), раньше здесь не стояла. Вход на второй этаж был с улицы I6 по внутренней лестнице 20. Теперь старый вход этот заложен. На месте старой лестницы в I940 г. был сброс мусора.

(по расспросам I94I г.), выяснилось, что комнаты 59-60 были заняты канцелярией - "мирзохона" для сношений с Российским политическим агенством.

62. Помещение "ясовулбоши" на втором этаже; здесь он ночевал или отдыхал.

63. Прямоугольной формы отверстие среди двора саисхона 4I, откуда закрытым ходом шла вниз лестница из крупных каменных ступенек, ведущая в долон, начинавшийся от ворот арка. Во время пребывания эмира это отверстие закрывалось досками.

К о р о н а ц и о н н ы й з а л[I]

64. Широкая дверь[2], скорее ворота, ведущие в коронационный зал 66. Портал арки над этой дверью облицован со стороны коронационного зала изразцами (рис.27).

65. "Гуломгард" - обычная стенка внутри двора против входной двери, защищающая внутренность двора от взоров посторонних, проходящих мимо ворот.

66. "Руи хавлии пойтахт"[3] или "пойтахт" - коронационный зал, открытый двор коронационного помещения. Двор вымощен неправильной формы камнями - "санги табака"[4], приблизительно около 40 лет тому назад (при Абдудулахад-хане). До того двор был вымощен шестиугольным обожженным кирпичем.

I. Термин "коронационный зал", в данном случае применяется, конечно, условно и, может быть, не совсем удачно. Выбран он только потому, что короче передает для европейского читателя смысл происходившего здесь обряда, хотя "коронация" здесь выражается не надеванием короны, а древним турецко-монгольским обрядом поднимания избранного на войлоке, подобно древнеримскому обычаю поднимания избранного вождя на щите, а "зал" представляет собой двор, вдоль всех стен которого, кроме стены с входом, находятся высокие суфы с айваном над ними.

2. Интересно, что это единственная, кажется, дверь во всем арке, запиравшаяся по способу "тахтабанди", т.е. вертикальными деревянными досками, вставлявшимися в пазы в косяке вверху и внизу, с запором посредством висячего замка внизу. Такого типа двери встречаются часто в городах в лавках торговцев.

3. Некоторые бухарцы называют этот зал "курунушхона". Это же название прилагает, по-видимому, к нему Носир-хан-тура (Тахкикот, л.40 а), который приписывает постройку его Субханкули-хану (I680-I702), а также Абдурахмон Толи (Таърихи Абулфайз-хан, перевод,стр. 60). Впрочем, из сочинений Носир-хана-туры и Абдурахмона Толи неясно, к какому именно помещению прилагалось название "курунушхона".Во всяком случае, при последних эмирах аудиенцзалом было другое помещение - "саломхона" 33 (прим. О.Ч.).

4. Из местной каменоломни в Чет-Арыке, в 40 км от Бухары.

67. Лестница с широкими ступенями из камней, построенная мастером Усто Бури в 1888 г., ведшая на возвышенную площадку, окружавшую двор 66.

68. Возвышенная площадка - "суфа", с айваном под ней, окружавшая коронационный двор. К 1940 г. уцелел только айван с северной стороны, поддерживаемый семью колоннами, а также особенно интересный более широкий старый восточный айван, под которым находится трон - "тахт" (рис.28). Имеется основание предположить, что это самая старая постройка во всем сохранившемся ансамбле. Здесь имеется два ряда подпиравших потолок столбов с прекрасными когда-то сталактитообразными капителями - "каллаи мукарнас". В каждом ряду было по 6 столбов (всего 12), из которых к 1940 г. уцелело 10. Самый потолок состоял из 82 балок "болор" с очень узкими, старого типа поперечными палочками - "васса", типа называемого "тахтаи норбона": в нем квадраты из досок перемежались с пространством, покрытым узкой старой вассой.

Задняя стена старого восточного айвона, оштукатуренная в белый цвет, таит в себе ряд интересных указаний на свое прошлое, открывающихся при некотором ее рассмотрении.

1. Довольно определенно, кажется,можно сказать, что самый трон здесь сооружен несколько позднее, чем айван, и что последний был построен без предвидения того, что на нем будет поставлен трон. Доказательство этому можно видеть в том, что колонны айвана не рассчитаны на помещение трона и что, наоборот, ближайшие к трону две колонны его закрывают, в особенности для смотрящих сбоку.

2. Род деревянного балдахина над троном, покоящийся на четырех небольших каменных (из газганского мрамора[1]) колоннах,2 м 62 см высоты при 84-87 см в окружности в наиболее толстой их части ("кузаги"), на каменных же пьедесталах, врезан задними концами в стену айвана потом, случайно, не согласуясь со своей ролью перед этой стеной.

3. Самая стена, как показывает ее штукатурка и внутреннее строение, не доходила в старину до боковых стен на 4 м 75 см; это пространство было потом заложено каркасной стеной.

4. На продолжительность существования задней стены указывает также напластование ряда слоев штукатурки,наносившихся по мере загрязнения и обветшания в старое время.Очень любопытны поэтому росписи - панно с растительными (цветочными) сюжетами, которые сохранились под верхней штукатуркой. Манера исполнения и стиль их указывает на довольно отдаленное время их исполнения, для определения которого пока не имеется достаточных данных.

5. Задняя, т.е. восточная стена айвана в то же время была частью большого здания, продолжавшегося отсюда на восток.

69. Каменный трон эмира. Идея подражания знаменитому камню"куктош" в Самарканде, на который поднимали среднеазиатских правителей, видимо, сильно смущала мангытских эмиров и привела их к решению создать "свой камень" в самой Бухаре, который служил бы для этой цели. К сожалению, до сих пор не собраны материалы для выявления, когда и при каких обстоятельствах был создан и вытесан камень, на который поднимали мангытских эмиров. Упадочнический период в искусстве удивительно красноречиво сказался на очень неудачной трактовке форм выполнения этой реликвии мангытов. Лишенные красоты небольшие непривлекательные мраморные колонны по углам, совершенно несоответствующие мраморные пьедесталы и яблоки колонн вместе с некрасивым аляповатым и грубым деревянным оформлением потолка балдахина производят довольно невыгодное впечатление. Наиболее спокойным и приемлемым является сам прямоугольный камень.

На камне - "тахт" и на четырех мраморных колоннах, поддерживающих балдахин, вырезаны надписи, скопированные в 1940 г. по моей просьбе бухарским каллиграфом Мирзо Абдуфаттохом (рис.29). Сначала переписан текст с камня, а затем с колонн, начиная от северо-западной и дальше следуя против движения часовой стрелки.

Обряд поднятия эмира на войлоке на трон, соответствующий европейскому коронованию

В быту бухарских эмиров представления о восшествии на престол и о короновании резко отличались, как и среди европейских королей, хотя срок между первым и вторым был здесь минимально коротким. Требовалось времени столько, чтобы известить и собрать представителей племен, сделать соответствующие приготовления к празднеству и т.п.

Особенно тревожным для вступающего на престол эмира было время, протекавшее между моментом, когда получалось известие о смерти его отца, и официальным объявлением его эмиром. Эта тревога вызывалась опасениями, чтобы не было заговоров со стороны возможных претендентов или их сторонников, сопровождавшихся попытками захватить

---

1. Газган - селение неподалеку от Нур-Ата, где находятся залежи мрамора.

трон, покушениями на жизнь данного кандидата, теми затруднениями, которые нужно преодолеть, соответствующими шагами и мерами для этого и пр.

Имя нового правителя доводилось до сведения народа двумя способами: во-первых, немедленным изменением слов молитвенного обращения в возгласе "удайчи" (церемониймейстеров-герольдов), сопровождающих прежнего наследника во время пути или в соответствующих случаях при нахождении его на одном месте, когда подходящие желают произнести краткую молитву за его благополучие. Два удайчи в штате наследника - "тура", имевшие как отличительный признак выкрашенные в синий цвет посохи - "асо", в дороге и во время проживания в городе, в его постоянном жилище провозглашали одну и ту же фразу на узбекском языке (официальный язык мангытского двора)[1]: "Хазрати турамга худо умру давлат берсун", т.е. "Да даст господь господину туре моему жизнь и счастье". При эмире же стоящие около него с позолоченными посохами удайчи провозглашали: а) В городе Бухаре: "Хазрати амиримиин исанлигларига худо тавфику адолат берсун", т.е."Да дарует господь на здравие его величеству моему эмиру милость и справедливость".

б) Во время пребывания в пути эти возгласы, вне Бухары, сменялись на следующие: "Хазрати амиримни худо музаффару мансур кыссун", т.е. "Да сделает господь господина моего эмира победоносным". Присутствующие при этом, как и сам эмир, поднимали руки вверх и проводили по своим бородам при окончании молитвы.

Вторым способом извещения об имени нового правителя было провозглашение имени эмира во время "хутбы" при пятничном намазе.

Была еще одна прерогатива власти, тоже знаменующая вступление на престол нового эмира, - это чеканение имени эмира на золотых и серебряных монетах. Но это требовало некоторого времени.

Еще один признак, более предусмотренный обычаем, чем законом, это приветственный бой больших барабанов - "нагора" при входе эмира в арк, как и при выходе из него. Жители Бухары из этого узнавали иногда о восшествии на престол нового эмира, если старый в это время по имевшимся обстоятельствам не мог уже быть в арке.

Самое коронование эмира - "джулус" проводилось очень торжественно. Благоприятный для него момент исчислялся астрологами. Если

I. Языком документов был таджикский язык.

ближайшие дни были неблагоприятными, как, например, вредный для начинания дел злополучный месяц сафар, то приходилось откладывать церемонию коронования на другое время.

Для выполнения обряда, соответствующего коронованию европейских народов, эмиры узбекской династии мангытов совершали обряд, несомненно, тюркско-монгольского происхождения, состоящий в том, что избранного в правители поднимали на белом войлоке. В числе реликвий, хранившихся в бухарском казначействе для специального употребления, был белый войлок, орнаментированный и имевший бордюр. Кроме того, было одеяло - стеганое, покрытое бумажной тканью цвета "малла" (бежевый), и небольшой ковер.

Церемония коронования происходила утром, в коронационном зале, где стоял трон - "тахт". Эмир облачался для церемонии в специальные золототканые одежды, надевавшиеся для этой цели его предками. Эти реликвии хранились в казначействе и извлекались только раз в жизни для каждого эмира. Эгрет - "тодж", заменявший нашу корону, состоял из золотых украшений и драгоценных камней. Он втыкался спереди в чалму, прикрепляясь внизу золотыми цепочками к ней, чтобы не упал. Если бы он упал, это означало бы дурную примету[1].

Подчеркнуто существовавшим церемониалом коронования то обстоятельство, что эмира возводят (в действительности "усаживают") на трон представители теоретически всех турецких (узбекских) родов, хотя на самом деле имеется их лишь очень незначительное число. Так, в родовом войске эмира - "эльнавкар", соответствующем старой дружине, имелось только двенадцать родовых делений, группировавшихся каждое вокруг своего начальника, являвшегося одним из почетных людей в его роде. Такой начальник назывался здесь уже таджикским термином -"саркарда"[2], а его отряд - "даста".

I. Очень интересен перечень случаев, когда эмир мог появляться с эгретом "тодж". Это было, во-первых, коронование, заключавшееся в поднятии и усаживании на трон. Кроме того, он мог показываться в тодже и расшитых золотом одеждах (также в шитых золотых сапогах), отправляясь на намаз при наступлении двух больших праздников Курбан и Рамазан, а также при первом вступлении в звании эмира в город Шахрисябз, очень почитаемый, как "ханский город".

2. Титул "саркарда", помимо военных, давался также как чин и в гражданском ведомстве, даже лицам, принадлежавшим к категории мулл, как, например, кози-калон, охунд, аълам, некоторым из муфтиев (редко) и др.

Такие родовые дружины "даста" при последних мангытах формировали следующие роды:

мангыт	бахрин	марка
оча-майли	кунград	сарой
кутчи	хытай	найман
джалаир	калмок	кырк-из.[1]

Вопрос о представителях узбекских родов разрешался за последнее время тоже очень просто. Ввиду того, что вопрос об участии "всех" тюркских родов не мог быть быть разрешен как ввиду отсутствия в пределах досягаемости самих родов, так и незначительности и неважности мелких единиц оставшихся родов, поэтому приглашались преимущественно двенадцать родов, выдвинутых в эльнавкар. На коронацию посылались приглашения не только их саркарда, но и старшим чинам, включая мироходов. Но на торжество приглашались и из мулл: охунд, аълам, кози-калон, раис и 12 муфтиев; кроме того, "мударрисои банораспуш", т.е. "мударрисы, надевающие банорас"[2]. Таких было 40 человек, бухарских "бессмертных", назначавшихся эмиром по представлению кози-калона и участвовавших, собираясь еженедельно по четвергам под вечер в мехмонхоне Рахим-хана в арке, в молитве за духов предков династии. Кроме них, было еще 30 мударриоов следующего разряда, называвшихся "душанбеги" (понедельничные), тоже приходивших на чтение молитвы за духов предков эмира там же. Помимо того, было еще 30 человек других, приходивших на эту молитву ежедневно. Это были "молящиеся ежедневно" - "салавотхони харуза". Назначались они из более молодых и менее выдающихся мударрисов.

С течением времени "ежедневные" производились в "понедельничные", "понедельничные" - в "надевающих банорас", т.е. самых заслуженных мударрисов, очень почетных, но обычно в таком преклонном возрасте, что старость и дряхлость являлись их главным признаком. Им полагалось за каждый приход на молитву по 20 тенег каждому, вносимых и раздававшихся завернутыми в бумагу. "Понедельничные", а также "ежедневные" молельщики получали по 30 тенег в месяц.

Когда был установлен день поднятия эмира на войлоке, по общему совету казиев, кушбеги и прочих главных сановников - день счастливый, обещающий удачу в делах и благоденствие, все собирались в утро назначенного дня часам к 10. Предварительно всё - и здание, и собравшиеся окуривались, как это часто бывает в общественных больших собраниях бухарцев, во-первых, дымом от сжигаемых зерен растения "испанд" (чудодейственное растение для отвращения вредных духов, несчастий, болезней и пр.), затем алоя - "уд", также сандалом и пр. Последнее делалось, главным образом, для аромата.

Затем приступали к приготовлению войлока, на котором должен быть поднят эмир. На полу, застланном коврами, расстилался небольшой коврик-реликвия, на него клалось упомянутое одеяльце, затем сверху - небольшой войлок.

Эмир в это время находился в своих покоях, занятый облачением в традиционный костюм, прикреплением эгрета и пр.

Когда все было готово, эмир выходил в тронный зал, появляясь сбоку, неподалеку от трона, со стороны мехмонхоны Рахим-хана, и его проводили к приготовленному войлоку, на который он садился. За четыре угла брались четверо самых старых, самых почтенных представителей знати и духовенства.

Следует отметить, что прежний обычай, чтобы это были представители четырех самых знатных родов, в последнее время не соблюдался, в чем чувствуется падение значения племен. Обычно выбирались наиболее старые и почтенные из ходжей; но при восшествии на престол Алим-хана, например, таковых не было. При Абдулахад-хане же были в основном следующие лица: 1. Охунд Домулло Ориф-ходжа, садр, 2) Мулло Абдушукур, садр, кози-калон, 3) Мулло Мухаммади, кушбеги, 4) Улуг-ходжа, садр из джуйбарских ходжей[1].

---

1. Следует отметить, что за последние десятки лет значение и роль родовой аристократии настолько, по-видимому, понизились, что наряду с узбеками в "даста" начали проникать и другие народности, даже таджики. Известный кози-калон и садр Бако-ходжа был освобожден от должности кози-калона и сделан при Абдулахад-хане "шайхульисломом". При всем своем почете это звание не приносило доходов и не было сравнимо в этом отношении с выгодной должностью кози-калона, занимавшейся им раньше. Тогда Бако-ходжа обратился с прошением к Алим-хану о причислении его многочисленных "людей", т.е. служащих, к разным даста эльнавкаров, чтобы они могли пользоваться в таком случае причитающимися им по рангу навкаров доходами с земель. И это было сделано (номинально), и люди Бако-ходжи, не служа в навкарах, получали навкарские оклады.

2. "Банорас" - шелковая белая муаровая ткань, возможно называемая так по имени индийского города Бенареса.

1. Теоретически он был самым старшим из ходжей; ему не только подчинялись все ходжи (потомки пророка), но он чувствовал себя настолько сильным по своему значению, что предъявлял претензии быть равным государю (эмиру); он был "ходжа-калон", назначавшийся из джуйбарских ходжей. Этот мусульманский патриарх до того оказался неудобен для правителей, что уже давно его назначение было приостановлено эмирами.

Таким образом, даже при восшествии на престол Абдулахад-хана, т.е. в 1885 г., мы видим, что из представителей родов ни одного в качестве основных держателей углов войлока уже не было. Их роль целиком была заменена представителями ходжей (2 чел.) и высшими сановниками (2 чел.). В отношении национальности трое были таджики, а один (кушбеги), раб по происхождению, был перс.

Очень жаль, что до сих пор не удалось установить состав четырех представителей, державших войлок при Музаффаре. При последнем эмире Алим-хане это были следующие лица:

1. Охунд Домулло Бой-Махмад. По происхождению из Карши, из бедной семьи, учился в медресе в Бухаре, сделался потом, постепенно поднимаясь по иерархической лестнице, мударрисом, муфтием, аълямом, а потом и охундом, т.е. главой всех мулл. По национальности он, как видно из каршинского происхождения, узбек, но это не имело никакого отношения к его назначению; как "узбек", он не мог иметь никакого значения (из неродовитой, бедной семьи).

2. Кози-калон Мулло Бако-ходжа, садр. Через некоторое время был назначен шайхульисламом. Бухарец, таджик, принадлежал к ходжам.

3. Кушбеги Мирзо Насрулло. Бухарец, таджик из небогатой семьи. Выдвинулся своей личной службой при Музаффаре и потом при Абдулахад-хане. Отец его имел в Бухаре лавочку, в которой торговал чугунными котлами.

4. Ахмад-ходжа судур, сделавшийся потом садром - из джуйбарских ходжей. Значимость его определяется его происхождением из самой известной влиятельной категории ходжей в Бухаре, в какой он являлся главой.

Иначе говоря, здесь мы видим совершенно то же отношение к вопросу о составе представителей, возводивших (усаживающих) эмира на трон, как это было при вознесении на белом войлоке Мухаммад Рахим-хана в 1756 г. "при участии сейидов, казиев и ходжей"[1].

Но все же в самом обряде, помимо возношения эмира на войлоке, т.е. древнего тюрко-монгольского обычая, имеется еще и ясное указание на основное теоретическое участие в его совершении начальников различных родов.

---

1. См. В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр.107. Как известно, 1756 г. - это год провозглашения Мухаммад Рахима правителем, фактически же он правил с 1753 г.

В камне, являющемся троном, в четырех углах имеется по ямке (по углублению), которые перед поднятием эмира заполнялись золотыми монетами. Их число равнялось 92 - одному из вариантов числа родов узбекского народа (другой - 97). Эмир отдавал распоряжение отдать эти деньги участвовавшим в поднятии его. Каждому давалось по одной монете. Если оказывалось мало, или, наоборот, имелся излишек, то эмир давал распоряжение о раздаче излишка указываемым им лицам или о выдаче дополнения, чтобы хватило всем.

После того, как взялись за концы четыре главных представителя, тотчас же брались помогать им в поднятии, берясь с разных сторон (но не с углов) за ковер, прочие, более важные из оставшихся (общее число приблизительно доходило до 70 чел.). В почтительном положении в некотором отдалении в большой толпе стояло приблизительно около тысячи человек исключительно из амальдоров (служилого люда).

Подняв эмира, его опускали на коврике на стоящий рядом камень - "тахт" (трон, престол), ничем не покрытый.

При окончании церемонии один представитель от войска и один от мулл произносили по заключительной молитве, в которой призывалось благословение аллаха на вознесенного на трон монарха[1].

Затем следовал момент объявления народу милостей. Эмиру подавали по его требованию бумагу и перо, и он что-то писал. Затем написанное передавалось кушбеги, и последний, прочтя, громким голосом, возвещал народу о сбавлении, например, как это сделал Алим-хан, по одной танге с налога, причитающегося на каждый "ман" зернового хлеба в данном году (размер денежного налога зависел от стоимости зерна на рынке). Размеры хараджа с садов, облагавшихся Абдулахад-ханом по 20 тенег с "танапа" в год, были снижены особенно сильно - на половину, т.е. оставлено платить только по 10 тенег. Из заключенных в бухарском "зиндоне" было отпущено на свободу 70 человек (осталось 14). Было указано также возвратить из Кабаклы (постоянное место ссылки) некоторое количество из сосланных туда людей.

После объявления милостей прочитывалась фотиха (заключительная молитва), эмир вставал и уходил. Вслед за этим начинал расходиться и собравшийся народ.

---

1. Интересно отражение этого обычая и в других случаях в жизни народностей Средней Азии. Среди цыган, как рассказывали пишущему в 1921 г. ургутские цыгане, существует обычай при избрании ими аксакала поднимать его также на белом войлоке, после чего его избрание считается совершившимся.

Характерно, что кроме совершения самого обряда, никакими празднованиями, пирами или церемониями это торжество не сопровождалось.

70. Неподалеку от трона, в юго-восточном углу суфы находилось шесть толстых деревянных обрубков, вкопанных в землю вертикально в одну линию на небольшом расстоянии друг от друга, лишь немного (на 3-4 см) выступая верхней частью отреза. Верхняя поверхность стволов служила подставками, на которых чеканились золотые и серебряные монеты, изготовленные предварительно в виде кружочков без надписей на монетном дворе, откуда эти кружочки приносились в помещение 76, прилегающее с юга к главному айвану коронационного зала. Из этого помещения они потом выдавались для чеканки.

Уже одно это обстоятельство, по моему мнению, не подтверждает рассказов некоторых европейцев о данном месте, как о "тронном зале", где эмир принимал послов и сиживал при очень торжественных церемониях. По всем сведениям, собранным нами от местных старожилов, эмир, за исключением обряда вознесения на трон на войлоке, больше никогда не пользовался в сколько-нибудь торжественной форме этим помещением для своих приемов. Этим и объясняется, что эмир, знавший, что ему не придется пользоваться этим местом, оставался равнодушным к его использованию для других надобностей.

Хазинахона - казначейство

71. Вход в"хазинахона"(казначейство). Ступенчатый спуск (сложен из обожженного кирпича), ведущий в дверь казначейства - хазинахона, расположенного в подземелье и имеющего два окна, открывавшиеся почти на уровне двора. Видимо, старое здание казначейства было перестроено и теперешнее сложено из обожженного кирпича, прямоугольной формы,сходной с русским кирпичем. Квадратное углубление, в котором шли вниз ступеньки спуска, закрывалось вплоть до двери деревянноы щитом в один уровень с полом открытого двора. Делалось это для удобства ходьбы, а также, чтобы приезжающий сюда верхом эмир не имел данных опасаться, что его лошадь может, попятившись, попасть ногой в отверстие.

В арке складов для хранения денег, слитков, драгоценных камней, вещей, дорогих одежд и пр. было четыре. Один из них был в непосредственном ведении кушбеги; остальные три - 91, 91а, 91б - были в другом месте - между саломхона и коронационным залом (см. рис.4, план подвалов). Ключ от последних находился в руках особого казначея -

"хазиначи" (при Абдулахад-хане таковым был Ходжи Файзулло-хазиначи). Последний подчинялся кушбеги, но бывал часто вызываем эмиром и непосредственно. Каждое из трех хранилищ имело по два ключа для своего замка - один у эмира, другой у казначея. Казначей мог открывать хранилище по разрешению или приказанию эмира или кушбеги, причем при открытии должен был присутствовать кушбеги и "мирзои калон" (правитель канцелярии). Последний вел регистр всему содержанию хранилищ, а также отмечал поступление и выдачу. Сам казначей являлся, таким образом, только хранителем ключей, как доверенный человек. Его жилище находилось, однако, в городе, и он уходил туда по окончании рабочего дня (т.е. после намаза шом). Если он требовался эмиру, посылали за ним. Кроме него, никого в специальном штате по казначейству не числилось. Если ему нужна была помощь в какой-нибудь работе по хранилищу, то ему прикомандировывалось нужное число людей из шогирдпеша.

Главным хранителем богатств и сокровищ эмира, помещаемых в арке и вместе с тем являвшихся главным запасом государства, был верхний кушбеги. У него были ключи от"хазинахона"и от"борхона"(складов сокровищ, ценных вещей).

В хазинахона 71 помещались только деньги в металлических монетах и в кредитных билетах. Деньги большей частью были бухарской чеканки - золотые, серебряные и медные. Склад этот находился в подземелье, представляя собой комнату, около 30 метров длины и около этого же ширины. Металлические деньги - золото и серебро ссыпались в кожаные мешки "саноч". В каждый мешок всыпалось 10 000 тенег. В половинные мешки меньшего размера - по 5000 тенег. По наполнении мешки запечатывались и ставились в деревянные ящики - "кутти", разного размера. В меньшие входило по пяти мешков, в большие же деревянные лари входило очень большое количество. Все это стояло длинными рядами в несколько ярусов, достигая потолка. Драгоценные камни здесь не находились, они сохранялись в доме кушбеги, уложенные в особых хранилищах, известных только ему и эмиру. Всякий раз, когда их требовал эмир, понадобившиеся камни посылались ему в особых ящиках за печатями кушбеги.

Казначейство 71 имело одну запиравшуюся на замок дверь, ключ от которой хранился у кушбеги, который никогда его никому не передавал, а всегда сам открывал казнохранилище. Деньги, вкладываемые в последнее, пересчитывались в помещении "мирзохона", т.е. в канцелярии. В случае необходимой уборки или перемещения, перестановки и пр.кушбеги все время оставался в хазинахона, лично наблюдая за работой и никуда не выходя.

Кладовых "борхона" для ценных вещей – было три: 9I, 9Iа, 9Iб. Они были расположены неподалеку от казначейства и находились в непосредственной близости к помещению самого эмира. Ключи от них также находились в руках у кушбеги. И только когда эмир, приезжая в арк, требовал их, тогда они передавались ему и находились у него, и он сам входил в кладовые и отдавал находившимся с ним людям приказание выносить то или другое. Кушбеги тогда не показывался из скромности, чтобы не быть назойливым, и появлялся только если эмир отдавал специальное распоряжение о том, чтобы он достал те или другие вещи.

В кладовых хранились всевозможные ценности различного характера и назначения: бархат самый разнообразный, самых драгоценных сортов и тончайшей выделки, золототканые камки всевозможных сортов, прекраснейшие шелковые или шерстяные ткани тысячами кусков лежали там, неразрезанными, готовыми для применения. Сотни сундуков, наполненные этими тканями, стояли высокими рядами плотно друг к другу, отделенные узкими коридорами. Нижние ряды, вероятно, по много лет оставались нетронутыми. Имелись высокие лестницы, чтобы долезать до верхних ярусов, упиравшихся в потолок. В другой борхона (кладовой) хранились ценные халаты, складывавшиеся в особые тюки, обертываемые бязью – "карбос" и затем обвязываемые веревками. В каждом таком тюке помещалось по 100 халатов. Они тоже часто укладывались друг на друга. Помимо упакованных в отдельные тюки, халаты укладывались высокими кипами в большие ниши – "ток" или "равок". Существовало также несколько деревянных нар, на которых тоже лежали большими горами аккуратно уложенные халаты, покрываемые сверху карбосом. Человек, бывавший неоднократно в этих кладовых, уверял, что изобилие сложенного там положительно не поддавалось описанию. Одних ценных халатов было, по крайней мере 15–20 тысяч; золототканые , бархатные, шелковые – всевозможных качеств и разрядов были уложены там по сортам и в большом порядке.

Запас этот все время пополнялся, так как расход тоже был велик. Как только подсчеты показывали значительную убыль каких-нибудь особо ходких сортов, тотчас же отдавалось распоряжение о приобретении соответствующего пополнения с базара.

Одно из трех помещений было целиком заполнено халатами, что уже показывает важность и житейскую значимость в быту этого главного одеяния среднеазиатского жителя.

Два других помещения были заполнены, как упомянуто, всевозможными тканями, женскими одеждами, покрывалами и пр. Металлические изделия – кумганы, подносы и пр., однако, здесь не помещались, как не помещались здесь ковры, одеяла и ряд других вещей, но более драгоценные сосуды всевозможных форм и назначения, выделываемые из серебра с позолотой и покрытые эмалью – "мино", хранились здесь.

В одной из кладовых хранились также и библиотека эмира, уложенная в сундуки, стоявшие в нишах и в других местах. По словам знающих лиц, оба последние эмира не отличались любовью к книгам, и при них даже не было специального библиотекаря. В редких случаях, когда нужна была книга, ее искали и приносили по требованию эмира.

В быту эмиров существовало два казначейства, как и два разряда кладовых борхона. Основные казначейства и кладовые были в арке, а походные, находящиеся при эмире во время его проживания в Кермине или в загородных садах, носили отдельное название и имели отдельное управление, подчиненное непосредственно эмиру. Это были "хазинахонаи рикоб" и "борхонаи рикоб".

Словом "рикоб" в Бухаре назывался непосредственный двор, окружающий эмира во время его путешествия. Характерно, что этот термин применялся при пребывании эмира, например, в Кермине, в Шахрисябзе и в других удаленных от Бухары местах, но это не распространялось на загородные дворцы бухарского округа. Поэтому пребывание в Ситораву махи хоса (разг. Ситора махоса), в Ширбудуне (Шербадане), Кари и подобных местах не рассматривалось как "рикоб". Придворные в этих местах не получали добавочного вознаграждения, причитающегося, как "командировочные" – "воджиб" в других пунктах. Выражалось оно в ежемесячном добавочном окладе размером от 30 тенег для самых низших служащих до 500 тенег для "саркарда" начальника охраны эмира (из 400–500 человек).

Казначей, стоявший во главе походного казначейства эмира, был в чине "бия" или "додхо". Но раз был такой случай, что Абдулахад-хан в начале своего царствования за особые заслуги дал в награду своему походному казначею, служившему еще при его отце Музаффаре в этой должности, чин кушбеги. Любопытно, что когда этот старик по болезни уже не мог исполнять свои обязанности, то он был уволен в отставку, но эмир ему приказал жить в арке, что он и делал, про-

живая там безвыходно, т.е. фактически делая то, что выпадало на долю действительного кушбеги боло[I].

"Хазиначии рикоб" собирал за время пребывания эмира в отлучке от столицы все поступления, подносимые эмиру, присылаемые ему налоги и пр. Все записывалось и складывалось в казначейство. Когда доходов накоплялось очень много, тогда эмир распоряжался, чтобы эти деньги были пересланы в бухарский арк, что и делалось при сопровождении соответствующими описями.

Следует точно отметить, что в арке, главном бухарском казнохранилище, настоящего казначея, носящего такой титул, не было. Человек, известный под этим именем, был простой расходчик при кушбеги, род кассира, платившего причитающиеся получателям деньги, выдаваемые ему кушбеги. Настоящим казначеем являлся кушбеги. Помимо эмира, это был единственный человек, который имел право отпирать и запирать дверь сокровищницы.

У кушбеги в арке была канцелярия, состоявшая из 20-25 мирз под руководством главного. Последний - "мирзои калон" был, по существу, и главным бухгалтером и заведующим общей канцелярией. Специалистов, как мне говорили, не было, и обычно незамысловатый подсчет, ведшийся в длинных свитках "дафтар" или "дула", мог быть поручаем почти любому из них.

При поездке в Россию с эмиром отправлялся один знатный человек, которому выдавалась на расходы назначенная эмиром сумма; он и заменял тогда походного казначея.

Аппарат походного казначейства "рикоб" состоял из следующих лиц: I казначей, 3 мирзо, 3 амальдора (I мирохур, I каровулбеги, I джевачи) и 20 человек слуг - "хизматгор", называемых "яхдонсавор".

Из трех мирзо один вел записи, т.е. заведовал бухгалтерией, второй принимал деньги, поступающие в казначейство, и помещал их в казначейство, представляя собою расходную кассу, третий выдавал деньги. При нахождении штаб-квартиры эмира в Чармгари (Кермине) в случае, если эмир выезжал на короткое время в окрестные сады, обычно большая часть его свиты, в том числе казначей и первые два мирзо, оставались в Чармгари, а третий выезжал с эмиром и имел при себе запас расходных денег. Три амальдора (чиновника) заведовали упаковкой казны, погрузкой, смотрели за перевозкой и пр., 20 низших служащих, обслуживающих как кладовые, так и казначейство, находились в ведении упомянутых выше трех амальдоров. Они принимали и укладывали деньги, одежду и пр. Деньги везли на арбе (в кожаных мешках и в ящике), а служащие сопровождали их, сидя верхом на лошадях. Подаренные одежды и пр. везли в кожаных сундуках - "яхдон".

При поездке в Россию этот штат не брался эмиром с собою. Казначей тоже тотчас же по выезде эмира отправлялся в Бухару. Сдав имевшиеся запасы денег и ценностей в арк, все служащие отправлялись по домам, где и жили вплоть до возвращения эмира.

I. "Кушбеги", как и его сосед по арку "тупчибоши", как упомянуто выше, не имел права покидать арка без особого специального разрешения эмира и оставался в нем до конца своей жизни. Редчайшим случаем было, когда кушбеги по приказанию эмира был отправлен встретить и приветствовать проезжавшего мимо Бухары туркестанского генерал-губернатора.

"Корихона" и мехмонхона Рахим-хана

72. Двустворчатая дверь - ворота, шириной в I м 60 см, в настоящее время наглухо запертая, вела с площадки во внутреннее помещение - "корихона" 73.

Дверь 72 представляла собою обычный вход для всех проходящих на салом (поклон) эмиру, направлявшихся от входа в арк во внутреннее помещение эмира. Через эту же дверь входил и эмир, въезжавший в арк и, как сказано, слезавший с коня перед лестницею 68.

73. "Корихона". Это строение имеет в настоящее время два этажа, из которых верхний построен в 1896 г. До 1928 г. в нижнем этаже это помещение представляло собою одну большую комнату, в середине которой стояли два ряда колонн (по три колонны в каждом ряду) - всего шесть колонн, подпиравших потолок, являвшийся с 1896 г. полом для верхнего этажа. В 1928 г. в этом помещении были сооружены перегородки, разделявшие его на несколько меньших помещений, но в следующем дальше описании они нами игнорируются.

Дверей в старое время в корихона было четыре: 1) упомянутая выше дверь 72; 2) дверь, выходившая в соседнюю мехмонхону Рахим-хана 74; 3) дверь в южной стене, ведшая во двор миёнавли 78; 4) дверь, выходящая на двор саломхона 26. Ширина и тип ее такие же, как и двери 72.

Дверь, ведшая в помещение мехмонхоны Рахим-хана 74, в настоящее время заложена, как и дверь в миёнхавли 78.

В помещении 73, называвшемся "корихона" или "корихонаи хазорхатм", происходило ежедневное чтение корана наизусть в ублаготворение и за упокой душ предков мангытской династии.

Чтение корана не производилось здесь только в короткие периоды приездов эмира на проживание в арк, когда чтецов корана - "кори" переводили в соседнее помещение, в мехмонхону Рахим-хана, так как в помещении 73 образовывался тогда главный путь, которым проходили к эмиру на поклон во время его аудиенции и которым попадал к себе, въехав в арк, как сказано, и сам эмир.

Моления за упокой духов предков, живших в этом месте, происходили так: по четвергам, вечером, в 4-5 часов, приходило около 50-60 мулл, получавших по большой лепешке, чашке халвы или изюма и по 20 тенег деньгами. Они читали молитву в честь умерших, сопровождая это чтением корана: это моление "кабир" (великое).

Ежедневно после восхода солнца читался "салавоти сагыр" (малое моление), продолжавшийся около 2 часов. "Салават" читали около 60 назначенных постоянных мулл, получавших по 60 тенег в месяц. Затем был "хатми куръон", совершавшийся по воскресеньям тридцатью кори, из которых каждый прочитывал одну часть - "пора" из корана (для собственных предков эмира). Для приема заключительной молитвы "фотиха" приходил кушбеги, который и принимал, таким образом, благодать - "савоб" от прочтения. Каждому кори выдавалось по 10 тенег и, кроме того, по большой лепешке и блюду кишмиша или другой сладости.

74. Мехмонхона Рахим-хана в настоящее время (1940 г.) представляет собою груду развалин, так как сюда в 1920 г. попала бомба с аэроплана, проломила потолок и послужила причиной пожара, который попортил часть здания. Остальное, как упоминалось, было разрушено при растаскивании деревянных частей, как это произошло и во всей остальной части арка, расположенной отсюда на восток.

Размеры этого помещения - памятника середины XVШ в., оставшегося от первых мангытов, - приблизительно 22 х 8 м. Высотою оно было около 8,5 м. Последнее предположение основывается на существовавшем в Бухаре старом архитектурном правиле, согласно которому высота больших общественных зданий должна равняться ширине здания плюс еще два билиска (1 "билиск" составляет около 22 см). Делается это для того, чтобы обеспечить достаточное количество воздуха и прохлады.

Колонн, поддерживающих потолок, в помещении не было. Потолок лежал на толстых массивных поперечных балках, называемых "юги". Таких балок было в этой мехмонхоне около 25, что уже одно указывает на размеры и значение здания.

В данной мехмонхоне было пять окон-дверей, выходивших на веранду 68. Между дверьми во внутренней стене шесть больших ниш - "равок". Южная стена, обращенная к миёнхавли 78, была глухая и не имела ни окон, ни дверей[1]. В середине восточной стены была одна дверь, ведшая в соседнее помещение 76, по бокам ее были ниши.

При последних эмирах мехмонхона Рахим-хана 74 служила как "салавотхона" (букв. помещение для молитвы): сюда собирались сановные чтецы молитв - "салавотхон" - фактически казии, очень большие мударрисы и другие самые знатные среди мулл.

75. Лестница из обожженного кирпича, ведущая на второй этаж, расположенный над корихона 73. Она расположена между помещениями корихона и бухчахона 37. Вход на лестницу был из миёнхавли 78. Южная часть крыши корихона, на которую выходит лестница, не застроена и является площадкой (3,5 х 16,5 м), куда в настоящее время обращены три окна и одна дверь. Теперешние окна до 1920 г. были окнами-дверьми - "дарича".

75а, 75б, 75в - три комнаты, из которых состояло верхнее помещение до 1920 г. В настоящее время единственная дверь вводит в среднюю комнату 75б, служившую раньше передней - "дахлиз". От нее шли двери направо и налево. В помещении направо - 75в была раньше одна комната, разделенная поперек на две равные части тремя колоннами. Кроме двери из дахлиза в этой комнате были еще два окна-двери, открывавшиеся на двор миёнхавли на юг. В настоящее время помещение 75в разделено вместо колонн стенкой с дверью, соединяющей оба получившиеся помещения.

В дахлизе за последние годы возведена поперечная стенка с дверью, отгораживающая северную часть, где пробито и окно. В старину в северной стене во всем помещении второго этажа ни окон, ни дверей не было.

До революции описываемое помещение находилось в ведении фарошбоши, складывающего там палатки - "чодир" и деревянные кровати с сеткой из плетеных шерстяных полос.

---

1. Это противоречит сказанному выше (стр. 55) о наличии двери из корихона во двор миёнхавли (прим. ред.).

76. Средних размеров одноэтажное помещение, имевшее 9 балок потолка. Сюда, как упоминалось выше, приносили при последних эмирах золотые и серебряные кружочки для монет, изготовленные на монетном дворе, для проверки и наложения на них чекана - "зарб". Для этого от каждого из отделений монетного двора приходило по мастеру, который и набивал на кружочки чекан. Делалось это на срезанных вершинах небольших столбиков 70 на прилегающей к помещению 76 части суфы коронационного зала, в верхней части которых утверждались матрицы. Медная монета сюда не приносилась, а чеканилась на монетном дворе.

Полученная от чеканщиков монета пересчитывалась под верандой около трона на разостланном войлоке тремя-четырьмя менялами "саррофами", призывавшимися для этого из их лавок, расположенных на площади Регистан. Отсчитанные саррофами монеты укладывались в кожаные мешочки - "саноч" по 5 или по 10 тысяч тенег, мешочки запечатывались и под вечер относились и сдавались в "хазинахона" (казначейство). Эти же саррофы отсчитывали жалование солдатам.

В комнате 76 имеются две двери: одна на юг, открывающаяся на суфу под айваном, и другая, ведущая в мехмонхону Рахим-хана.

77. По выходе из комнаты 76 через южную дверь при повороте сейчас же налево открывался проход из комплекса миёнхавли 78 в Урдаи Хоса II8.

"Миёнхавли" эмира и прилегающие помещения[1]

78. Двор "миёнхавли", вымощенный камнем, квадратный, обрамленный кругом постройками.

79. "Ташнав" в центре двора миёнкавли - сток для дождевой воды, а также для помоев; вода уходила в глубокий поглощающий колодец, расположенный под мраморной плитой - "санги ташнав".

80. "Айвон", построен на довольно широкой суфе, с 4 колоннами. Пол был вымощен квадратным кирпичем.

I. При составлении сводного плана этой, совершенно разрушенной части арка выявилось особенно много неувязок, вытекающих из недостаточности имеющихся сведений. В результате в ряде случаев помещения, указанные в описании как смежные, на плане не соприкасаются (например, дахлиз 92 и дворик фаррошбоши 99) (прим. ред.).

8I. "Дахлиз" (передняя), войдя в которую со стороны айвана, при повороте налево попадали в помещение 82 для амальдоров.

82. Помещение, где сидели амальдоры, приходившие туда для еды или по другим делам. На полу были постланы войлоки, а поверх лежали паласы, обычных же "курпача", точнее "курпачаи даври хона" - тюфячков, лежавших вдоль всех стен комнаты, служа местом сидения, не было. Сидели прямо на паласах.

83. "Мадон" к северу от комнаты 82 - чулан для совершения омовений и склада лишних вещей. Вход в него из комнаты 82.

84. Помещение для чиновников более высоких чинов; сюда попадали, повернув из дахлиза 8I вправо.

85. "Мадон" такого же назначения, как и 83.

86. "Хонаи хоб" - спальня эмира. Здесь большей частью спал эмир ночью[1].

87. "Дахлиз", имеющий 4 двери: в упомянутую спальню 86, во двор миёнхавли 78, в смежный дворик "хавлии фарроботи" 99, в большой зал 88, размером в I3 балок потолка.

88. Помещение размером в I3 балок потолка служило своего рода гостиной. Здесь эмир проводил время в беседе и шутках с "джамоа" - со своими друзьями, компаньонами, слушал музыку, смотрел иногда на "базми хоса" и другие развлечения[2].

89. "Дахлиз", имеющий три двери: одна в помещение 88, другая на двор 78 (через суфу) и третья - в шарбатхона 90.

90. "Шарбатхона". Это был буфет, где помещались напитки (вино, лимонад, нарзан), конфеты, варенье различных сортов и пр. - все, что могло понадобиться по требованию эмира.

9I. "Суфа" в западной стороне миёнхавли. Под нею имеется "тагхона" - подвальное помещение, в котором помещалась "борхона" (склад ценных вещей).

9Iа и 9Iб. Два подвальных хранилища "борхона" к западу (под бугчахоной 37) и к югу от помещения 9I.[3]

I. На некоторых рабочих планах спальня эмира помещается в углу, однако в таком случае она была бы без окон. Поэтому нами принят вариант одного из рабочих планов, на котором в углу находится мадон 85, а спальня выходит четырьмя дверями-окнами на суфу (прим. ред.).

2. Носир-хан-тура в рукописи "Тахкикот" утверждает, что эту мехмонхону с каменным подвалом под ней построил эмир Насрулло. См. Указ. соч., л.40а (прим. О.Ч.).

3. Судя по надписям на рабочих планах, большие каменные полуподвальные помещения находились и под всеми помещениями на южной стороне двора миёнхавли, в том числе под 86 и 88, что вполне согласуется с бухарскими строительными традициями (прим. А.П.).

92. "Дахлизча" – небольшие сени, соединенные дверью с шарбатхона 30[1]. Из дахлизча имелись четыре двери: дверь, выходящая в шарбатхона 90, дверь во двор фаррошбоши 99, расположенный на юге[2], дверь на запад в переулок 93, ведущий в Урдаи Хаммом, дверь выходящая на суфу 9I.

93. Переулок, ведущий к юго-западной угловой башне"бурджак". В северной части он проходил под дахлизами 34 и 35 мимо борхона 9Iа во двор саломхона (рис.30).

94. "Фаррошхона".

95. "Обджушхона" – узкое помещение вдоль западной стены переулка 93. Помещение это не было столовой или чайной; здесь имелось два больших самовара для приготовления чая и отсюда брали кипяток служащие окружающих помещений.

96. Помещение для разжигания (раскаливания) углей для сандали – огороженный небольшими стенками квадрат – "олавхона" и перед ним "дошхона" (см. рис.30). Угли раздували веером, сделанном из тонкой доски, до полного раскаливания, чтобы не дымили. Еще один специальный фаррош разносил их по"сандали", расположенным в различных местах. Только разноска горячих углей по гаремам была в руках женщин, так как мужчины туда не допускались.

97. Ряд небольших помещений для пребывания там днем фаррошей и склада различных их принадлежностей.

Следует отметить, что весь состав фаррошей, находившихся здесь, пребывал только совместно с эмиром, т.е., иначе говоря, входил в состав"рикоб" – свиты эмира, его походного двора. При отъезде эммира фаррошбоши рикоба передавал имущество и различные принадлежности по списку фаррошбоши, заведующему ковровым складом колинхона 42, называвшемуся также "фаррошбошии кушбеги". Таких фаррошбоши, подведомственных кушбеги, имелся большой штат, разделенный по различным загородным дворцам. Управление последних состояло в каждом дворце из одного управляющего – "саркор", который имел в своем распоряжении

I. На некоторых рабочих планах между шарбатхоной и помещением 88 находится уборная и помещение для омовений. Однако нахождение таких помещений между парадной комнатой 88 и шарбатхоной сомнительно. Вероятно, они находились на территории дворика фаррошбоши 99 или двора бани I0I (прим. А.П.).

2. Здесь неувязка: по другим данным, дахлиз 92 с юга соединяется дверью со двором бани I0I (см. ниже описание I0I), который на плане расположен к югу от западных помещений миёнхавли. На рабочем плане 30 дворик фаррошбоши 99 соединяется проходом с улочкой 93, а двор бани примыкает с юга к этому переулку.

людей, занимавшихся садоводством и обслуживающих сад и его потребности. В отсутствие эмира фаррошбоши, выполняя приблизительно обязанности коменданта здания, заботился о поддержании чистоты покоев, о сохранности ковров и пр. И саркор, и фаррошбоши, заведуя каждый своей частью, не были подчинены друг другу и находились в непосредственном подчинении кушбеги, к которому и обращались со своими запросами.

В помещении 94 находилось три дежурных фарроша – один смотрел за самоварами, другой следил за доставкой дров и воды и третий – "олавкор" – заведовал разжиганием углей, необходимых для"сандали" (в течение холодного периода). Саксаульный уголь "ангишт" привозился из пустынь, и целый большой склад его, постоянно державшийся в готовности, находился в ведении девонбеги.

98. Дверь из переулка 93, ведущая в жилище одной из жен эмира – Урдаи Хаммом I03, в баню"хаммом" I02 и в помещение фаррошбоши 99[1].

99. "Хавлии фаррошбоши" – помещение фаррошбоши, с небольшим двориком. Здесь было, собственно, два помещения: "курпахона" и "савринхона". Курпахона находилась в ведении фаррошбоши, а савринхоной заведовал"шарбатдор", который и хранил здесь поступающие дары – "саврин", подносимые эмиру. Из помещения фаррошбоши был выход в переулок I00.

I00. Переулок – "куча", ведший от бани I02 на восток, а затем, обогнув мечеть Хонако, на юг, на общую дорогу, обходившую арк вдоль стены.

I0I. Двор перед баней I02 имеет пять дверей: дверь 98 из переулка 93; дверь, ведущая в баню I02; дверь во двор фаррошбоши 99; дверь в проходную комнату 92 и дверь в Урдаи Хаммом, т.е. на юг. В северо-восточном углу этого двора была уборная.

I02. "Хаммом" (в народном произношении "хамбом") – баня (рис. 3I).

I. Очевидно, дверь 98 вела в перечисленные помещения не непосредственно, а через двор бани I0I (прим. ред.).

Урды[1], жилища царевичей и помещения стражи гуломбача

Многочисленные гаремы занимали центральную часть арка (рис. 32). Они назывались "урда"[2], что в бухарском понимании означало жену эмира и могло применяться только к семейству эмира, хана, хотя иногда употреблялось и в отношении гарема или семьи хокимов, кушбеги. Мне довелось слышать понимание слова урда как жены в обыкновенном разговоре. Рассказчик сообщил, что эмиры Абдулахад-хан и Алим-хан, когда находились в загородных дворцах в окрестностях Бухары - Ситораву махи хоса, Ширбудун, - не имели там своего гарема ("урда"), который постоянно находился в арке. Желая повидать одну из своих жен, эмир отдавал распоряжение, чтобы ее привезли на ночь в загородный дворец. "Кадом урдаро номгир мекард, хамуна мефиристонданд" -"Посылали ту урду, имя которой эмир упоминал." В данном случае ясно, что слово "урда" означало жену эмира[3].

При Алим-хане жену эмира и двух-трех ее служанок отвозили в арбе старого, "кокандского" типа, с покрытым верхом. Арбу спереди и сзади тщательно завешивали тяжелыми коврами (чтобы не распахнул порыв ветра). Четыре шогирдпеша составляли эскорт: двое ехали спереди, двое сзади. Впереди всех на некотором расстоянии ехал "миршаб" с шедшей при нем кучкой людей, смотревших, чтобы никто не повстречался на дороге, а также, чтобы не было нигде освещения. Впереди

I. В записях М.С. Андреева об урдах, находившихся в арке, особенно в их названиях и числе, имеется много неясного. По-видимому, это объясняется тем, что эта или иная урда в разное время могла носить разные названия, а также и тем, что урдами назывались не только помещения жен и матери эмира, но и ряда его родственниц, содержавшихся в арке, например, матерей и вдов гузарских и бойсунских царевичей (о них см. ниже) и др. (прим. А.П.).

2. Слово "урда" в бухарском диалекте сохраняло до революции некоторый оттенок старого татарского значения - лагеря для женщин, места, где жили женщины, когда их мужья были в походе. (Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т.I, СПб., 1869, стр.124).

3. По-видимому, в данном случае так называли жену эмира из почтения, как до сих пор вежливо говорят о жене собеседника, называя ее "оила" - семья (прим. А.П.).

перед миршабом шел человек с малой литаврой и ударял в нее. Урда не могла выезжать днем, а только после азана, призывающего к намазу хуфтан, причем предупрежденные миршабом торговцы тушили огонь в своих лавочках и прятались, как и прочее население[1]. После того, как поезд с "урдой" проезжал, огни снова зажигались. Так бывало только во время месяца Рамазана, когда разрешалось торговать до 10 часов вечера, в остальное же время уличная жизнь прекращалась с окончанием самого намаза хуфтан, т.е. приблизительно через полчаса после его азана.

Утром урда вывозилась тем же порядком обратно. Выезжали еще в темноте, до утреннего намаза бомдод. Арба доезжала до городских ворот и ожидавший ее у ворот (с внутренней стороны) миршаб посылал своего человека за ключом от них к начальнику тюрьмы - "зиндонбон", у которого ночью хранились ключи от всех одиннадцати ворот Бухары. Пропускали арбу и снова затворяли ворота. Подъехав к арку, арба со своими пассажирками поднималась по тахтапулю и подвозила их к входу в урду, в гарем.

При Абдулахад-хане в арке было всего четыре урды: Урдаи Калон, Урдаи Накшин (расписная), иначе называвшаяся Урдаи Зебоча (Урда красавицы, названная так по имени любимой жены эмира Музаффара), Урдаи Хонако и Урдаи Хаммом. Алим-хан построил еще одну урду - Зарнигор, или Урдаи Нав, для того чтобы его мать и каждая из жен имели бы по отдельной урде.

103. "Урдаи Хаммом" - жилище одной из жен эмира; небольшой двор выложен жженым кирпичем.

104. Помещение неизвестного в настоящее время назначения (Урдаи Нав?).

105. Большая отдельная комната с шахнишином, дахлизом и мадоном, прилегающая к южной стене двора 103. Здесь жила одна из жен эмира.

106. Службы гарема.

107. Узкий проход, соединяющий Урдаи Хаммом с помещением девушек -"духтархона" 108.

I. Очень интересен применяемый при этом термин: катаган (қатаған) - "катаган шуд" - устроен катаган, т.е. улица стала пустынной. Катаган устраивается и в самой урде. Например, когда "машкоб" подносит воду, то предварительно проход по урде подвергается катагану: закрываются боковые двери и пр., чтобы машкоб не мог бы случайно что-либо подсмотреть.

"Катаган" говорят также вообще про отсутствие чего-либо: "Искал на базаре в разных лавках - пусто - катаган", говорят иногда.

I08. Духтархона или Урдаи Духтарон.

I09. Мечеть Хонако или Хонакои Урда (рис. 33). Небольшая купольная мечеть из жженого кирпича. На фронтоне этого здания имеются следы очень любопытного приема отделки (стукко) под кирпич. Около конца XIX в. первоначальная кладка из старого квадратного жженого кирпича очевидно была найдена устаревшей, немодной. Решено было "исправить" фронтон. Крайне любопытен в техническом отношении путь "исправления". Старая кирпичная кладка была покрыта не просто ганчем, а ганчем с добавлением мелко размельченного и просеянного жженого кирпича, а также минеральной краски, привозимой с гор - "кзилкесак" (вероятно, сурика). Цвет получался средний "между цветом печени и легкого", т.е. между кирпично-темно-красным и розовым. На поверхности этой штукатурки тонкой лопаточкой проведены бороздки, имитирующие пазы между кирпичами, но не старыми квадратными, а новыми русскими, прямоугольной формы, называемыми "саллоти" (солдатские). Такая отделка называлась "барной".

II0. Помещение имама и суфи.

Ниже перечисляются помещения, о которых информаторы могли сообщить только их приблизительное местонахождение. Когда и это утверждалось не вполне точно или уверенно, то название таких помещений обозначено в тексте и на плане с вопросительным знаком[I].

В арке жили несколько братьев и племянников Абдулахад-хана (сыновей и внуков Музаффар-хана)[2]. Абдулахад-хан, один из младших сыновей Музаффар-хана, захватив власть, опасался возможных претензий на престол со стороны своих старших братьев и их потомков и многих из них держал под домашним арестом либо в Бухаре в предоставленных им домах, откуда им не разрешалось выходить, либо в арке. Старший брат Абдулахад-хана, Абдулмумин, после смерти Музаффар-хана был схвачен и заключен вместе с семьей под стражу в Бойсунскую крепость, другой жил в Гузаре; поэтому они и их потомки были известны под именем бойсунских и гузарских царевичей - "тура". Дома царевичей, живших в арке, находились в северной, восточной и

I. Прилагаемый рабочий план помещений к востоку от коронационного зала 66 и мйёнхавли эмира 78, судя по способу изображения, арок на плане, составлен на основе планов Усто Иброгим Хофизова, в частности, по-видимому, использован упоминавшийся выше утерянный план четырех урд эмира, описания которого не сохранились в архиве Музея искусств УзССР (см. стр. 5 и 6) (прим. А.П.).

2. О них см. Таърихи Салими, ркп. Института востоковедения АН УзССР, № I0I6.

юго-восточной его части, и обитатели их не имели права выходить за пределы определенной территории. Намазы они совершали в мечети Хонако - I09, в другие мечети, даже в находящуюся в арке мечеть Джоми, им ходить не разрешалось. Между собой они могли свободно общаться.

По рассказу одного из царевичей, опрошенного нами в I940 г., содержание получавшееся ими во время крайне замкнутой жизни в арке, заключалось в следующем: мужчинам (холостым) выдавалось по 40 тенег (около 6 руб. золотом) ежемесячно, женщинам же - матери, сестре ничего не давали. После женитьбы одного из царевичей содержание его было повышено на 20 тенег. Готовой пищи из кухни не приносили, но выдавали ежемесячно на всех (4 человека): 2 пуда муки, I пуд риса, 2 "чойрака" (около 4 кг) бараньего жира, I "нимча" (около 500 г) чаю и голову сахара. Кроме того, ежедневно выдавали I нимча мяса. Выдавалось также потребное количество лука и моркови, соли, перца и пр., так же как и дрова, а зимой, кроме того, и древесный уголь, употреблявшийся в сандали. Хлеба ежедневно давалось 8 лепешек, весивших 2 чойрака. Два раза в году по большим праздникам мальчикам выдавался полный костюм. Все, что полагалось, им приносили служащие арка, так как сами они не могли выходить за улочку. При таких условиях их жизнь текла серо и однообразно. Прислуги у царевичей не было, и они все делали сами. Иногда царевичи скандалили с кушбеги. При Алим-хане как-то бросали камни в дом кушбеги. Тот пожаловался эмиру, и двух из наиболее беспокойных царевичей эмир разрешил кушбеги перевести во дворец Кофилон.

III. Жилище Азим-хана, брата Абдулахад-хана.

II2. Жилище Содик-хана, брата Абдулахад-хана.

II3. Домик Тутибиби (тетки бойсунских царевичей).

II4. Жилище Араб-хана, сына брата Абдулахад-хана, Носир-хана (рис.34).

II5. "Дорухона" - пороховой склад (рис.35)[I].

Относительно хранившегося здесь по кельям в больших глиняных корчагах пороха бухарцы рассказывают, что при взятии Бухары в I920г. было решено этот порох использовать. Огромное количество было вынуто и перенесено на площадь перед арком около стоянки красногвардей-

I. По данным Носир-хана (Таҳкикот), построен при эмире Абдулахад-хане (I885-I9I0) (прим. О.Ч.).

цев. По-видимому, неосторожно брошенная папироска послужила причиною страшного взрыва, загубившего много жизней (погибло, по словам бухарцев, около 200 человек). Был еще взрыв при погрузке на железной дороге.

II6. Дома и дворы стражи арка - "гуломбача"[I].

II7. "Урдаи Калон" (большая урда). Здесь жила мать эмира[2]. Кроме нее там же помещались девушки - кандидатки в жены или наложницы эмира, набираемые для этой цели как в городе, через особых женщин - агентов эмира, так и в округах, откуда девушки посылались в подарок ("тортук") губернаторами ("хоким")из провинций.

Число девушек, проживающих в жилище матери эмира, не было,естественно, постоянным. То оно увеличивалось до 30 и даже иногда до 40, то уменьшалось до I0-I2. Мать эмира "волида"[3], занимала две просторные комнаты, расположенные в углу двора, из которых одна по бухарскому обычаю предназначалась для проживания там зимою, и окна-двери ее были обращены на солнечную сторону ("ру ба офтоб"), а другая - для лета, была обращена на север ("ру ба боло"). Кроме этого, имелась еще небольшая кладовая ("мадон"),через которую был проход из одной комнаты в другую, с отделением для обмывания ("гуслхона") в одном из углов мадона.

Помимо двух комнат, занимавшихся матерью эмира, в урде имелось четыре среднего размера комнаты (7-8 на 5 гязов), в которых проживали все девушки, а также прислуга урды. В случаях переполнения помещения и невозможности разместить лишних девушек, видимо, небольшое количество их пускала к себе жить мать эмира[4].

I. О дворцовой страже гуломбача см. ниже стр. I37.

2. По данным, приведенным Д. Икроми со слов одной из бывших обитательниц гарема арка, в этой урде жила не мать эмира, а его младшая дочь, мать же эмира жила в Урдаи Хоса (Духтари оташ, Душанбе, I962, стр.3I5 и 547). Среди перечисленных М.С. Андреевым помещений нет Урдаи Миёна и помещения Созхона, упомянутых Д. Икроми со слов его информаторши (Духтари оташ, стр.5I0-5II и 546-547). Описание Урдаи Хоса см. там же, стр.3I5-3I7 (прим. А.П.).

3. В то время как вежливым титулом для отца в письмах и разговоре в Средней Азии является термин "киблагох", мать свою в письмах из Кермине Абдулахад-хан величал "каабагох".

4. Матерям и сестрам разрешалось навещать девушек, но при этом они не могли оставаться ночевать.

На том же дворе имелась комната (размером 7 на I4 гязов) с приподнятой в виде сцены (приблизительно на 40 см) площадкой в одной части комнаты. Такая площадка в очень богатых бухарских домах называется "шаништин" (царское сиденье). Здесь же это помещение действительно занималось эмиром во время его посещений данной урды. Эта комната с прилегающим к ней мадоном никем не занималась и предназначалась только для эмира[I].

Рядом с возвышенной частью помещения шаништин находилась небольшая комната, соединенная с шаништином дверью. Там стояла кровать и некоторая прочая мебель. Это было место, куда уединялся, запираясь, эмир с выбранной им девушкой.

Следующими помещениями были: небольшая кухня для изготовления пищи для всего населения урды.

В Урдаи Калон жили еще 4 служанки матери эмира: портниха,прачка матери эмира, бывшая одновременно поварихой для всех обитателей урды[2], женщина казначей (при Алим-хане и до этого, еще при Абдулахад-хане, ею была женщина по имени Ой-Мирзо), фаррош (подметала двор, вносила воду и пр.).

Дарбон (привратник) - старик лет 80, был единственный мужчина[3], который охранял дверь и мог проходить от внешней двери по длинному загибающемуся коридору до внутренней. Но и он мог только стучать в нее, а не входить во внутренний двор. Так, он принимал от водовоза меха - "машк" с водой, проносил их до внутренней двери и ставил. Отсюда дальше принесенное вносила во внутрь прачка-повариха.

Как мы видим из скромных размеров помещения и малого числа обслуживающего персонала, из крайней тесноты, в которой приходилось жить, существование в бухарской урде отнюдь не являлось роскошью, а наоборот, представляло собою очень скромное житье в отношении помещения, обстановки и обслуживания. Положение матери эмира, обреченной и под старость "жариться" в арке без возможности выхода от-

---

I. Возможно, что это и была"созхона", описанная Д. Икроми (см. прим.2 на стр.66) (прим. А.П.).

2. Девушки убирали свои комнаты сами, как и сами стирали свое белье. По-видимому, они занимались также рукоделием и учились шить под руководством портнихи.

3. Характерно, что ни при одном среднеазиатском гареме не было евнухов. Это в Средней Азии не было распространено.

туда, видеть даже зелень деревьев (в арке были только кое-какие цветники, но очень небольшие – воду приходилось таскать издалека), было положение приступника, отбывающего наказание, но не матери владетеля.

II8. Урдаи Хоса.
II9. Урдаи Хонако?
I20. Урдаи Зебоча?
I2I. Урдаи Наккин?
I22. Жилища гузарских царевичей.
Урдаи Зарнигор?
Урдаи Пешга?
Урдаи Кунджак?

Северная половина арка

Помещения тупчибоши и мастерские

Помещения, ближайшие к выходу из крытого прохода долон I3, принадлежали "тупчибоши". Этим именем назывались две должности: один – "тупчибоши аскар" был начальником войска (около I2 000 солдат в его ведении). Другой – "тупчибоши дарвоза", о котором идет здесь речь, ведал входом в арк. Ему был подведомствен участок от ворот до мечети Джоми включительно. Кроме этого, в ведении этого тупчибоши находилась тайная полиция, следившая за тем, что делалось в городе и в самом арке. Она состояла из 50 человек: 20 человек ежедневно посылались для секретного наблюдения и выслеживания по городу, другие 20 человек оставались в арке, занимая места по обе стороны крытого прохода, ведущего от ворот. Их назначением была охрана заключенных в пяти обхона и в двух канахона. Кроме того, I0 человек следили скрытно за тем, что делается в самом арке. Главными из них среди известных Иброгиму Хофизову были Мирзо Икром и Носир.

Городские агенты доносили тупчибоши в письменном виде, в маленьких свернутых записочках, свои наблюдения о случаях нарушения закона теми или другими лицами в городе, передавая свои рапорты сидевшему в проходе на небольшой площадке тупчибоши. К нему же поступали и донесения (тоже письменные) от агентов арка. Все такие агенты назывались "вокианавис". Полученные известия в тот же вечер отправлялись в Кермине и на утро докладывались проживавшему там эмиру.

Судя по тому, как его оценивали знающие бухарцы, тупчибоши, несмотря на его скромное помещение, был в арке, по его действительному значению и важности, может быть, вторым лицом после кушбеги. Ему подчинялся весь аппарат секретного надзора за центром жизни бухарского ханства – городом Бухарою. Каждый мог стать предметом его наблюдения и содержанием его донесений, ежедневно посылавшихся эмиру – даже сам кушбеги, о речах и действиях которого тоже неукоснительно доводил он до сведения эмира.

Тупчибоши никогда не молился даже в соседней с его жилищем мечети в арке. Делалось это для того, чтобы не быть оторванным от своей обязанности наблюдать за воротами арка.

I23. "Хонаи тупчибоши" или "мехмонхонаи тупчибоши"; здесь он обычно сидел, смотря через дверку за проходившими. Теперь от этого небольшого здания не осталось и следа. Только цоколь в виде узкой небольшой площадки указывает место и размер помещения, занимавшегося когда-то грозным комендантом арка. Оно находилось налево при выходе из долона I3, вплотную прилегая к западной стене арка. Это был "кабинет тупчибоши", его официальное постоянное местонахождение. Размер этого помещения – 4 х 2,5 м. Из кабинета налево дверь в кладовку – "мадон", размером 2 х 2,5 м. Вход в кабинет вел через переднюю "дахлиз", где днем сидел и ночью находился дежурный стражник – "мерган".

I24. "Хавличаи тупчибоши". Дворик и домик тупчибоши, расположенные у западной стены арка, при изгибе ее примерно на середине пространства от пандуса до северо-западного угла. В западной части южной стенки дворика тупчибоши небольшие ворота, прямо в которые упирается выход из долона I3. Сама стенка длиной около I6 м поворачивает на север, где через 8 м сталкивается с изогнутой стеной арка. В юго-восточном углу дворика тупчибоши его мехмонхона, помещение для гостей, вход в нее через переднюю. Позади мехмонхоны у восточной стенки дворика – "мадон" (кладовая). Перед мехмонхоной, вдоль южной стенки дворика – небольшой айван, где было место пыток – "кын."[I] Пытки производились частично под верандой, а также на прилегающем пространстве.

I. В I962 г. этих помещений уже не было (прим. А.П.).

В глубине двора в северо-восточном углу его склад топлива и рядом – кухня мерганов. Вдоль западной изогнутой стены арка – длинный айван, веранда.

I25. "Хавлии тупчибоши" – частное жилище тупчибоши; состоит из двух частей: "берун" – небольшое мужское отделение, где тупчибоши мог принимать гостей мужчин и где проживал, охраняя его дом, один мужчина (родственник его или его жены); "дарун" – внутреннее, женское помещение. Ворота в хавлии тупчибоши помещались в южной стенке двора, неподалеку от стены арка – против улочки I8.

I26 и I27. Два узких (в I-I,5 м шириной) прохода-тупичка между частным жилищем тупчибоши I25 и каписхоной I30, расположенной от него на восток, вдоль северной стены арка. Они вели от улицы I8 к уборной – мабраз I29. Эти два прохода шли параллельно. Проход I96 служил только для выноса экскрементов нурикашами, приходившими сюда время от времени из селений. Проход I27 вел к уборной I29.

I28. "Тахоратхона" – крытое обширное помещение для омовений, совершавшихся людьми, воспользовавшимися уборной, с отверстием над "ташнау"или точнее "кудуки ташнав" (поглощающий колодец). Входили сюда через дверь, находившуюся в самом начале тупика I27. В этом же помещении находился надзиратель, наблюдавший за порядком. Ежедневно водоносы доставляли сюда по 50 турсуков – "машк" с водой (по два на осле). Вода хранилась в 9 больших корчагах – "хум". 20–30 глиняных кувшинчиков, наполняемых водой, ждали желающих умываться. Наполнял их, по мере израсходования, находившийся там надзиратель.

I29. "Мабраз" – уборная, имевшая I0 маленьких кабинок. Сообщение между мабразом и тахоратхоной происходило только по проулку I27, в конце которого она находилась (у северной стены арка). Это была единственная общая уборная на весь арк. Помимо этого, в арке были еще особые уборные в шести урда, затем одна собственная для эмира, одна для сановников и одна для личных служащих эмира.

I30. "Каписхона", "кафисхона" – род ремонтной мастерской или технической скорой помощи, обнесенное забором помещение с верандой, на площади около 20 х I2 м (рис.36 и 37). Постоянный штат состоял из одного писаря – "мирзо", ведшего учет расхода материалов, составлявшего табель мастеров, регистрировавшего заказы и пр. Там же постоянно находились 3–4, а иногда и больше мастеров по разным специальностям: плотники и столяры – "дуредгар", каменщики и мастера по ганчу, штукатуры – "гилкор", рисовальщик-художник – "накош", входивший в цех гилкоров (отдельного цеха рисовальщико не было) и др.

Во главе мастерской находились квалифицированные придворные мастера, награжденные чинами[I]. Они состояли на постоянной службе эмира и только руководили работами. Все остальные мастера присылались по наряду из городских цехов. Плата, выдаваемая мастерам в арке, была ниже обычной рыночной, да и пища им давалась более низкая по объему и качеству, чем у частных заказчиков. При Абдулахадхане, например, мастеру ежедневно причиталось 5 тенег, т.е. половина того, что он получал бы у частного заказчика. Пища у частных заказчиков тоже была лучше и выдавалась три раза в день, тогда как у эмира два раза. Мастера поэтому очень неохотно шли на работу в арк. Некоторой добавкой к получаемому ими вознаграждению служила неофициальная добавочная плата, называемая "куллук", которая выдавалась только по окончании срока работы. Цеховые мастера уходили по истечении недели, заменяясь другими. Куллук выдавался хорошим мастерам по 5 тенег за день, а простым, неискусным – по 3 танги. В списках, подававшихся официально эмиру, эта добавочная плата официально не значилась, а деньги получались от приписки заведомо неверно показываемых расходов.

Работа в каписхона производилась по санкции или распоряжению "катоул" (в чине джебачи), своего рода заведующего хозяйством арка, подведомственного кушбеги. Отчет в истраченных суммах ежемесячно представлялся катоулом на утверждение кушбеги. По словам работавших старых мастеров, при этом бывало не без злоупотреблений. Например, катоул приказывал мирзе указать в отчете больше людей, чем фактически работало, а остатки делились между мирзо и катоулом. Мастера, получавшие здесь пониженную заработную плату, работали поэтому в течение дня менее усердно, чем у частных заказчиков.

I3I. Небольшой переулок, шириной в I м 75 см, отходивший напротив тахоратхоны I28 от улицы на юг и отделявший восточную веранду соборной мечети от лежащей против, на восток от мечети, сте-

---

I. Например, мастер-строитель Усто Иброгим Хофизов имел чин "мирохура".

ны, которая шла с севера на юг линией глухого забора на протяжении I8 м от северо-восточного угла веранды[I].

I33. "Сиккахона" – монетный двор, расположенный к востоку от переулка I3I. Вход в него был с юга через дверь и проход на месте теперешнего европейского окна I33[2] (рис.38).

В I896 г., когда по распоряжению Остонакул-бека монетный двор был переведен сюда из другого места, существовавшая рядом уборная была перенесена на место № I29, к монетному двору было прибавлено немного площади с восточной и южной сторон.

Здесь было 4 мастерских для чеканки серебряных монет – "танга" и одна для золотых – "тилло"[3]. В каждой из мастерских работало по 9–I0 человек вместе с мастером. Когда мастера освобождались от другой работы, здесь чеканили также медную монету – "пул". Раньше, до Остонакула, "пули сиё" чеканили из сплава "хула" (бронза), но потом было решено их чеканить из железной проволоки[4], привозившейся из России. Серебряные монеты чеканились из переплавленных китайских ямб[5], золотые – из золота, привозившегося из России в виде золотых прутьев. Кроме того, тилло плавились также из золотого песка, добывавшегося в горах.

I. По сообщению, записанному в I962 г. со слов Усто Мирбахрома, этот проход был ниже суфы айвана мечети I9, так же как и уровень улицы I8, с которой на эту суфу вели сложенные из жженого кирпича ступени – см. рис. 33 (прим. А.П.).

2. По сообщению Усто Мирбахрома (I962 г.), вход во дворики монетного двора был с улочки I8, справа при повороте ее к северу. А с юга был вход в "ошхону", расположенную к югу от монетного двора I3I и I33, на месте же I32, у стыка южного и восточного айванов мечети Джоми, раньше не было существующего в настоящее время углового помещения, а якобы находился минарет этой мечети (прим. А.П.).

3. По сообщению Усто Мирбахрома (I962 г.), всех мастерских на монетном дворе было восемь (прим. А.П.).

4. По сведениям М.Е. Массона, "пули сиё" никогда не чеканили из железной проволоки, для этого употребляли только медную (прим. О.Ч.). Это подтвердил в I962 г. и работавший в этих мастерских Усто Мирбахром (прим. А.П.).

5. В архиве М.С. Андреева сохранилась следующая сделанная им выписка о чеканке теньги эмиром (без даты, папка № 75). "Особая канцелярия по кредитной части. 3I января I899 г. О введении в Бухарском ханстве российской денежной системы.

Стр.5 "По показанию главного зякетчи (бухарский министр финансов) было вычеканено:
От 27 авг.I888 до I5 авг.I899 (должно быть I889?- А.П.) I0.254.896 тенег
" I6 " I899 (должно быть I889? – А.П.) до 4 авг.I890 22.43I.820"
" I4 июля I892 до 3 июля I893 г. I6.948.832 теньги".

I34. "Когазхона" – мастерская для печатания денежных знаков. Штат служащих: один туксабо, один приближенный к кушбеги, в должности джевачи или мирзобоши, 20 мастеров –"усто"различных специальностей, как, например, рисовальщики и художники росписи – "наккош", ювелиры – "заргар", каллиграфы – "мирзои хушхат" и др.

Печатание бумажных денег началось в Бухаре только при самом последнем эмире Алим-хане, в I9I8 г. Для производства дензнаков была устроена небольшая фабрика бумаги впервые в Бухаре (по крайней мере за два последние столетия). Устроена она была в саду Дилькушо.

Очень характерно для нравов того времени, что в то время, когда духовенство все еще усиленно сопротивлялось нововведениям, для принципиального решения вопроса о выпуске бумажных денег эмир созвал совещание, на которое позвал: обоих кушбеги, кози-калона, корвонбоши (купеческого голову) и двух крупных представителей купечества – Джура-бека Арабова и Юсупова. Пригласили также выдвинувшегося к тому времени крикливого представителя мулл Кутбиддина. Это был ярый представитель течения, толкавшего Алим-хана на объявление войны. Впоследствии, при столкновении с частями Красной Армии, он выступил с сотней мулл, вооруженных ружьями и саблями. Они сидели верхом на лошадях, но сохранили на ногах мало пригодные для такого случая ичиги и калоши. После революции мулло Кутбиддин бежал, но потом был схвачен и расстрелян. Когда на совещании купец Юсупов высказался за машинное печатание и показал составленные по его поручению проекты денежных билетов, то Кутбиддин объявил его неверным – "кофир", а затею его языческой, противной вере. Он заявил, что само печатание – дело немусульманское. Машинным печатанием он опоганит мусульманские деньги. По настоянию Кутбиддина Юсупов был изгнан с совещания, а деньги было решено печатать вручную, прикладывая к бумаге штампы, подобно тому, как это делалось в Бухаре с "иди" – небольшими листочками бумаги, раздававшимися детьми для колядования при наступлении двух больших праздников в году – Курбана и Рамазана.

(продолжение прим.5 со стр.72):
..."С августа I893 г. свободная чеканка теньги эмиром приостановлена по настоянию Туркестанского генерал-губернатора, барона Вревского и до настоящего времени не возобновлялась из-за обесценения серебра на мировых рынках".
Барон Вревский в I894 г. высказал предположение о замене теньги смешанной монетой с русскими и бухарскими надписями. – Отвергнуто в Совещании под председательством Т.С. Кобеко" (прим. А.П.).

Джадиды, входившие в состав правительства Бухарской Народной Советской республики, приспособили когазхона к печатанию денэнаков, заменив в штампах имя эмира соответствующими надписями.

I35."Заргархона" – ювелирные мастерские.Вход был через калитку с улочки I50; от калитки шел крытый проход шириной I I/4 м приблизительно на протяжении 3 м. Далее, в середине всего помещения находилось открытый квадратный дворик, с трех сторон, противоположно входу, окаймленный открытыми суфа. С трех сторон дворика к этим суфа примыкали помещения мастерских[I].

Мастерские делились на три отдела. Во главе каждого отдела стоял мастер, имевший чин мирохура (таких было два человека) или каровулбеги (один человек)[2]. Заведовал общей работой старший ювелир в чине туксабо. Всего туксабо было два. При Абдулахад-хане одного звали усто Саади (из Карши), другого – Кори-туксабо (бухарец). Один из них находился в "рикоб", т.е. в числе походной свиты эмира, сопровождая его вне Бухары, другой заведовал мастерской в арке. Через каждые 2–3 месяца они менялись местами.

Штат ювелирных мастерских состоял из одного "заргарбоши" – начальника ювелиров, одного главного заргара, в чине туксабо и около двадцати (по другим сведениям, восьми) постоянных мастеров – "заргар", которые почти всегда находились в заргархоне. Кроме них, руководителей, признавалось еще, в зависимости от количества работы, нужное число мастеров из частных мастерских города; признавались они через цех, посылавший их, подобно другим цехам, в порядке очереди.

Административным лицом, заведующим мастерской, но не вмешивающимся в технику работ, был заргарбоши, назначавшийся кушбеги. На его обязанности было доставлять драгоценные металлы (золото и серебро) и камни, а также прочие материалы для ювелирных работ; он же принимал готовые изделия. Это были те самые мастерские, которые в большом количестве вырабатывали эмалированные, серебряные шкатулочки, чаши и пр., которые эмир любил дарить при своих поездках в Россию и раздавать в виде наград и подарков при всяких других слу-

I. По сообщению Усто Мирбахрома, ювелирные мастерские находились в части I3I, прилегающей к восточному айвану мечети, а на месте I34 был монетный двор (прим. А.П.).

2. Всего в составе мастеров было два туксабо, два мирохура, три каровулбеги.

чаях. Там же выделывались женские украшения – кольца, браслеты, серьги, пряжки для мужских поясов, украшения для конской сбруи и пр.

Заргарбоши доставлял из сейфов потребное количество золота, серебра и был ответственным лицом, как глаз кушбеги.

I36. Жилище Абдукодир-бека тупчибоши лашкар. Дом, состоящий из двух помещений: мужского – "берун" и женского – "дарун" известного сановника эмира Абдулахад-хана Абдукодыр-бека тупчибоши лашкар (начальника артиллерии и командующего частью думболапур)[I]. Здесь он жил со своим семейством при Абдулахад-хане и отсюда был переведен в город к Ляби хаузи Мирзо-гафур неподалеку от арка.

Жилища царевичей, мазар, медресе, мечеть Чильдухтарон

I37. Жилище одного из бойсунских царевичей.

I38. Жилище другого бойсунского царевича.

I39. Урда одной из жен кушбеги.

I40. Урда другой жены кушбеги.

I4I и I42. "Шарбатхона" I4I и "нонхона" I42 – помещение разделялось на две половины (два дома): южную – "нонхона", где хранился и откуда раздавался привозимый ежедневно в арк печеный хлеб (лепешки) и северную – "шарбатхона", где хранились различные запасы для кондитерских изделий и сами эти изделия: многочисленные сорта различных варений, халвы, конфет, сахара и т.д. Оба помещения разделялись небольшим двориком, с восточной стороны которого была небольшая веранда (рис.38).

Хлеб (лепешки) изготовлялся пекарями ("нонвой"), имевшими пекарни в нескольких местах города. Они получали пшеницу или муку от диванбеги. Пшеница перемалывалась самими пекарями на принадлежавших им мельницах – "хароскона", приводившихся в движение каждая четырьмя лошадьми. Таких мельниц в Бухаре было I0. Муку привозили также из местности Галаосио в I2 километрах от Бухары; там было 4 водяных мельницы на реке Зеравшан. Были более мелкие мельницы и в других местах, но они часто останавливались из-за недостатка воды и большого значения не имели. Пекари получали вознаграждение за

I. Во время Бухарской революции I920 г. Абдукодыр-бек был командующим всеми войсками эмира Алим-хана.

выпечку. Интересно, что большого контроля над расходом полученной муки не было, так как отчет в привозимых лепешках велся поштучно, а не по весу. В общем каждый день привозили до 4–5 тысяч лепешек различных сортов. Сюда, в помещение шарбатхона, через проход I72 приходили шогирдпеша, мирзо и другие служащие с фарфоровыми чайниками, в которые здесь всыпался порциями на заварку чай. Получившие его отправлялись с чайниками к самоварам, кипевшим в комнате I89, где и заваривали. Здесь получали также хлеб, кишмиш, варенье и прочее (последнее только для гостей или в виде особой милости постоянным служащим).

I43. Урда Носир-хана (см. рис.39), сына Музаффар-хана и брата Абдулахад-хана. Обширное помещение с входными воротами возле северной стены арка, состоящее из "хавлии берун" (внешнего мужского двора) и "хавлии дарун" (женского помещения). Во дворе имелся длинный айван, конюшня, погреб, собственная библиотека.

И. Адылов рассказал, что Носир-хана в Бухаре называли "тураи джиляв", как лицо, близкое к эмиру. Это подтверждается и тем, что эмир Алим-хан выдал за сына Носир-хана – Араб-хана свою дочь и построил для них отдельную урду в юго-восточном углу арка неподалеку от арсенала. Из арка ни Носир-хан, ни эмирский зять Араб-хан, однако, не выпускались.

Носир-хан дожил пленником в арке до самого свержения эмирата (I920 г.). При Бухарской Народной Республике он был членом "Исторического общества" и составителем рукописного сочинения "Таккикоти арки Бухоро".

I44. Улица перед мазаром.

I45. Мазар Баттол-гози (рис.40).

I46. Гробница.

I47. Медресе.

I48. Мечеть Чильдухтарон[I].

Древняя очень распространенная и популярная легенда о сорока благочестивых девушках – "чильдухтарон", связываемая с десятками мест Средней Азии, бытовала и здесь: преследуемые девушки скрываются в пещеру, открывающуюся по их молитве, и вход в нее чудесно закрывается. По-видимому, это место в основе должно считаться мазаром, хотя здесь нет ни бунчука ("туг"), ни какого-либо другого видимого признака святыни.

I. По сообщению Носир-хана (Тахкикот), эта мечеть была построена при Мухаммад Рахиме (I756–I758 гг.) (прим. О.Ч.).

Неподалеку отсюда имеется колодец, выкопанный, по-видимому, очень давно, но в настоящее время (I940 г.) почти засыпанный. В старое время – при эмире Музаффаре и до него, при эмире Маъсуме, было в обычае иногда бросать в него провинившихся придворных. "Если человек исчез, нигде его не видно, то люди догадывались, что его спустили в колодец", – рассказывал мне Иброгим Хофизов.

I49. Угловая башня.

I50. Круговая улица, продолжение I8, вдоль стены, окружающей арк (рис.4I).

Комплекс зданий кушбеги

I5I. Улица, пролегающая между глухой северной стеной коронационного зала и комплексом зданий кушбеги. Она начинается от дороги I6, ведущей в помещения эмира и проходит через двое ворот прямо на восток к внутренним дворам – "урда": справа – Урдаи калон II7 и слева "урдаи кушбеги" I40. Ширина улицы около 3 м.

I52. Двустворчатые карагачевые ворота, ведущие в помещения кушбеги. Сделаны в I904 г. взамен ранее бывших, пришедших в ветхость. Эти ворота были заперты приблизительно от полуночи до рассвета.

I53. Небольшой крытый проход за воротами I52, открывающийся направо во двор I63, окруженный зданиями. По обе стороны прохода скамьи (завалинки) из жженого кирпича, на которых сидели шогирдпеша.

I54. Дверь налево из прохода I53, выходящая на веранду I55 дворика I56.

I55. Веранда, окаймляющая с юга и запад дворик I56, на которую выходили помещения I59 и I6I для приезжающих русских представителей и комната для шогирдпеша I58.

I56. Небольшой дворик, замощенный старинным шестиугольным кирпичом (рис.42,43). С этого дворика ведет на второй этаж деревянная лестница.

I57. Дверь с западной стороны прохода I53, через которую проходили в комнату I58.

I58. Комната, в которой находились дежурные при кушбеги шогирдпеша и в которой около десяти человек из них ночевали, как дежурная часть; имевшаяся во время обследования дверь, ведущая из комнаты шогирдпеша I58 в помещение I59, раньше не существовала и была пробита недавно.

"Шогирдпеша" - это особая часть административно-служащих. Возраст их не имел значения, и можно было встретить среди них людей от 20 до 70 лет. Всего в арке было до 300-400 человек шогирдпеша. Их использовал главным образом для разных поручений и рассылал кушбеги при возникновении разных надобностей. 40 человек из них постоянно находились при эмире, где бы последний ни проживал, сопутствуя ему при его переездах. Менялись они через каждые I5 дней. Во главе всех шогирдпеша был особый начальник, "ясовулбоши", который подчинялся непосредственно кушбеги. Ясовулбоши имел одного заместителя - "нооб". Значительное число (около I00) этих служащих было постоянно в разъездах, исполняя различные поручения: сопровождали русских должностных лиц, представителей, посылавшихся русским правительством для разных надобностей в пределы Бухарского ханства, рассылались с различными поручениями по периферии, к хокимам и пр., служили курьерами - "хатбар", отвозя письменные распоряжения, приказы и пр.[I]. Шогирдпеша, оставшиеся в Бухаре, не занятые никакими поручениями, должны были ежедневно рано утром, после открытия ворот арка, приходить в помещение кушбеги I58 и оставаться здесь до полудня. Потом часть из них расходилась, за исключением дежурных I5-20 человек, назначаемых в порядке очереди ясовулбоши. После полудня и до вечера, кроме дежурных, в помещении I58 в проходе было постоянно много шогирдпеша.

Ежедневная явка всех шогирдпеша по утрам к кушбеги не соблюдалась очень строго. В случае каких-нибудь домашних обстоятельств всегда можно было договориться с ясовулом о разрешении не приходить в указанные дни.

Каждый из шогирдпеша заводил себе лошадь, так как ему необходимо было ездить верхом для исполнения дававшихся ему поручений. Жалование выдавалось от 40 до I00 тенег, в зависимости от заслуг и срока службы. Кроме того, они получали фураж для лошадей и готовую пищу в арке для себя. Имеющие чины среди них (т.е. приблизительно 25%) получали еще добавочное пищевое довольствие, состоящее из 5-6 хлебных лепешек (ежедневно), 8 кг мяса, 4 кг сала, 2"нимча"(мера веса) чая, I голову сахара (ежемесячно), а также два раза в год комплект одежды "сарупо", состоявший из чалмы и двух халатов. По

I. Курьер, посылаемый хокимами к эмиру, назывался"аризачи", от слова "ариза" - заявление. Курьер, посылаемый к кушбеги, назывался "хатбар".

праздникам (два раза в год) выдавалось от 50 до 200 тенег, смотря по заслугам, "на увеселение" -"харчи сайл". Большим источником дохода служила обязанность отвозить официальные сообщения о наградах: извещения о них посылались должностными лицами в запечатанных конвертах - "лифофа", содержания которых не знал и отвозивший. Если в письме извещалось о награде, то награжденный часто довольно щедро одарял гонца.

Назначение в шогирдпеша происходило через посредство ясовулбоши и кушбеги. В случае отсутствия возражений со стороны последнего наводились справки об образе жизни и характере претендента на эту должность и при благоприятных сведениях происходило назначение[I].

Шогирдпеша имелись не только у кушбеги, но и у губернаторов - "хоким". Число их колебалось в зависимости от доходности и важности бекства, чаще всего было приблизительно 40-50 человек.

I60. Передняя.

I59,I6I,и I62. Специальные комнаты, выстроенные при кушбеги Джон-мирзо для русских представителей и политических русских посланцев, приезжавших в арк для переговоров с кушбеги, а также с эмиром[2]. Первоначальное более скромное помещение расширено было при Остонакуле кушбеги в I908 г.

В углу дворика I56 находилась лестница, ведшая на верхний этаж. Там находилось помещение (2-3 комнаты), подведомственное девонбеги, где бывали дети кушбеги.

I63. Двор кушбеги. С юго-востока к помещениям I67-I70 примыкает широкая открытая, высокорасположенная суфа, облицованная обожженным кирпичом (рис.45) Она бывала покрыта ковром, и на ней в жаркие летние ночи иногда ночевали дежурные шогирдпеша.

I64. Телефонный аппарат. Здесь постоянно дежурил один из двух телефонистов, сменявшихся по очереди (рис.44).

Телефон был проведен около I900 г. сначала от Кагана к арку, а потом были присоеденены загородные дворцы - Ситораву махи хоса, Ширбудун, а также различные здания и учреждения в городе.

I65. "Дахлиз" - передняя.

I. Параллельно служащим у кушбеги, называвшимся "шогирдпеша", были такие же служащие у казия, называвшиеся "мулозим", числом около 200 человек.

2. По сведениям Носир-хана (см. "Тахжикот", л.45), эти помещения были выстроены при Музаффар-хане (I860-I885) (прим. О.Ч.).

I66. Комната направо из передней. Она играла роль кладовой - мадон. Сюда складывалась посуда и прочее убранство, необходимое при приеме гостей кушбеги.

I67. "Мехмонхонаи калон" - большая гостиная. Здесь раз в день, в полдень - "пешин" давался обед служащим шогирдпеша. Пол был покрыт коврами, а на них вдоль стен лежали стеганые курпача для сидения.

I68. Гардеробная кушбеги - мадон и кладовая.

I69. Приемная для гостей и обычное место для выслушивания официальных жалоб, прошений и пр. Для последней цели кушбеги садился в комнате против углового окна[1], примыкающего к юго-восточному углу площадки - суфа. Напротив, на площадке, метрах в трех от окна садились просители. Перед просителями стоял в углу площадки ясовулбоши. Никакого оружия у него в руках, однако, не имелось. Заявления делались словесно, после чего кушбеги произносил постановление. Присутствовавший ясовулбоши передавал его в канцелярию, находившуюся на том же дворе, просителя дополнительно там допрашивали об именах, адресах и деталях. Написанное постановление подносилось потом кушбеги для приложения печати.

Важных просителей кушбеги приглашал к себе в комнату, где иногда предлагалось гостям угощение.

I70. Дахлиз - передняя для прохода в приемную кушбеги № I69 (проход через мадон I68 был доступен только для кушбеги).

I7I. Вход в большой глубокий подвал - "тагхона", подходивший как под обе широкие суфы, так и под комнаты № I67-I70 (см. план подвалов).

I72. Крытый проход, род небольшой веранды (рис.46). В настоящее время здесь заложена дверь, через которую мог проходить кушбеги из прохода I72 в переднюю I70, не будучи видим со двора.

I73. Проходное помещение.

I74-I75. "Мирзохонаи калон". Здесь были расположены две отдельные канцелярии: I74 - главная канцелярия, со штатом в I0 мирзо. Она ведала учетом золота, харадж ем и прочими доходами и расходами. I75 - вторая канцелярия, со штатом около 8-I0 мирзо. Ведала сношениями с

I. Следует принять во внимание, что раньше, до I920 г., все существующие в настоящее время окна (за исключением окон в посольских комнатах № I60-I62) доходили вплоть до земли, подобно дверям, как это и теперь можно видеть в старых зданиях.

периферией, выдачей паспортов и пр. Вход в каждую канцелярию был отдельный, и обе разделялись стеной, не имея сообщения между собою. Начальник каждой канцелярии был самостоятелен, и оба непосредственно подчинялись кушбеги.

Помимо двух канцелярий, находившихся здесь, имелись еще другие: упоминавшаяся выше канцелярия 45-46 на верхнем этаже двора саисхона; раньше ее дверь выходила на улицу против дома "эльчихона". Там было 8-I0 писарей. Эта канцелярия ведала перепиской с Российским политическим агенством, а также всеми делами в ханстве, возникавшими от соприкосновения с русскими. Была еще канцелярия I76.

I76. Канцелярия в помещении девонбеги почти рядом с канцеляриями I74 и I75, в здании, сохранившемся и сейчас, выходящим выступом на север[1]. Вход сюда со стороны помещения кушбеги был через проход I77 и через небольшой дворик помещения девонбеги. Здесь было всего 5-6 писарей. Они вели подсчеты поступлениям и расходам девонбеги.

Следует отметить, что здание, отмеченное на плане как I76, новое, построенное в I92I г., приспособленное под надобности советских учреждений, причем оно было расширено и более вытянуто на север.

I76а. Подвал, подземелье под мирзохоной I76 (рис.4). Трагические события произошли здесь в I9I8 г.

Рассказ о гибели в подвале кушбеги советской делегации в I9I8 г.[2]

Во время переговоров между эмиром и Ф. Колесовым в арк было послано, как говорят бухарцы, 40 советских делегатов. Прибыли они верхом на лошадях и остановились перед пандусом. 20 человек со всеми лошадьми остались внизу, а другие пешком отправились вверх по

I. По другим сообщениям, эта канцелярия находилась в помещении без номера к северу от помещений I80 и I88.

2. Об этом см. "Таърихи Салими", ркп. Института востоковедения АН УзССр, № 20I6, лл. I54-I55, а также Б.И. И с к а н д а р о в. Бухара в I9I8-I920 гг. (Ликвидация Бухарского эмирата - очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии). В кн.: "Материалы по истории Средней Азии и Таджикистана". Тр. АН Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии, т.XIX. Сталинабад, I954, стр. I5-I6 (прим. ред.).

подъему. Около мечети их разделили. Три человека (руководители делегации)[I] были проведены на юг, в помещение эмира, а I7 человек отвели в помещение кушбеги.

Среди ушедших трех один, небольшого роста, коренастый, будто бы был известен тем, что "сверг царя Николая с престола."

"Я очень боюсь его", - говорил будто бы эмир, обсуждая положение.

Разговор их с эмиром продолжался около двух часов. Затем, выйдя от эмира, они прошли в помещение кушбеги к ожидавшим их там товарищам для того, чтобы вместе пообедать. При соборной мечети в это время был поставлен, готовясь к встрече, отряд из I00 человек бухарского войска - думболапур. Видя хорошее обращение с советскими делегатами, они были якобы крайне недовольны. Они бросились вниз на находившихся внизу с лошадьми 20 человек и начали в них стрелять.

Нападение было совершено неожиданно, много красногвардейцев было перебито, а остальные пробовали ускакать, но были перехвачены другими солдатами из казарм по дороге и все были убиты. Сидевшие в помещении кушбеги 20 человек, услыхав выстрелы, выскочили, спрашивая, в чем дело. Им сказали, что произошло восстание, что им нужно спрятаться. От Алим-хана принесли 20 халатов и 20 тюбетеек и чалм, и они оделись. Им говорили, что их, когда стемнеет, вывезут по два человека, как бухарцев, за город и доставят к советскому лагерю. Их спрятали в подвал под зданием мирзохоны I76 и при наступлении темноты вывели первую пару в помещение тупчибоши. Там их оставили, якобы для того, чтобы подождать прихода еще двоих, и тогда вчетвером их отвезут в одном экипаже.

Старики-бухарцы рассказывали, что все это было результатом заговора и махинаций со стороны кушбеги Урганджи Низомиддина, козикалона и раиса. Когда один из людей эмира, Ходжи-Бурхон бухчабардор, увидел, что проводили первую пару, он проник к оставшимся в подвале и при выводе второй пары успел дать знать, чтобы оставшиеся не доверялись: "Или выходите все вместе и защищайтесь имеющимся при вас оружием, или оставайтесь, не разделяясь". Одного из второй пары в это время уже вывели, но другой успел выхватить спрятанный у него револьвер, выстрелом ранил в руку схватившего его и остался.

I. Б.И. Искандаров (цит. соч., стр. I5) приводит имена двоих из них - Уткина и Абдурахманова, а также сообщает, что из состава делегации спаслось два человека (прим. А.П.).

После этого, по распоряжению девонбеги Ходжи-Латифа, было принесено много кошем, паласов и все было свалено перед окнами и дверью подвала. До этого засевшие (при них было много кинжалов, были винтовки с укороченными стволами, револьверы) открыли сильный огонь через дверь и окно и ранили и убили человек до семидесяти. После того, как стрельба стала невозможной, а с другой стороны, осаждавшие не могли также овладеть советскими делегатами, они придумали залить подвал водою, чтобы затопить там защищавшихся. Плотник просверлил в толстом деревянном полу отверстие, но выстрелом снизу его ранили в руку. Подступиться к отверстию было трудно, так как осажденные все время стреляли. Тогда придумали закрыть отверстие плоским большим камнем, под который могла бы подтекать вода. Последовал усиленный подвоз воды водовозами, и помещение начало наполняться водою.

Семь суток продолжалось храброе сопротивление осажденных, измученных, оставшихся все это время без еды.

Видя, что взять мужественных красногвардейцев невозможно, бухарские феодалы подослали к ним одного из преступников по имени Хамид Кахкашони, известного вора, которому они пообещали свободу и награду, если он уговорит осажденных сдаться. Он проник к ним и предложил перемирие, говоря, что в настоящее время идет обмен пленными между советскими частями и бухарцами и если они сдадут свое оружие, то их отправят в обмен на пленных бухарцев. Для красногвардейцев, семь суток остававшихся без пищи, сидевших в воде, выбившихся совершенно из сил, это было единственной надеждой, так как дальнейшее сопротивление было невозможно. Они передали оружие и с большим трудом, вытаскиваемые бухарцами (двигаться свободно уже не могли) очутились за дверями. Вышло их только 7 человек - остальные десять были уже мертвы. Выведенных увели в помещение тупчибоши и с ними было также вероломно покончено.

Это произошло в феврале I9I8 г., в первый приход Колесова.

I77. Узкий проход с юга (с улочки I5I) на север, в который ведет дверь со двора кушбеги I63 через крытый проход I72. Имеющееся посередине глиняное возвышение позднейшего характера и образовалось от упавшей сверху крыши.

I78. Лестница в проходе I77, ведущая на второй этаж над мирзохонами I74 и I75.

I79. Двор "миёнхавлии кушбеги".

I80. Лестница, ведущая на верхний этаж, параллельная лестнице I78, но отгороженная глухой стеной.

I8I. "Суфа", покрытая коврами. Летними вечерами кушбеги иногда сиживал здесь.

I82. "Дахлиз" – передняя.

I83. Кладовая, где хранились припасы для угощения.

I84. "Мехмонхона" (гостиная). Здесь кушбеги отдыхал и здесь он принимал главных своих подчиненных для переговоров о важных и секретных делах. Когда поступало письмо от эмира, то оно также принималось и прочитывалось здесь.

Обычно письмо принимал дарбон и приносил его кушбеги. Кушбеги в таких случаях почтительно вставал, целовал письмо, подносил его к глазам, проводил им по ним и лишь после этого читал.

I85. Большая кладовая, вытянутая вдоль длинной стены, – типа, называемого "ишками-мадон"[I]. В ней имеются три окна для света и воздуха, выходящие на улицу, заделанные, однако, железными решетками.

I86. Небольшой узкий айван (навес), с суфой под ним, на восточной стороне двора.

I87. На айване I86 в углу было углубление, ступеньки лестницы, уходящие вниз и ведшие в соседнее помещение за стеной, подходившее к урде.

I88. Помещение для дежурных махрамов, находившихся при кушбеги.

I89, I90. Помещение, где хранился древесный уголь и лежали запасы топлива. В одной стороне стояли три корчаги для воды и два больших самовара, в которых готовили кипяток (чай) для многочисленных шогирдпеша, мирз и прочих служащих.

I9I. Второй этаж в комплексе построек кушбеги (см. рис. 3). Комната над помещением I76. При кушбеги Мирзо (вступившем на этот пост после Остонакула и правившем в течение 8 лет) в этой комнате учился его сын. Сюда ежедневно приходил учитель, с которым мальчик и занимался.

I92. Проходная передняя.

I. Обычно нормальный мадон находится в задней части помещения и примыкает к его торцовой стене.

I93. Дверь над помещением "мирзохоны девонбеги", через которую проходил сын кушбеги Мирзы Насруллы и его учитель в комнату I9I, где они занимались.

I94. Помещение над комнатой без номера, прилегающей с севера к I90 и I88. Здесь складывались различные вещи кушбеги – ковры и пр.

I95. Помещение над комнатой I75. Здесь проживал при кушбеги Насрулле его племянник Барот-бек.

I96. Открытая веранда на втором этаже с западной стороны двора I63.

I97. Небольшой открытый дворик на втором этаже.

I98. Помещение "ясовулбоши шогирдпеша".

I99–200. Помещения для отдыха махрамов кушбеги.

ОПИСАНИЕ ПЛАНА ПЛОЩАДИ РЕГИСТАН

По словам Ибрагима Хофизова, в старое время перед арком на месте теперешней площади Регистан существовала большая низина, впадина, на дне которой было озеро, поросшее камышом. По приказу одного из владетелей было собрано много народа, из окрестностей начали возить песок, которым и засыпали низину, уничтожив озеро и образовав площадь. Отсюда якобы и самое название Регистан ("рег" - песок).

Этот рассказ старика Хофизова лишний раз показывает устойчивость традиции: повторяется известное место из "Истории Бухары" Мухаммада Наршахи[1].

Вариант Хофизова представляется интересным тем, что он ограничивает "низину", "озеро" только площадью перед арком, что может быть вполне возможным: арк, по-видимому, целиком насыпной; земля для насыпи должна была браться откуда-нибудь поблизости, что легко могло повести к образованию большой низины, озера (подпочвенные воды здесь близки).

В средневековое время на этом месте помещались правительственные здания[2].

При последних эмирах на Регистане тоже было довольно много общественных зданий (рис. 47). В настоящее время почти все они снесены[3]. Возле западной стены арка, направо от входа в него, стояла мечеть Поянда (см. рис. 6 и 7 справа), получившая свое название, по-видимому, от имени строителя, Поянда-бия. По словам Ибодуллы Адылова, это была очень старая, низкая постройка, пол которой был на аршин ниже уровня площади. В западной стене ее по обе стороны главного портала было двое ворот. В эти и еще трое ворот, находившихся в южной стене, входили для молитвы горожане. В се -

---

I. М у х а м м а д Н а р ш а х и . История Бухары. Литография. Новая Бухара, 1904, стр.6, перевод Н. Лыкошина, стр.II.

2. Там же, стр. 31-32, перевод Н. Лыкошина, стр.36.

3. Описание построек на площади Регистан см. также у С.Айни (Воспоминания, стр.294-295). Помимо перечисленных построек, М.С. Андреев упоминает еще рядом с тахтапулем "небольшой дом, где сидел мирзо, пишущий заявления" (прим. А.П.).

верной стене, возле тахтапуля, был один вход, через который входил только эмир, иногда молившийся в этой мечети (рис. 47). Внутри мечети для него и его свиты было отделено особое место. Восточная стена этой мечети была глухая, около нее айван, где стояли пушки, обращенные дулами к арку. Из них практиковались в стрельбе бухарские артиллеристы.

К северу от входа в арк была "мехмонхона" (приемная) "лашкарбоши" (военачальника), за нею мастерская по ремонту оружия и оружейный склад. Далее к западу - медресе Дор аш-шифо, мимо которого проходила дорога, пересекавшая площадь и ведущая к воротам Хазрати-имом (в северной части городской стены). Напротив медресе Дор аш-шифо, на противоположной стороне этой дороги было большое медресе Абдулазиз-хана, иначе называвшееся Мадрасаи-гусфанд, или Бозори-гусфанд. По сравнению с другим, ныне сохранившимся медресе Абдулазиз-хана, что находится возле купола Заргарон, медресе Бозори-гусфанд было размером больше, но далеко уступало в красоте отделки[1]. Главным порталом медресе Бозори-гусфанд было обращено на юг, а медресе Дор аш-шифо - на запад.

Западнее мечети Поянда и к югу от медресе Бозори-гусфанд находилось медресе Ходжа Нихол. Далее на запад был расположен хауз и мечеть Болохауз, а также хонако Абдулазиз-хана, называвшееся иначе Хонакои-Болохауз; к югу от последнего было медресе Шодимбия, а к северу - пятничная мечеть Усто Рухи.

В начале XX века площадь Регистан была весьма оживленным местом: по утрам здесь происходили ученья войсковых частей. Здесь же находился большой базар, часть которого была расположена кругами по берегу хауза. Непосредственно близ воды были парикмахерские, за ними круг лавок с аптекарскими и москательными товарами, третий круг составляли продавцы чая. К югу от них шла торговля всевозможными сладостями, еще дальше - торг фруктами и зеленью.

К западу от мечети Поянда был Бозори-мардикор или Бозори-одам - своеобразная биржа безработных, где постоянно толпилось человек 300-500, желающих наняться в поденщики. Южнее этого места торговали ослиными седлами.

I. В 1936 г., в связи с предполагавшимся тогда сносом этого медресе горсоветом для очистки площади, экспедицией М.С. Андреева были сняты с его портала части изразцовых панно, хранящиеся теперь в Ташкенте в Музее искусств.

В нескольких десятках метров от входа в арк, примерно посередине расстояния от арка до хауза, производились публичные казни[1]. Место это называлось Бозори-ресмон[2].

Казнь происходила следующим образом.

Когда осужденного выводили из "зиндона" на казнь, ему связывали обе руки спереди, так что они приходились у него на животе. Уже из одного этого осужденный и другие могли понять, что его ведут на казнь, так как если бы он был осужден на избиение палками, то руки были бы завязаны на спине. Двое из людей миршаба (полицмейстера) шли, держа его за руки. Впереди шел палач. Процессия подходила к кушбеги, сидящему на своем месте у ворот арка, и ему подавался приговор за печатью эмира. Прочитав вслух приговор, проверив его соответствие, кушбеги приказывал вести осужденного на казнь. Когда спускались с пандуса, то миршаб садился верхом на лошадь; в сопровождении десятка своих людей, окружавших осужденного, он ехал с процессией и, не сходя с лошади, присутствовал при казни[3].

Неподалеку от входа в арк, между мечетью Поянда и медресе Дор ал-шифо, в праздник Навруз устраивалась борьба пахлавонов, причем боровшиеся старались повалить один другого на землю спиной; бить кулаками не разрешалось. За соблюдением правил борьбы следили два "амина", по одному с каждой стороны. Все борцы, приходившие из окрестностей Бухары, составляли две постоянные партии: жители Каракуля, Джондора и Шахрульислома считались одной стороной, Шафрикана, Гиждувана, Вабкента и Зандани - другой. Существовало предание, что эта борьба пахлавонов велась издревле, со времен Рустама.

I. Между тем, как в персидской литературе часто говорится о повешении, характерно, что бухарцы, по крайней мере за минувшие десятки лет, о таком способе казни совершенно не слыхали.

2. Ресмон - веревка. В Бухаре употреблялась полушуточная поговорка: "Смотри, попадешь на базар ресмон".

3. Ввиду того, что С. Айни в своих "Воспоминаниях" (стр. 313 и 331 русского перевода, М.-Л., 1960) подробно описывает казнь в Бухаре, приводимое М.С. Андреевым описание казни мы сочли целесообразным опустить. Приведем только сообщение об отсутствующем в описании С. Айни факте: "Вытащив нож из горла казненного, палач, как и всякий среднеазиатский палач или часто и простой убийца, слегка слизывал кровь с ножа, делая это, чтобы отвратить пагубное влияние убитого им человека, голос его крови" (прим. ред.).

Приложение I

ДЕНЬ БУХАРСКОГО ЭМИРА

Пробуждение. Эмир спит в своей опочивальне. В соседних сенях ("дахлиз") сидят два дежурных махрама[1]. Один бодрствует, а второй, поддежурный, слегка подремывает. На их обязанности было отзываться на самый легкий призыв проснувшегося эмира и тотчас же разбудить, если это нужно, кого-нибудь из спящих тут же неподалеку других дежурящих: очередного шарбатдора (заведывающего питьем, кравчего), если эмиру захотелось пить, тахоратхонадора, наблюдающего за чистотой уборной и тотчас же бросающегося производить уборку и наполнить сосуд для омовения водой, если эмиру пришлось пройти туда. Как благочестивый мусульманин эмир должен после этого совершить "тахорат" (ритуальное омовение): в данном случае только вымыть руки троекратным обливанием водой. Но перед намазами требуется совершение известного полного тахората, установленного религией.

В одной из ближайшей к сеням комнат спят одетые, готовые вскочить в любой момент "чирогчи" - наблюдатели за светильником - "чирог", горевшим когда-то всю ночь в спальне эмира и замененным потом стеариновой свечей (а в загородном дворце Ситораву махи хоса и

I. Махрамов дежурило четверо, сменявшихся в две очереди: первая пара сидела первую половину ночи, вторая - вторую.

Словом "махрам" обозначается, по существу, человек, которому открыт доступ в гарем; в переносном смысле это значит доверенное лицо (отсюда "махрами роз" - поверенный в тайнах). Махрамом этого порядка в народе считаются лица "семи категорий": отец, брат как мужа, так и, конечно, родной, дяди (жены и мужа), часто муж сестры (при совместном проживании в старое время одной семьей) и пр. Любопытно, что к числу махрамов причисляется и "пир", т.е. "ишан", духовный отец и руководитель, нареченные братья - "додархон", нареченный отец - "падархон" и пр. В бухарском обычном употреблении в отношении чинов двора, как в данном случае, это обозначает особо доверенного слугу у высокопоставленных лиц, своего рода адъютанта. Махрамы эмира назначались им часто и для занятия специальных должностей при нем же: "бухчабардор" (заведывающий гардеробом), "хазиначи" (казначей), "фаррошбоши" (надзиратель за уборщиками - фаррошами) и пр. У эмира, кроме того, бывало еще 20-25 человек, становящихся на дежурство к нему по очереди по 2 человека, а в другое время тоже являющихся во дворец для участия в свите.

Помимо эмира имелись еще махрамы и у больших сановников: у хокимов, козы (судей) и других, но не более 2-4 человек.

в Кермине электричеством) и "бухчабардор" - заведывающий складом одежды. Как ни странно, но этому приближенному тоже иногда приходилось быть наготове и ночью. Не спится эмиру с вечера или даже, иногда,он проснется ночью и ему приходит в голову мысль о том,что именно и кому дать из почетных наградных халатов. Это очень важный и интересный вопрос. И эмиру иногда приходило на ум выбрать и обсудить хорошенько ту или другую заготовляемую им награду. Он давал знак махраму, и тот летел в комнату, где спал бухчабардор, и тотчас приводил такового. И эмир давал ему указания, что принести или что и когда сделать.

Но вот спящему эмиру наступало время вставать, чтобы не опоздать с первым намазом "бомдод", который должен был быть на рассвете. Совершение его - это "фарзи айн" - обязательное религиозное предписание, и беда, если бы эмир стал им пренебрегать. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Вот почему в головах эмира конца XIX и начала XX века стоял заведенный будильник, готовый зазвонить в намеченный момент. Но если будильник не разбудил крепко уснувшего эмира, то тогда прибегали к старому верному способу, который существовал еще задолго до появления будильника. В комнату входил один из ближних слуг (махрамов) и начинал дышать, усиливая постепенно дыхание так, чтобы оно было ясно слышно. Если это не помогало, то он, будучи обучен массажу, начинал тихонько разглаживать ноги эмира, делая это затем все сильнее и сильнее, и переходя потом к настоящему массажу. "А что - разве уже время вставать?", - спрашивал просыпающийся эмир. - "Да буду я за вас жертвой - "тасаддук шавам" - уже время", - отвечал махрам.

Но вот эмир поднялся с постели. Тотчас же махрам набрасывал ему на плечи халат - легкий летом и теплый зимою - и эмир отправлялся в уборную - "мабраз". Вернувшись, он принимался в передней же на приспособленном месте за омовение. Теплая вода заботливо приготовлена в "офтоба" - грациозном медном сосуде с высоким и узким горлышком и длинным, красиво изогнутым носиком, и тахоратхонадор поливает ему на руки. При мытье лица, рук и ног, производимом в передней (сенях), ему, как сказано, поливал тахоратхонадор. Во время происходящего мытья и обливания эмир стоял на специально приготовленных стружках, состругивавшихся из тополя тонкими и узкими полосками, называемыми "хасран". Делалось это для того, чтобы смываемая вода, уносящая грязь с тела, не разбрасывалась бы брызгами, отлетая от пола, и тем самым, не поганила бы тела об-

ратным прикосновением нечистого. Позади эмира стоял махрам, держа в руках готовое чистое полотенце. Вытерев лицо и руки (махрам в это время вытирал ему другим полотенцем ноги), эмир спешно одевался, торопясь на намаз.

Утренний намаз (молитва). В утренний намаз - "бомдод", как и в четвертый намаз - "шом", установленного момента пропускать нельзя (с остальными эмир не особенно церемонился и отодвигал их по времени, читая часто с опозданием).

Дежурный походный имам - "имоми джиляв" - уже готов, как равно дожидается и готовый уже муэдзин - "суфии джиляв" (буквально "муэдзин у удил" лошади эмира)[1].

У эмира было три личных имама, из которых он выбирал кого-нибудь одного при отправлении в поездку или для пребывания в каком-нибудь саду. Остальные двое проживали в это время дома, исполняя свои другие обязанности. Интересно, как разрешался при этом вопрос вознаграждения. Многие мечети и медресе имели богатые вакуфные доходы, завещанные в свое время жертвователями, где было оговорено очень большое вознаграждение имаму. Но право назначения или смеще-

---

I. Очень интересны в существовавшей терминологии бухарского двора следы былой подчеркнутости, что эмир является "сипои" - военным, что он "вождь", готовый выступить в поход. Отсюда особый термин для сопровождающего его двора при выездах эмира и проживании его вне стен Бухары, что фактически, как мы увидим ниже, было почти постоянным явлением. Последние бухарские эмиры недолюбливали проживание в Бухаре за неприятные стороны жизни в арке - страшный летний зной и отсутствие зелени - а также, по-видимому, за беспокойное соседство с духовенством; они стремились жить вне стен Бухары и приезжали в нее сравнительно не так часто: Абдулахад-хан проживал в Кермине, а Алим-хан большей частью в загородном дворце Ситораву махи хоса. Такое пребывание вне стен Бухары теоретически уже считалось походным, и весь сопровождавший эмира штат носил название"рикоб" - стремя. Отсюда и название для "походного" имама - "имоми джиляв" -"имам при удилах" (т.е. при удилах лошади, на которой едет эмир); таково же и название для суфи - "суфии джиляв".

Заговорив о сохранении в терминологии бухарского двора военной роли эмира в государстве, можно упомянуть, может быть, о еще более ясном выражении таких тенденций в Афганистане. Эмиры там иногда очень подчеркивали эту мысль. В 1906 году, например, Хабибулла-хан при посещении Индии, вступил в пограничный индийский город Пешавер, где его прибытие очень чествовалось англичанами и мусульманами. В наступившую пятницу он отправился на намаз в соборную мечеть города, одетый в военную форму, и в высоких сапогах. Но при самом входе он был остановлен имамом мечети, который не допустил его войти в сапогах, подошвы которых попирали уличную пыль. С точки зрения мусульманской обрядности имам был прав. Но эмир не соглашался: "Я сипохи (военный)", - сказал он, - "и могу входить в мечеть в военной форме". - "Но ведь вы идете не на сражение", - возразил имам и настоял на своем. Эмиру пришлось смириться перед неукрощенным авторитетом религии. Этот случай породил в свое время много толков во всей Индии.

ния имама в подобном случае зависело от эмира, который и выдавал соответствующий "ярлык". По представлению, например, казия эмир утверждал всех имамов, назначаемых в 365 (теоретически) квартальных мечетях г. Бухары. Получая часто огромные суммы из вакуфных доходов, такой имам, конечно, готов был сопутствовать эмиру и без особого вознаграждения. Это тем более для него было удобно, что, имея многотысячный доход, он нанимал совершенно свободно для выполнения своих обязанностей какого-нибудь бедняка за очень малое вознаграждение, часто за несколько десятков тенег. Суфии джиляв[I] обычно в другое время являлся "саломагосы" – он отвечал за эмира на приветствия – "салом", обращенные к эмиру как в дороге, так и во время аудиенции в саломхона.

"Азон" (призыв на молитву, предшествующий намазу), читался муэдзином-суфи негромко, так как, во-первых, он не предназначался на этот раз для общей молитвы, а главное, самый намаз совершался часто в не вполне урочное время, что тоже не следовало подчеркивать громким провозглашением призыва. К тому же, на этом намазе никто не присутствовал кроме имама, сфи и самого эмира.

Любопытно, что как этот, так и всякий другой имам (даже в больших мечетях и на намазах больших праздников), никогда не решался в присутствии эмира выступить вперед и становиться на свое место имама, возглавляющего намаз, наоборот, всякий раз он останавливался, выжидательно глядя в сторону своего повелителя. И только после того, как ему кивнет эмир, указывая на движение вперед, он занимал свое место и начинал намаз. Делалось это потому, что эмир считался "имом уль-муслимин", т.е. имамом мусульман, и что он должен был возглавлять намаз. Это право его и подчеркивалось всякий раз любым имамом ханства тем, что он в присутствии эмира без его приказа не приступал к намазу.

Эмир отнюдь не намеривался долго молиться. И ловкий, сообразительный имам, при отсутствии посторонних, с невероятной быстротой совершал положенные молитвы и "рикааты" (поклоны). – "В две минуты заканчивал утренний намаз, а другие и того скорее", – рассказывали об этом бухарцы.

I. Интересно, что слово "муэдзин" – "муаззин", обозначающее специального провозгласителя азана ("азон"), во многих местах в Средней Азии в народе не употребляется и известно только образованным людям. Вместо него употребляют слово "суфи". На обязанности суфи в обычной небольшой мечети в городе или селении лежало, помимо провозглашения призыва на намазы, еще и подметание мечети, заботы о ее содержании в чистоте и т.д.

Салом – утренняя аудиенция. По окончании намаза бомдод эмир не уходил из саломхона, а направлялся к "пешка" – переднему месту, к одному из крайних западных окон в саломхоне, выходивших на небольшую площадку – "суфача", перед которым он и сидел, принимая приветствия своего двора[I]. После салома приближенные эмира расходятся по надлежащим местам и, рассевшись в соответствии с чинами, приступают к утреннему завтраку.

Утренний завтрак – "нахори". Когда все расселись, "дастарханчи" – стольник, являвшийся обыкновенно родственником верхнего кушбеги (обычно сын или младший брат), расстилал скатерть перед эмиром, продолжавшем восседать на своем месте у окна, и с поклонами подносил и ставил перед ним на подносе хлеб (лепешки). Затем стольник – ответственная должность, так как ему приходилось следить за поварами, чтобы не было примешано яда в эмирскую еду, приносил большую чашку ("коса") с чаем, сваренным со скоромным маслом и с сливками и посоленным ("ширчой"). Подавался также "халвои тар" – род киселя, приготовляемого из поджаренной муки, бараньего сала и сахарного сиропа, а кроме того, еще "ош" (плов), "кабоб" (жареное мясо), "калла-поча" (баранья голова и ножки), "нахуд" (вареный горох с мясом), "ширбириндж" (молочная каша)[2]. Все это подавалось одновременно и ставилось перед эмиром.

I. Описание аудиенции подробно дано выше, на стр.33 (прим. ред.).

2. Вопросу о соответствии характера пищи особенностям организма человека всегда придавалось в Средней Азии большое значение. Каждый совершенно точно знал (с помощью лекарей – "табиб", по совету со знакомыми людьми), что именно преобладает в его "мизодж" (составе организма) и старался обеспечить соответствующей пищей нужное, чтобы пополнить недостающее и парализовать действие того, что имеется в избытке.

Тело человека представлялось в виде царства, где царит "рух" – дух. Его столица – сердце. У него четыре визиря, имеющих свои центры управления: 1) желчь ("сафро"), место пребывания – желчный мешок; 2) черная желчь ("савдо") – помещается в селезенке; 3) кровь ("хун") – имеющая центром печень – "джигар"; 4) мокрота, находящаяся в легких – "шуш".

Поступающая в желудок пища обязательно разделяется на четыре упомянутых элемента, поступающих каждый в отдельности в свой центр. Здоровье и хорошее самочувствие есть результат правильного взаимосочетания в теле названных четырех элементов. Перевес или недоста-

(продолжение прим. 2 см. на след. стр.).

Взявши для начала кусочек хлеба (лепешки, выпеченной из теста, сделанного из муки-крупчатки, на скоромном масле, с молоком), эмир, помочив его в чае, клал себе в рот (всякую еду нужно начинать с хлеба)[I]. Потом он пил чай прямо из чашки, затем переходил к халвои тар и ширбириндж, а потом съедал кусочек мяса из калла-поча. Утром обычно до плова не дотрагивался.

Во время еды эмира дастархончи выходил и стоял в сенях, так что при эмире никого не оставалось, но два дежурных махрама смотрели из сеней и как только эмир подавал знак, сейчас же входили. То обстоятельство, что из наблюдавших за столом при эмире никого не оставалось в то время, как он ел, вряд ли можно приписать исключительно его достоинству, как эмира. То, что он ел один, не разделяя ни с кем пищи, было, несомненно, вызвано стремлением поддержать свое достоинство: нет никого достаточно достойного, с кем бы он мог разделить пищу. Но то, что даже постоянно дежурившие при эмире махрамы выходили на время принятия им пищи из того помещения, где он ел, и смотрели в дверь только издали, из соседней комнаты, не подаст ли он знак, что нужны их услуги, это явление совершенно другого разряда. Здесь мы сталкиваемся с очень распространенным в Средней Азии (главным образом среди оседлого населения) представлением о том, что нехорошо подходить и смотреть на то, как человек ест. Взгляд - недоброжелательный, завистливый или голодный, жадный, брошенный на кусок пищи, отправляемой в рот человека,

---

(продолжение прим. 2 со стр.93):
ток одного из них, и, в результате, неправильное сочетание их порождает, в зависимости от комбинации, те или другие болезни.

Но, помимо вопросов постоянного режима при употреблении пищи, учитывались и другие соображения. В число их входило, между прочим, и значение той или другой пищи для полового возбуждения. Как пример, можно указать мясо воробьев, как полового возбудителя. Как любезно сообщил мне М.Ю. Юлдашев, в этом отношении особенную заботливость проявлял непутевый Алим-хан, последний из эмиров, часто приказывавший своему повару изготовить ему блюда из воробьев.

I. То обстоятельство, что эмир неукоснительно каждое утро начинал пищу с куска хлеба, предварительно смочив его, вытекает из распространенного в Средней Азии обычая, ведущего свое происхождение, вероятно, из глубокой древности. "Нона агар об кати тар на куни, хуни джигарат кати тар мешуд", т.е. "Если не смочишь хлеба в воде, то он намокнет в крови твоей печени", говорит народная таджикская поговорка, записанная в Нур-Ата А.К. Писарчик.

может очень повредить последнему, разрушив благодать пищи, отравив ее недобрами чувствами, посылаемыми глазом смотрящего.

Именно поэтому существует традиция: если несколько человек объединяются где-нибудь, например, в дороге, для того, чтобы сварить пищу и пообедать (например, в караван-сарае), то, желая приступить к пище, они уединяются в какое-нибудь отдельное помещение и там едят, по возможности укрывшись от взоров посторонних. С этим, вероятно, тесно связан обычай приглашать к трапезе входящих в дом во время еды. Возможно также, что обычай укрывания принимающих пищу от взоров не участвующих в еде окружающих, распространенный не только в Средней Азии, но и в Индии, особенно применялся в старину к особе монарха, оберегая его от дурного глаза (например, к африканским королям)[I].

С другой стороны, в еде эмира все же нет и полной изолированности. Есть даже прямой намек на то, что сама трапеза общая, что она разделяется им с окружающими. Пищу он принимает в то же время, что и они, и хотя ест он отдельно, но может видеть издали едящих (по крайней мере в загородных садах), как, отчасти, и они его. И даже больше того: сидящие поодаль различными группами приближенные и служащие не могут отдельно, самостоятельно кончать свою трапезу, так как она общая и ждут соответствующего сигнала. И только когда эмир поел, он кивком головы подает знак и из двух удайчи, издали следящих за всеми движениями эмира, один немедленно читает громким голосом молитву, приуроченную к окончанию еды, после чего все проводят соприкасающимися ладонями рук по своему лицу и бороде, совершая известный мусульманский молитвенный жест, означающий окончание молитвы.

Упомянутая выше молитва "фотиха" читалась удайчами по очереди: утром читал удайчи правой стороны, старший, а после полудня (после намаза аср) - левой.

Поев, эмир наказывал, кому подать и какое именно из оставшихся блюд: "Отнеси в мирзохону мирзе дафтардору (подсчитывающему и наблюдающему за всеми доходами государства), а эти два блюда обоим удайчи. Калла-поча передать дарбону; нахуд (горох) и оставшийся молочный чай - это махрамам и другим" - отдавалось приказание.

I. См. F r a z e r J. The Golden Bough. Taboo and the Perils of the Soul. London, 1922, стр. 117-119.

В то время как завтракал эмир, всем остальным чинам свиты, рассевшимся по комнатам и на дворе, подавалась тоже пища, но уже менее изысканно приготовленная. Это – "оши омма" – общая пища. На каждого выдавалось по большой лепешке, называемой "нони тафтон", кроме того, на каждых двух человек ставилось"ляъли" – большое медное блюдо с конфетами, леденцами, фисташками и пр.

Следует отметить, что и эта пища была неодинакова. На подносы ляъли, подаваемые в комнаты амалдорам, насыпались лучшего сорта конфеты, чем сидящим во дворе. Фисташки тоже были не одинаковы.

"Нам доставались, – жаловался один старый мастер, – нераскрытые. Мы жаловались девонбеги, но он обратил разговор в шутку и сказал: "У вас есть же ваши инструменты, которыми вы можете колоть, а те ходят без инструментов – вот почему так и делается". Плов, подаваемый всем, давался тоже по одному блюду на каждых двух человек, но в приготовлении тоже наблюдалась разница. – "У амалдоров он был из лучшего риса, чем у нас, – говорил старый мастер. – Варился плов в двух разных котлах; из одного накладывали для них, из другого – для нас. Но все же в одном мы сходились: и для нас, и для них повара приготовляли плов еще с полночи, причем его не доваривали. В холодном виде он положительно несъедобен, и все мы только делали вид, что его едим. Мы передавали эти блюда с пловом конюхам, а те отдавали их, в свою очередь, приходящему кишлачному населению. Последнее скармливало такой плов чаще всего скоту. Но среди нас были и такие, которые забирали такой плов с собой, разогревая его, доводя до поспевания, у себя дома. Брать с собой подаваемое можно было совершенно свободно, это разрешалось. И мы для удобства сами составляли со своими друзьями пары для еды, причем один раз пищу забирал один, а в следующий раз – другой. Амалдоры проделывали то же самое и завязывали конфеты в платки, а плов уносили в блюдах, освобождая последние по прибытии домой и передавая их человеку из подававших пищу, который специально сопровождал нас для этого и назывался поэтому "табакчин" – собиратель блюд."

По окончании еды табайчи громко приглашали приготовиться к молитве – короткой, читавшейся после пищи. После молитвы все вставали и, почтительно пятясь назад перед продолжавшим смотреть из окна эмиром, выходили из его поля зрения, а затем удалялись к себе и шли на работу обычным порядком.

<u>После завтрака</u> эмир, смотря по настроению, иногда решал заниматься своими делами, особенно, если таких накоплялось много, или

приказывал позвать кого-нибудь поиграть в шахматы, или ему приходило желание устроить раздачу накопившихся "саврин" – мелких подношений, в которые входили всякие вкусные съедобные вещи (сладости, фрукты, конфеты и пр.). Часть их необходимо бывало раздать, чтобы они не испортились. Иногда у него являлась мысль поехать на соколиную охоту, в другое время приходила фантазия устроить "декчапази" – соревнование по искусству изготовления плова. Или он приказывал позвать двух указанных интересных ему людей из "джамоа" – на беседу о всяких новостях, толках и пр. Иногда он принимал прибывшего посланца с тортуком (дарами), присланным от какого-нибудь хокима, и пр. Определенной программы занятий, конечно, у него не было.

<u>Занятия делами</u>. Дарбон приносил стопку бумаг, которую клал перед эмиром. Бумаги присылались мирзои калоном, главным секретарем, для ознакомления и приложения эмирской печати. Если среди них были важные по содержанию, то с ними приходил и сам мирзои калон.

Эмир бегло знакомился с содержанием бумаг и собственноручно прикладывал свою печать (подписи не полагалось), поцутно приказывая, в случае необходимости, внести исправления. Чаще всего эмир утверждал всякие назначения – "ярлык", либо знакомился с донесениями, с секретными извещениями агентов – "вокианавис", поступающими прошениями и т.п.

Скрепление печатью ярлыков сопровождалось, если происходило назначение чиновного лица по гражданской или военной администрации, пожалованием соответствующей наградной одежды, называемой "сарупо", состоящей из халата – "джома", чалмы из кисеи – "саллаи дока" и"куло" – рода стеганой тюбетейки на вате. Если назначалось ярлыком низшее лицо, как, например, имам простой мечети (здесь требовался также ярлык эмира) или аксакал какого-нибудь гузара (квартала), то выдачей наградной одежды это не сопровождалось.

Выдача награды обставлялась большой церемонией. Сам ярлык шел шел через канцелярию "мирзохона", одновременно, делалось распоряжение удайчи о вызове награждаемого (если он в городе) и передаче ему награды, состоявшей из сарупо. Посланный извещал награждаемого и приводил его в "дарвезахона" – вход в арк. Здесь удайчи одевал его в жалуемую ему одежду, втыкал в чалму в виде эгрета яр – лык и вел к эмиру (если последний был в саломхона), чтобы награжденный мог прочести молитву о благоденствии эмира. Если награждаемый принадлежал к духовно-учебному ведомству (мулла или муфти,

мударрис и пр.), то тогда его призывал не удайчи, а представитель кози-калона при эмире, называемый "оламиён". Это сопровождалось довольно значительными расходами со стороны награждаемого: нужно было дать денег человеку, ездившему за ним, полагалось, кроме того, передать некоторую сумму удайчи для раздачи между его подчиненными и низшим составом канцелярии – "мирзобоши". Нужно было дать и дарбону. Деньги, выдаваемые, таким образом, назывались "олук".

Прием тортука[1]. Иногда после завтрака назначался прием тортука, присылаемого каким-нибудь хокимом. Тортуки бывали двух родов. Или это "тортуки шукрона" – благодарственный тортук, обычно посылаемый вновь назначенным хокимом по прибытии на новое место службы в благодарность за свое назначение, или "тортуки туксан" – осенний тортук[2], посылавшийся хокимами по окончании сбора податей вместе с собранными деньгами. Такой тортук посылался в сопровождении ближайшего родственника хокима: сына, если таковой был в подходящем возрасте, младшего брата, племянника и т.п. Посылаемому не полагалось быть старым, не старше 35–40 лет, а чаще он бывал значительно моложе, иногда даже 16–18 лет, если это был, например, сын хокима.

Если это был "благодарственный тортук", то посылалась одна лошадь, один тюк ("бугча") с одеждой – "сарупо" и затем коллекция сладостей: 9 коробок халвы, 9 головок сахару-рафинаду, 9 штук больших, изысканно приготовленных лепешек и пр.

Вместе с тортуком и официально сопровождавшим его лицом, хоким посылал опытного, знающего доверенного человека, который и заботился о благополучной доставке всей посылки. Будучи снабжен в достаточном количестве деньгами, он докупал то, чего не хватало в том провинциальном и часто глухом месте, где проживал хоким. Характерно, что это считалось вполне естественным и в порядке вещей; приехавшие обращались с письменным заявлением к казначею – "хазиначи", перечисляя, чего им нехватало, и тот тотчас же отдавал соответствующие распоряжения "девонбегии рикоб" и "мирохурбоши". Иногда, например, для лошади не могли найти соответствующего седла

---

1. О тортуках см. также ниже, стр.132.

2. Термином "туксан" – девяносто называется известный девяностодневный период зимних холодов, наступающий приблизительно в середине ноября. Тортук посылался при его наступлении, после того уже как урожай собран.

с чепраком, с попоной, с уздой, отделанной золотом и камнями и с прочей сбруей. В таком случае это указывалось в заявлении, и недостающее выдавал мирохур, а деньги за это уплачивались казначею. Если это был благодарственный тортук, то даже сама лошадь бралась часто из конюшни эмира с уплатой за нее деньгами. Этот обычай перевода даров на деньги, выплачиваемые дарителем в казну повелителя Бухары, нисколько не считался предосудительным при последних эмирах. Этому в особенности способствовал эмир Абдулахад-хан, очень любивший деньги и старавшийся при удобном случае переводить тортуки на выплату их стоимости в монете. Но следует оговориться, что лошади, входившие в состав осеннего тортука, обязательно дарились натурой – они были нужны для пополнения эмировых конюшен.

Решив принять очередной тортук, эмир принимал подносимую дарбоном челобитную от хокима. В руках у дарбона, как обычно в таком случае, имелся небольшой нож, и он, поднося челобитную в запечатанном виде эмиру, ловким движением разрезал печать и подавал написанное. Эмир прочитывал список присылаемого и делал знак, чтобы ввели посланных. Он сам сидел в пешка, перед приемным окном. Прибывшие входили с обычными поклонами, в почтительно согбенном виде, имея впереди себя официально сопровождающее тортук лицо, и останавливались на указанной линии, между двумя удайчи (вернее, всегда немного не доходя до нее). Удайчи в таких случаях обычно громко докладывал по-узбекски эмиру (как и при поднесении саурина): "Раб вашего раба такого-то (следует имя бека или другого подносителя), удостоившись чести быть осчастливленным вашим величеством, хочет помолиться за ваше величество" ("Фалон кулингизнин кули ба шарафи давлати хазратим мушарраф булуб, хазратимни дуо киламан дейдур").

Представлявшийся садился при этом на пол в обычной вежливой позе с поджатыми под себя ногами, садясь на собственные пятки, и при вышеприведенных словах удайчи поднимал молитвенно сложенные руки и читал "фотиха" – короткую молитву о даровании аллахом благополучия эмиру. Если гость прибыл издалека, привез приятное подношение, и эмир желал обласкать его, он клал свою правую руку на подоконник и тотчас же удайчи говорил представлявшемуся: "Пойди и приложись (соверши поклонение) к руке его величества" ("Бор хазратининг кулларини зиёрат кил"). Представлявшийся в почтительно согнутом виде подбегал к окну, благоговейно целовал руку эмира и слегка –

тер о нее свои глаза. Целовать считалось приличным в пальцы, а не выше их[I]. Если рука не была положена, то тот же удайчи немедленно говорил представлявшемуся - "кайт" (уходи обратно), и тот, пятясь, удалялся обычным для представляющихся эмиру манером, не смея при уходе повернуться к нему спиной[2].

I. Очень интересно сообщение А.А. Семенова, переданное В.В.Бартольдом ("История культурной жизни Туркестана". Л., I927, стр.24I-242). А.А. Семенов видел в I907 г. в Зияуддине "прием эмиром некоторых беков, которые ползком приближались к эмиру, сидевшему на высокой тахте; эмир клал беку на голову руку, которую тот целовал, прикладывая ее к своему лбу и водя ею по лицу". На вопрос А.А. Семенова о значении этого обычая, эмир ответил: "Мы подобны ишану, а они подобны нашим мюридам".

Во время работ экспедиции в Бухаре в I94I г. несколько стариков-бухарцев, служивших при дворе Абдулахад-хана, опрошенные членами экспедиции по поводу вышеизложенного, самым категорическим образом отрицали возможность возложения эмиром руки на головы представлявшихся, и говорили только о том, что было изложено выше, т.е., что эмир обычно в случае благоволения протягивал и клал руку на край подоконника. В данном случае ("сидя на высокой тахте...") он мог, видимо, положить руку на край тахты, на которой сидел, а целующий руку (не выше пальцев) не тер взятой им рукой эмира свой лоб и глаза, а сам тер глазами по руке эмира.

Что касается объяснения, данного эмиром, то, по мнению бухарцев, это было довольно правдоподобно в том смысле, что эмир, как мы видели раньше, считался "имамом правоверных" - "имом ул-муслимин" своего царства. Но чтобы он одновременно мог выдвигать претензии и на ишанство, это бухарцам было непонятно.

2. Любопытно, что с этим укрепившемся на востоке взглядом о неприличии поворачиваться спиной, отходя от особы монарха, приходилось считаться иногда и русским официальным лицам при посещении бухарских эмиров. См., например, у Крестовского ("В гостях у эмира бухарского", СПб., I887, стр.I38) при описании окончания аудиенции русского посольства у эмира Музаффара:

"Одновременно с ним (эмиром) поднялись и мы все разом и отдали ему поклон, после чего поочередно подошли к нему для пожатия руки, а затем последовал вторичный поклон и отступление, вернее сказать, пячение затылком к дверям, где у самого порога снова поклон, третий и последний".

Крестовский описывает дальше, "с каким неподражаемым искусством и ловкостью все эти удайчи, шигаулы и прочие соскользнули, не оборачиваясь, с довольно высоких ступеней террасы и как проворно, мелкими и быстрыми шажками, пятились они перед нами через весь двор, сохраняя свои почтительно согбенные позы со сложенными на животе руками и время от времени сопровождая это отступление глубокими поклонами в сторону приемной залы, хотя ни на террасе, ни в дверях эмир вовсе не показывался".

Характерно, что англичанам в Индии тоже пришлось встретиться и считаться с этим явлением, и не только в смысле решения вопроса, подчиняться или не подчиняться этим требованиям восточного этикета, но, странное дело, и в обратном смысле, ибо они сами стали требовать соблюдения этого церемониала от индусов, как выражения почтения в отношении английских высокопоставленных лиц.
(продолжение на следующей стр.)

После этого эмир принимался за осмотр привезенного. Сначала люди удайчи вносили в саломхону присланные одежды. Осмотрев их, эмир приказывал отдать их бухчабардору, который и получал их в свое ведение, приобщая к огромным запасам, имеющимся в кладовых. Съестные припасы забирал по распоряжению эмира шарбатдор. Деньги, поднесенные присланными представителями хокима, получал казначей.

Заканчивалось все это осмотром лошадей. У эмира имелись на конюшне четыре старших конюшенных чина, называемые "аголик". У каждого из них находились в подчинении от 50 до I00 конюхов. Эти аголики сначала проводили приведенных лошадей под уздцы в их нарядном виде с надетыми попонами и украшениями. Потом, уведя их, сбрасывали с них надетое и проводили их снова, чтобы показать их экстерьер; иногда по приказанию эмира, конюхи садились верхом на указанных им лошадей и проезжали раза по два перед эмиром, чтобы показать аллюры лошадей. Этим и заканчивался прием тортука.

Привезшие тортук останавливались при дворе эмира в назначенном им помещении. Здесь они получали питание из кухни эмира и жили, пока не поступало разрешение на отъезд. Их снова тогда принимал эмир, будь то после завтрака или позднее, и одарял их одеждами; лицо, официально сопровождающее тортук, а иногда и двое-трое из старших чинов его свиты, имевшие уже заслуги, награждались производством в чины.

Вместо тортука иногда принимался привезенный таким же образом "саврин" - меньший по размерам дар, посылаемый обычно три раза в году: в Курбан, Рамазан и на Навруз (Новый год), а также по случаю возвращения эмира из дальнего пути. Саврин посылался эмиру лицами, занимавшими выдающиеся должности, и тогда, когда они сами отмечали торжеством какое-либо радостное для них событие личного порядка. Посылали саврин не только хокимы, но и казии, аъламы, миршабы, муфтии, амлокдоры, назначавшиеся эмиром и пр., а также знат-

---

(продолжение прим.2 со стр.I00):

Как приходилось слышать, во время торжественных дурбаров вице-короля Индии, где раджи и махараджи подходили по очереди к вице-королю Индии и поднимали свой наполовину вынутый из ножен меч, до которого дотрагивался рукою вице-король в знак принятия предлагаемой ими службы, каждый раджа должен был отходить от трона вице-короля, пятясь, подобно указанному выше бухарскому этикету. В бытность вице-короля Индии лорда Керзона, старавшегося подчеркнуть английскую силу и власть, европейски образованный гейквар Бародский, после церемонии с поднесением меча, повернулся и отошел, показав вице-королю спину. Это, говорят, было сочтено дерзостью, и магарадже пришлось перенести немало неприятностей.

ные и богатые купцы. Даже евреи и те, если празднование ими субботы совпадало со днем праздника мусульман (т.е. с Курбаном, Рамазаном или Наврузом), посылали в этот день эмиру саврин из традиционной золотой птицы (сделанной из золота), сопровождая этот дар прибавлением различных сластей. Относившая саврин депутация награждалась жалованными халатами.

Как скромны иногда бывали посылавшиеся дары, видно из содержания приводимой ниже своеобразной челобитной, приложенной к саврину, поднесенному эмиру (по-видимому, Абдулахад-хану) миршабом города Бухары, Усмон-ходжой, как можно предположить, по случаю проезда эмира по улице мимо его дома[I]:

بنده نوازا

عرض بنده گی کمترین بنده گان دعاگوی رضاجوی عثمان خواجه میرشب غلامشان بجناب
عالیحضرت سید و مولایم بامید قبول وکرم اینکه تصدق سرعزیز مبارک جناب حضرتم و صاحبم
هزاران هزار مرتبه شوم صاحبا بنده نوازا بهزار عجز و خجالت چون مورو وار هدیهٔ غلامی
ودعاگوئی یک لعلی نان ویک لعلی کلچه وهفت عدد قند وهفت کاغذ چای وهفت قطی نبات
وپنج لعلی فواکه بر کاب نصرت انتساب حضرتم وسیدم و مولایم حاضر آورده عرض بنده گی
وغلامی نمودم الهی سایهٔ سرحضرتم بمفارق العالمین تابان شده ابدالدهر در سریر سلطنت
وجهانبانی بدولت سلامت باشند التقصیر التقصیر التقصیر التقصیر التقصیر التقصیر التقصیر.

Перевод:

О, ласкающий рабов!

Рабская челобитная от наименьшего из рабов, богомольца (за Вас), стремящегося доставить (Вам) довольство, раба Вашего Усмон-ходжи, миршаба Вашему величеству, моему сайиду, моему господину в надежде на согласие и милость в том, чтобы я тысячу раз пожертвовал бы собою за дорогую благословенную голову Вашего величества, моего господина.

I. Из коллекции документов, собранных экспедицией САГУ в Бухару в 1940 г., хранящихся при Истфаке САГУ, документ № 18.

О, господин, о ласкающий рабов! с тысячью бессилий и смущений подобно муравью[I] я подношу в знак рабства и моления (за Вас): I блюдо с хлебом, I блюдо с лепешками ("кулча"), семь голов сахару, семь пачек чаю, семь ящичков леденцов, пять блюд с фруктами - каковые представил в победоносный двор вашего величества, моего сайида и господина, о чем рабски и докладываю.

О, боже, да сияет тень от головы моего государя на темени населения миров (людей)[2] и да пребывает он вечно в здравии и счастьи на троне султаната и управления миром"

(Заканчивается семикратным повторением слова "таксир" в смысле: "я грешен, виноват, простите").

Охота с соколами. При дворе эмира всегда имелись I0-I2 соколов и других охотничьих птиц. Вообще соколиная охота была очень популярна. Каждый хоким, подражая эмиру, старался завести себе хотя бы одного сокола. Именитые джуйбарские ходжи тоже держали соколов для своего развлечения. У одного известного узбека, мира, жившего при Абдулахад-хане и имевшего очень звучное прозвище Хайдаркул Чушка (Хайдаркул Свинья), было их даже три[3].

I. Намек на известную в мусульманском мире легенду о хромом муравье, который будучи поражен премудростью Соломона, знавшего языки зверей, птиц, насекомых и пр., решил отправиться к нему на поклон. Но идти с пустыми руками на Востоке неудобно, что же мог преподнести премудрому Соломону бедный хромой муравей? И вот он отправился в путь, неся то, что у него имелось - ляжку саранчи.

Намек на эту легенду часто присоединялся к запискам и надписям, сопровождавшим подношения и подарки.

2. Здесь содержится намек на легендарную птицу Гума - феникса, тень которого, падая при его полете на голову какого-нибудь человека, ведет к превращению его в царя.

3. Прозвище "Чушка" было дано этому горячему, но неумному потомку знатных предков самим Абдулахад-ханом за ослушание и туповатость. Вот образец его тупости: однажды ему сообщили, что в арк проводят проволоку. Немедленно он вскочил на лошадь и поскакал в арк. Там он увидел какого-то русского, проводившего телефон. Он тотчас же запретил ему это делать, сказав, что раз хозяина (т.е. эмира) дома нет (эмир был в отъезде), то и касаться дома не следует. Затем он бросился в арк к кушбеги и начал его укорять за подобное распоряжение, проводимое во время отсутствия эмира. Заколебавшись тот тоже решился подождать приезда "хозяина", не желая, очевидно, ссориться со способным дойти до крайностей "Свиньей". Так телефон и не был тогда проведен, и его проводка состоялась лишь при последующем эмире Алим-хане.

О Хайдаркуле см. также С. А й н и . Воспоминания, стр.325 и сл., глава "Уродливый человек" (прим. А.П.).

Охота с соколами практиковалась ранней весною в течение двух месяцев, так как позднее у птиц от линьки сильно выпадали перья и они неохотно взлетали на воздух при угании и могли лететь только на короткое расстояние. С другой стороны, это время совпадало и с кладкой яиц, что тоже по распоряжению эмира принималось во внимание. Существовала еще осенняя охота, но она была как-то менее популярна.

Соколы находились под надзором особых сокольничих - "кушбон". На каждых двух соколов полагался один сокольничий, который и ухаживал за своими питомцами. Содержание большой соколиной охоты было поэтому довольно дорогим делом, в особенности, если учесть стоимость того мяса, которое должно было скармливаться этим птицам.

Приехав на охоту, эмир принимал к себе на руку, одетую в особую толстую перчатку, своего любимого сокола, с которым он привык охотиться. Других соколов несли сокольничие. На охоту эмир брал с собой также несколько человек из свиты. Обычно это были мирохурбоши, казначей и бухчабардор. По указанию эмира к свите присоединялись еще выбранные им туксабо и каровулбеги. При поездке до места охоты и обратно (эмир обычно предпочитал это делать в коляске) эмира сопровождал конвой из 20 человек казаков шефского полка. Десять человек ехали впереди, десять - сзади.

Приехав на место, последний эмир (Алим-хан) не садился верхом, а вылезши из экипажа, проходил небольшое расстояние пешком и охотился с берега озера, бросая своего сокола на взлетевшую птицу. Приглашенные из свиты тоже следовали пешком. Им тоже давалось на руку по соколу, которого они могли бросать на летящую дичь. Обычно это бывала охота на чирков или уток. Но осенью эмир иногда охотился с соколами и на фазанов.

Абдулахад-хан предпочитал охотиться верхом, хотя до места охоты часто доезжал в коляске, а потом пересаживался на ожидавшую его лошадь. Он так увлекался, что, сидя на испытанной лошади, привычной к воде, не останавливался и перед тем, чтобы броситься вместе с лошадью в воду, преследуя дичь.

Места эмирской охоты, находившиеся чаще всего неподалеку от загородных дворцов, были заповеданы, и помимо эмира там охотиться никто не мог. Заповедники охранялись поставленным для этого надзором.

За одну охоту, продолжавшуюся не больше I,5-2 часов, а часто и меньше, удавалось убить около 20-50 штук дичи. Часть добычи

эмир уделял своим спутникам, принимавшим участие в охоте, но большая часть посылалась на кухню и вечером подавалась к столу.

Охота на фазанов, прячущихся в зарослях камыша и в высокой траве, устраивалась осенью и зимой. Пользуясь тем, что к этому времени камыш засыхает, предварительно выжигали камыши и траву и потом, когда пожар прекращался, пускали собак искать фазанов по соседним полям с мелкой травой, куда они укрывались от пожара. Собаки поднимали птиц, а охотники спускали на них соколов.

С ружьями на птицу эмиры не охотились, как не охотились и на крупную дичь (ослабели изнежившиеся потомки прежних охотников). Возможность охоты на озере Мохон, где водилась (и водится, по-видимому) и крупная дичь, их не прельщала. Там охотились только охотники из простого народа.

Конная игра с козлом - "кукпари" ("кукбури"). Вплоть до последнего эмира Алим-хана, не проявившего никаких спортивных склонностей, эмиры в старое время очень любили и ценили лошадей.

Абдулахад-хан и его подданные с восторгом предавались созерцанию или участию в знаменитой конной игре "кукпари". Эта игра устраивалась весною и осенью. Особенно славились четверо чемпионов: Ёрикул, человек огромного роста, родом из Каракуля, Мурод-Палвон (богатырь Мурад) из Пайкенда, затем Кали Шароф (Плешивый Шароф) из Вабкента и ясаул Кодыркул-бек, узбек, родившийся в Бухаре. В особенности отличался Ёрикул, проявлявший полное бесстрашие в моменты, когда нужно было вытаскивать козла в сгрудившейся толпе всадников, свесившихся с седел вниз головами над брошенным на землю зарезанным козлом. Невзирая на сыпавшиеся удары нагаек, на соседних ездоков, намеренно наносящих по голове удары стременами, с рассеченной во многих местах и окрававленной головой, он, благодаря своей силе, обычно вытаскивал козла и скакал дальше с ним. Но тут его встречали поджидавшие "четыр", с предложением передать кому-нибудь из них козла, чтобы довести его до ставки эмира. Ёрикул, по соглашению, часто выполнял их просьбу и отдавал козла. Но увозившему приходилось всячески увертываться от встречавшихся "куштакым" - всадников, старавшихся силой выхватить у него козла, не только прижатого ногой к седлу, но даже привязанного для верности чумбуром[1] к луке. Какой-нибудь молодец, сидящий на более

1. "Чумбур" в русском чембур (с тюркского) или повалец - короткая тонкая шерстяная веревка, иногда даже длинный ремень, привязанный к кольцу удил, с левой стороны лошади и заматывавшийся при езде другим концом на луке, без натягивания при этом. Чумбур служит для привязывания коня (к колу, например) при остановке, а в случае нужды может быть употреблен как ремень или короткая веревка.

верткой и быстрой лошади и превосходящий противника силой, схватив козла, вытаскивал его из-под ноги увозившего, а пущенная во весь скок более быстрая лошадь натягивала чумбур и грозила свалить отстающих коня и всадника. Последнему тогда ничего другого не оставалось, как быстро выхватить нож и освободить себя и коня от опасности, перерезав шерстяной чумбур.

Всадник, доставлявший козла до ставки эмира, взирающего откуда-нибудь сверху, пробивался вскачь, ударяя нагайкой направо и налево, через густую толпу, бросал козла на землю и оказывал эмиру "таазим" (почтительное приветствие), спрыгнув с коня и троекратно отвешивая низкий поклон. Дежурный мирзо записывал его имя, и по окончании игры он получал почетный халат.

Шахматы. В шахматы любили играть, вероятно, чуть ли не все эмиры. Они считались царской игрой, игрой, достойной царей. В нее играли и Музаффар, и Абдулахад-хан и последний эмир - Алим. Про Абдулахад-хана рассказывают, что он играл довольно хорошо и, что более удивительно, не был особенно удручен, когда порой проигрывал джуйбарскому ходже Ахмаду, известному шахматисту, который был настолько независ[illegible], что решался выигрывать у эмира. Другие же, по-видимому, иногда намеренно, подозрительно часто объявляли себя "мот", т.е. проигравшими.

Партнерами у Абдулахад-хана, помимо упомянутого Ахмад-ходжи, были мирохурбоши Мад-Юнус-бий, Азимбой-туксабо и Мулло Назри-урок. Играли они довольно часто.

Декчапази - состязание в приготовлении плова -"палав". Это довольно распространенное развлечение при дворе среднеазиатских монархов[I] занимало немалое место при последних эмирах. Оно подчеркивает роль плова и то значение, которое он имеет в среднеазиатском быту, а также то, что хороший плов может и должен изготовляться мужчиной. Уменье приготовить хороший плов являлось предметом некоторой гордости и свойством хорошего тона.

В самом смысле этой забавы, по тому, как она устраивалась последними эмирами Бухары, была разница, выраженная как составом участников, так и характером состязания, придававшимся ему тем или

I. Состязание в искусстве приготовления плова входило также в репертуар развлечений и при кабульском дворе, служа забавой и афганским эмирам. Известно, например, что его любил иногда устраивать Хабибулла-хан (I90I-I9I9 гг.).

другим из эмиров. В то время, как экономный Абдулахад-хан приглашал на состязание всего 8-I0 человек, выбирая их из лиц своей свиты, часто очень почтенных по возрасту и приятных по характеру людей, его прямой потомок и преемник устраивал декчапази примерно с двойным количеством приглашенных ("исроф" - расточительность! - восклицали с некоторым сокрушением и осуждением вспоминавшие об этом бухарцы, делая понятными лишний раз сравнительно скромные размеры бухарской экономики). Характерен был и состав приглашенных. Алим-хан отдавал соответствующее распоряжение командиру - "саркарда" сводного полка, довольно известному под неуважительной кличкой Ибротимча[I] - "Ибрагимчик", названному так за свой малый рост. И Ибротимча отбирал из своего состава I5-20 человек в возрасте от I8 до 22 лет и посылал их на "состязание".

Как повсюду, декчапази устраивалось с предоставлением одинаковых условий всем участникам для выявления своего таланта: одинаковое количество дров, съестных припасов, одинаковый очаг и пр. Каждый сам резал мясо, вытапливал сало, промывал рис и т.д. Лишь одному эмиру, тоже принимавшему участие в этих состязаниях, делалось исключение. Ему разводил огонь и приготовлял продукты его личный слуга - "махрам". Шум, смех, шутки не прекращались. Каждый старался воспользоваться моментом, когда его сосед занят, чтобы "насолить" ему в буквальном смысле слова, подбросив большое количество соли или перцу и испортив таким образом блюдо. Эмир принимал в этом самое живое участие.

Когда палав поспевал, то все подносили, каждый на блюде, свой плов эмиру на пробу. Он брал несколько зерен, делал вид, что пробует и говорил какое-нибудь шутливое замечание. Алим-хан у тех из молодых людей, которые ему нравились, спрашивал их имена и в каком эскадроне или взводе они служат. Это учитывалось на будущее.

I. Характерна для нравов опустившихся бухарских мангитов карьера этого начальника самого блестящего гвардейского кавалерийского полка эмира. Он был учеником у плотника, когда эмир увидел его за работой в одном из своих дворцов. Прельстившись приятной физиономией мальчика, эмир взял его к себе. Последовали награды, повышения, и из первоначальной должности "суфи-обкаш", т.е. человек, поливающий воду при омовениях эмира, в какой он начал свою службу, он был постепенно сделан "шарбатдором" (заведывающим питьем), затем мирохуром, а потом, прослужив или почислившись в "кавказах", т.е. в переодетых терскими казаками сарбозах, был сделан начальником упомянутого сводного полка.

Игра в декчапази была до того популярна, что у дастархончи (стольника) всегда имелся в готовности запас развешенных съестных припасов на случай, если эмиру неожиданно вздумается организовать развлечение.

Второй завтрак -"пешини"и намаз пешин. Второй завтрак "пешини" происходил около II ч. утра. Эмир принимал его в том месте, где ему захочется. Иногда это бывало в саломхоне, где тоже имелась спальня и где он часто ночевал. В загородных дворцах, если в них помещение гарема не занято женщинами, то эту роль выполнял и гарем. Сюда эмир приходил отдыхать и даже приводил своих обычных собеседников джамоа. Здесь они беседовали, играли в шахматы и пр.

Завтрак пешини состоял из 2-4 блюд по желанию эмира. Чаще всего он начинался с палау, вообще подававшегося три раза в день. Одновременно с ним иногда предлагался "кабоби танури"- жареная баранина, разрезанная на куски, вывалянные в муке и налепленные на стенки горячей хлебной печи - "танур".

Иногда эмиру приходила в голову мысль спросить: есть ли на кухне готовые калла-поча. Так как обыкновенно имелись и они, то их тотчас же подавали. Иногда на пешини подавали, по заказу эмира, "боимджон-кабоб" - мясо, жареное с баклажанами.

Завтрак пешини для свиты бывал несколько позднее, около II ч. 30 мин., т.е. перед самым намазом пешин, исполняемым около I2 ч. I5 мин.

На эту еду в определенное место не собирались, а согласно порядку, установленному девонбеги, каждое из административных делений ("кафисхона","мирзохона","удайчихона","дарбон" (2 человека), "фаррошхона", "амальдоро") отряжало по человеку, который и получал на всех остальных из кухни пищу, согласно ежедневной ведомости, составленной специальным "мирзои девонбеги," где показывалось, сколько, чего и кому нужно отпускать в этот день из кухни.

Эту пищу каждый, следовательно, ел в своем профессиональном сборном уголке.

По окончании еды те, которые были свободны, при желании шли в мечеть совершать намаз, другие, у которых имелось какое-нибудь дело, отправлялись для его выполнения.

Второй намаз пешин, как и утренний намаз, а также все другие намазы, помимо пятничного и намаза двух больших праздников (Курбан и Рамазан), когда эмир отправлялся в мечеть, эмир совершал у себя дома, в присутствии своего имама, как это было сказано выше.

Время после пешина. После пешина эмир иногда выходил прогуляться, посмотреть, как производятся постройки, как работают мастера, занятые возведением указанных им сооружений. К нему тотчас же подбегал, почтительно согнувшись, "наджорбоши" - мастер-строитель, у которого эмир осведомлялся о ходе дела. Обходя, эмир делал указания, как нужно оформить ту или другую деталь, какие должно предпринять меры, изменения и пр.

Алим-хан часто в это время отправлялся в устроенный им зверинец (если он проживал в Ситораву махи хоса), развлекаясь осмотром находившихся там зверей. Там имелись газели, павлины (I0-I2 штук), по пруду плавали лебеди, утки, на берегу бегали фазаны. Были даже индюки и индюшки, которых не видавшие раньше такой птицы бухарцы прозвали "мурги букаламун" - "птица-хамелеон", - так их поражало изменение цвета головы индюка в моменты, когда он приходил в возбуждение. Из другой невиданной дичи там имелся даже один страус - "шутурмург" -"птица-верблюд". В особом отделении находилось несколько баранов - "тагал", привязанных цепями, чтобы они не дрались друг с другом; осенью, когда они находились в периоде наибольшего возбуждения, их спускали и устраивали бой - одно из любимых развлечений бухарцев. Животные с такой яростью бросались друг на друга, что, пускаемые с некоторого расстояния, при столкновении ломали часто рога, а бывало разбивали и череп один другому. Это зрелище было большим развлечением как в Бухаре, так и в других местностях Средней Азии в старое время. Держались большие пари, разгорались страсти. У любителей существовал даже специальный способ выращивания особенно "твердолобых" баранов: ягнят ежедневно приучали бодаться, отталкивая их в лоб "тешой" (кельтообразным топориком) от пищи. Считали, что баран, вырастающий при такой ежедневной тренировке, должен иметь необычайно крепкий лоб, способствующий будущему торжеству и выигрышам его хозяина.

Устраивались также петушиные бои. Для этой цели воспитывали особых огромных боевых петухов из породы "куланги" (журавлиные). Были и средние, но тоже неплохие для боя петухи, называвшиеся "дурага", т.е. "двужильные", происходившие от смешивания куланги с обыкновенной породой. У эмиров тоже имелись боевые петухи, с которыми устраивались бои.

Помимо этого, как и повсюду на Среднем Востоке, в Бухаре устраивались бои перепелок. В период поспевания хлебов они буквально

наводняли поля. Охота на них, а также перепелиные бои, как и держание перепелов в клетках из-за их характерного отрывистого крика-пения, были очень распространены, в особенности среди простого народа. И это касалось не только Средней Азии, но шло через Афганистан и на север Индии. Вот, например, описание, данное Борнсом ("Путешествие в Бухару", пер. Голубкова, М., 1848, стр.152-153):

"Мы прибыли в Пешавер в самую пору охоты на перепелов, когда всякий, кто только мог отложить на некоторое время свои дела, был занят или ловлею их сетью и соколами, или боями этих отважных птичек. Каждый вторник собиралось общество охотников на дворе правителя, поощрявшего эту забаву. Он нередко в таких случаях присылал за нами... Ничто не может превзойти пристрастия афганов к забавам такого рода: почти всякий мальчик, которого вы встретите на улице, несет в руках перепела, и почти во всех частях города собираются толпы, чтобы посмотреть перепелиную драку".

Совершенно такое же впечатление производила на постороннего наблюдателя бытовая картина в конце XIX столетия, вероятно, и в любом из городов Средней Азии. Такие же перепела - и в руках мальчишек, и у них и у взрослых за пазухой,и в клетках, состоящих из круглого деревянного дна с легким деревянным или матерчатым ободком и сетчатым конусообразным верхом, сплетенным из ниток; клетки подвешены в караван-сараях, в чайханах, в частных домах; повсюду слышны крики токующих перепелов. И как дорого ценились боевые перепела, прославившиеся своими победами!

Вспоминается рассказ об одном бедном человеке в Бухаре, который, умирая, наказывал своей жене, чтобы она никоим образом не отдавала зря его двух лучших перепелов, которые стоили огромных денег: в них заключалось все его состояние.

Следует сказать об эмирах, что в то время, как у них имелись голубятни с породистыми голубями, перепелки, видимо, считались слишком простым и народным развлечением и таковых у них не было.

Для характеристики еще недавно очень распространенной в народе склонности к перепелкам мне хочется передать слышанный мною рассказ об одном любителе перепелок в Бухаре, жившем в самом начале текущего столетия[1]. По профессии он был ткач шелковых материй,

---

1. Записано со слов М.С. Юсупова, любезно поделившегося со мной воспоминаниями о жизни описываемого бухарца, в доме которого ему приходилось бывать неоднократно в юношеские годы.

и очень искусный. Но вместе с тем он был отчаянный "кукнори" - наркоман, любитель известного наркотика, извлекаемого из маковых головок. Это в нем сочеталось со стремлением к чему-то поэтическому, с отвлечением от практической жизни. В данном случае это выражалось в его великой любви к перепелам, к их пению.

В его небольшом домике, в комнате верхнего этажа -"болохона," в полутьме, на протянутых там поперечных жердях висело под покровами около полутораста клеток с перепелами. Приходя домой под вечер с работы, он первым делом залезал на болохону и оттуда перетаскивал свои клетки вниз. Чистенький дворик, небольшой, но очень заботливо выращенный цветничок, возвышенная площадка для приятного пребывания в вечерней и ночной прохладе после утомительной жары летнего дня. Он развешивал клетки с перепелами повсюду - на всех стенах своего дворика, где для этого были вбиты гвозди, на специальных шестах и пр. Жена расстилала на площадке - суфа коврик, на нем одеяло, и он сидел на этом приятном сиденье, приготовляя свой наркотик, имея перед собою цветник и внимая, в опускающихся сумерках и при наступающей живительной прохладе, сотне голосов птиц, оживившихся после жаркого дня, проведенного в болохоне под покровами.Это была его заботливо подготовленная опера, которой он внимал при загоравшихся ярких звездах бухарской летней ночи.

... После прогулки или какого-нибудь приятного развлечения эмир отправлялся соснуть на 1,5-2 часа к себе в опочивальню. Если он жил в загородном саду и в гареме женщин не было, то эмир иногда располагался ко сну в нем в своей комнате; если же в гареме была "урда", т.е. жены, то тогда эмир там не спал. Вообще следует отметить, что эмир приходил в гарем только на некоторое время и никогда там не оставался на всю ночь. И это не относится к тому или иному эмиру. Это было правилом для всех эмиров, и его они не могли нарушать. Очевидно, здесь в основе лежал старый мудрый обычай, вынесенный из печального опыта смерти при таких обстоятельствах,вероятно, многих из властителей. Старое правило Лукмана Хакима - "не верь женщине, даже испытанной" - вероятно, помнилось и учитывалось.

Как и ночью, во время сна эмира в своей опочивальне, в соседней комнате дежурили два махрама, может быть соответствующие русским спальникам (по чинам они были каровулбеги или мирохуры).

Если эмир сам не просыпался, то в назначенное им для пробуждения время его принимались будить массажем, как и на рассвете; надо было быть готовым к намазу аср, наступающему за час до появления первой звезды.

После намаза аср. Эмир совершал этот намаз таким же образом, как и утренний, сделав после сна ритуальное "тахорат" (омовение) и проведя намаз вместе со своим имамом.

После этого эмир садился в пешка, к окну в саломхоне, на свое обычное место. Окно оставалось открытым с момента еще утренней церемонии. В это время двор начинал собираться на второе "нахори" - обед.

Входящие молчаливо почтительно кланялись эмиру, если видели, что он смотрит на них, и проходили на свои обычные места. Пища подавалась одновременно и эмиру и придворным. Разница по-прежнему заключалась в количестве и качестве. Но подавалось все же меньше, чем утром. Обычно, помимо хлеба, давали плов и тот или другой сорт жаркого, иногда даже жареную рыбу "маи-кабоб". Рыбу рыбаки вылавливали в мутных водах Аму-Дарьи, а присылал ее в дар эмиру чарджуйский хоким. Иногда подавались и сладкие блюда: "халвои тар" - жидкая халва, приготовлявшаяся двух сортов, и "халвои куфти Карши" - каршинская халва с измельченными зернами миндаля, фисташек, приготовлявшаяся из знаменитого тараниджабина (библейская манна, росообразная смолка, выступающая капельками на стеблях верблюжьей колючки, растущей в пустыне). Через смешивание этого тараниджабина с сахаром с введением некоторых других пищевых элементов получались необыкновенно вкусные кондитерские изделия, доставившие славу Карши, в окрестностях которого произрастало много этой колючки. В особенности славились "русти Карши" - комочки засохшей сахаристой массы, смешанной с зернами фисташек. Такие кусочки укладывались в небольшие кувшинчики из обожженной глины с запечатанным пробкой из ганча отверстием. Они являлись предметом экспорта и далеко разносили среди любителей славу Карши[1].

По окончании обеда эмир часто садился за дела, давая ответы на поступившие жалобы и заявления. Давались указания хокимам, разбирались доносы, утверждались представления и пр. Но все же это были

1. Можно выразить сожаление, что нашими кондитерами совершенно не используется в их изделиях тараниджабин, из которого получались когда-то знаменитые сладости и который продолжает выделяться на той же верблюжьей колючке на огромном пространстве наших южных пустынь. В 1937 г. пишущий лично видал в с. Нур-Ата (90 км от ст. Кермине), как один узбек привез на продажу на базар огромную корзину тараниджабина и чуть не целый день сидел, ожидая покупателя: торговля пала из-за отсутствия организованной выделки. Подробно о тараниджабине - манне см. B. L a u f e r . Sino-Iranica. Chicago. 1919, стр.342-350

ли большей частью дела, оставшиеся неразобранными утром. В более важных или сложных вопросах для консультации призывался "мирзои дафтардор" (при двух последних эмирах Мирзо Рахматулло). При разборе эмиром дел иногда, помимо него, присутствовал один из вторых мирз - секретарей - "мирзои мушриф" или "мирзои мунши"[1].

Пути поступления к эмиру различных "ариза","арза" - прошений, челобитных, жалоб и пр. - были следующие: во-первых, это было "арзабари" - подача заявлений (прошений). Происходило это обыкновенно около 9 ч. утра, когда эмир посылал скорохода посмотреть, нет ли челобитчиков у ворот и забрать у них их ариза. Характерно, что такие челобитные или прошения от лиц, находившихся в опале, в порядке арзабари не принимались. Такими опальными являлись смещенные с должностей хокимы, бии, туксабо, мирохуры и пр. чины. Они даже не могли сразу быть "истикоматчи", т.е. молчаливыми просителями, кандидатами на какую-нибудь должность. Они становились таковыми после того, как эмир, смилостившись, принимал их прошение и им давалось "муборакномаи истикоматчиги". Тогда они имели право входить на "нахори" - обеды и завтраки, устраиваемые при дворе, но устраивались при этом даже ниже музыкантов, т.е. сидели ниже всех допускаемых. Если они пытались до этого поднести свои челобитные эмиру на "арзабари", то дарбон, которому они передавались скороходом, получив их (он просматривал ариза прежде, чем передать их эмиру), комкал и бросал их на землю. Для таких опальных оставалось лишь одно: попытаться обратить внимание эмира на себя при проезде его по улице, о чем будет сказано ниже.

Следует отметить, что при "арзабари" к эмиру мог обращаться всякий - и богатый, и бедный, и, по-видимому, по разным вопросам.

Другой путь обращения - это использование проезда эмира по улице, чтобы обратить на себя его внимание. Делалось это во время следования эмира по улице, когда он ездил на охоту или возвращался с таковой, или при его следовании по пятницам в мечеть, или при переезде из одного помещения в другое и т.д. Такой челобитчик молча развертывал свою челобитную и держал ее так, чтобы на нее упал взгляд эмира. Для того, чтобы обратить на себя его внимание, он несколько выдвигался из ряда толпы и вставал на колени ("дучука"), чему не препятствовала полиция (люди миршаба), наблюдавшая за по-

1. Любезно сообщено мне М.С. Юсуповым.

рядком. Иногда он старался выбирать для этого пустынное место, где не было народа, так как при следовании сквозь густую толпу эмир проезжал, не смотря на нее. В таком случае ближайший скороход - "шотир" внимательно смотрел на эмира и при малейшем его знаке - при легком указании кончиком нагайки, например, бросался к челобитчику, вырывал у него из рук его писание и, положив его себе за пазуху, возвращался на свое место в шествии. По прибытии скороход передавал собранные жалобы дарбону, а тот эмиру.

После намаза шом. Четвертый намаз - "шом" читался без опоздания. Вслед за этим зажигался искусственный свет и начинались различные развлечения, свойственные вечернему времяпрепровождению.

Смотря по настроению и желанию эмира, назначалось или пение хофизов (певцов), сопровождаемое игрой на тамбуре, домбре, афганском "чильторе" и пр. или (в загородных садах) "чауки" - танцы бачей и музыка барабанов (литавр), сурнай, бубен ("дойра"), о чем будет упомянуто дальше.

Четыре раза в месяц после намаза шом устраивался "сайли дарун" или "сайли хоса", состоявший из продажи на закрытом базаре, на который приглашались придворные, различных вещей по обозначенным на них ценам. Это было нововведением Абдулахад-хана, вероятно, подражавшего русским благотворительным базарам, но применявшего эту идею по-своему.

На сайли хоса допускался не всякий, а только люди, внесенные для этого в список, составленный по указанию эмира. Делался такой "сайль" в Кермине или в загородных дворцах, но никогда не устраивался в арке, вероятно потому, что эмиры никогда не жили в нем сколько-нибудь продолжительное время.

В разных комнатах были разложены различные материи, халаты, тюбетейки, европейские тонкие одеяла, обувь и пр., причем на каждой вещи был наклеен ярлычок, обозначавший ее стоимость. Желающие могли покупать и покупали в довольно большом количестве. Делали это потому, что, во-первых, вещи продавались довольно дешево - дешевле, чем на базаре, а во-вторых, покупавшим доставляло удовольствие, что эти вещи были "из дворца эмира". Эмиру же это развлечение давало возможность разгрузиться от разных "подарков", которые ему слали хокимы вилаетов и т.д.

Иногда, когда распродажа шла особенно успешно и товаров не хватало, спешно посылался гонец к главному бухарскому торговцу

одеждой Хусайн-Шиху, у которого ее всегда имелось в запасе большее количество и притом самых ходовых сортов. Когда для двора нужны были одежды, писалась официальная записка от имени "девонбеги и рикоб" (заведывающего походным хозяйством двора) к придворному поставщику Хусайн-Шиху, который тотчас же доставлял все, что требовалось.

Сам Хусайн-Ших, однако, не являлся фабрикантом или крупным портным. Он просто был агентом, посредником, своего рода маклером. У него была на базаре в Кермине лавка или склад, из которой он отпускал одежды не только эмиру, но и всем желающим. К нему, между прочим обращалась за покупками знать и административные лица, к нему адресовались, например, присылающие свои тортуки хокимы в случае недостатка в подарочных вещах, в особенности в халатах (по существу, являвшихся, вероятно, остатком былого товарообмена, заменявшего некогда деньги), к нему посылали своих людей кази, миршабы и пр. Он же служил связью для крупных покупателей, заказчиков с производителями - или непосредственно, или через мелких торговцев. Основываясь на своем положении придворного поставщика, он обращался всякий раз с официальным требованием к базарному аксакалу, заявляя о нужном ему количестве одежды для надобностей двора и требуя доставки таковой. Так как при этом не могло быть и речи о выгодных для торговцев ценах (ибо аксакал приобретал эту одежду либо по ее себестоимости, либо с самой незначительной наценкой), то, понятно, что торговцам не было расчета спешить с продажей на таких маловыгодных условиях. Аксакал, впрочем старался разложить эту одежную повинность по возможности равномерно на все лавки (в одной Бухаре имелось 200 лавок, торгующих одеждой).

Любопытна также дальнейшая судьба этой наградной одежды. Не все, одариваемые халатами и пр., желали их сохранять и носить. Многие, в особенности сарбозы, получавшие по комплекту два раза в год, продавали наградное одеяние, если оказывалось, что они не нуждаются в нем или недовольны его размерами и считают его несоответствующим их вкусам. Эта продажа являлась самым естественным делом, и лавочники охотно покупали, давая цену немного ниже той, по которой они сами отпускали товар. Продавали часто свое платье и люди, у которых возникала нужда в деньгах. Если одежды сохранили свежесть и могли сойти за новые, они приобретались торговцами одеждой. Поношенное платье поступало в лавки продавцов подержанного платья, имевших отдельные ряды.

Говоря о базарной стоимости новой одежды для самих торговцев, следует указать, что довольно ощутимую разницу представлял для них в смысле себестоимости способ получения одежды. Приблизительно около 25% торговцев были люди более или менее зажиточные, не нуждавшиеся в деньгах или кредите. Они избегали покупать готовое платье, продающееся на базаре мелкими производителями (владельцами мастерских), а заказывали эти одежды сами. Имея на руках капитал, они покупали в Карши или в каком-либо другом выгодном для них центре необходимые ткани, приобретая их непосредственно от ремесленников-кустарей на самых выгодных для себя условиях. Из этих тканей они заказывали портным халаты и пр., уплачивая выгодную для себя цену как портным, так и бордюрщицам - "зедуз", оплетающим или обшивающим халаты любимой в Бухаре тесьмой-бордюром - "зе". При таком способе изготовления халаты обходились им гораздо дешевле, чем готовые, продающиеся на базаре. Портные, шившие им, работали обычно каждый только на своего заказчика, превращавшегося, таким образом, за долгие годы деловых отношений, в их хозяина.

Возвращаясь к "сайли хоса", следует отметить, что имеется достаточно оснований думать, что этот базар был прямо одним из лишних способов выколачивания денег из служилого сословия, получавшего жалование, а также от баев, польщенных приглашением на такой сайль.

Характерно также то, что ни за купленные вещи, ни за съеденное в буфете не производилось уплаты наличными деньгами, а соответствующий мирзо (писарь) записывал стоимость за данным лицом. На утро эмир просматривал составленный список - "пойгир" и любопытствовал, кто, что и на сколько купил, и передавал затем список для отправки на получение. Посланный ходил по домам и получал с каждого причитающееся.

Для увеселения посетителей на сайле играли музыканты, пели певцы. Одной из приманок была также продажа часов, главным образом фабрики Буре. Эмир продавал их по себестоимости, так по крайней мере, разглашалось: часы, продававшиеся на бухарском базаре по 25 рублей, на сайле стоили только 21 рубль. Можно предположить, что при покупке часов большими партиями фирма, очевидно, делала существенную скидку своим постоянным покупателям и, таким образом, даже данная цена не оказывалась для эмира невыгодной. Все это способствовало, однако, как сказано, сбыту и залежавшихся вещей, посылаемых хокимами.

В связи с перечисленными способами, применявшимися эмиром для увеличения своих доходов, можно упомянуть, между прочим, еще об одной, весьма любопытной форме "наград", дававшихся им. Проносив, например, 2-3 дня халат, эмир посылал эту одежду, успевшую впитать в себя запах сильных духов, употреблявшихся им, какому-нибудь высокому сановнику, например, кози-калону, миршабу, раису. Иногда такой жалованный " с плеча" халат отсылался какому-нибудь хокиму. К этому присоединялось еще несколько частей костюма, чтобы придать посылаемому вид "сарупо" - жалованного комплекта одежды, являющегося к тому же "благословением" - "табаррук", как в бухарском употреблении часто называется вещь, связанная с прикосновением к священному предмету - мазару и пр. Осчастливленный сановник должен был приготовить в ответ - дары - "саврин", посылавшиеся при "арзаи шукрона" - благодарственной челобитной. Стоимость присылаемого саврина, как говорили бухарцы, превосходила приблизительно раз в десять полученные от эмира дары.

Для примера можно привести следующий случай с Абдулахад-ханом. В России были выпущены кредитные билеты по 500 рублей, которые очень ценились в богатых кругах на Востоке из-за удобства иметь большие деньги при малом их размере. Однажды эмир в разговоре с одним своим приближенным, к которому он очень благоволил, сказал, что вот идет затеянная им постройка нового большого здания, и он не знает, откуда взять на нее деньги: "Взять ли у кушбеги, или из своего походного казначейства?" Придворный, засмеявшись, сказал: "А почему не взять у кози-калона?" "А как же это удобно сделать?" - спросил эмир". "А прикажите заказать серебряный ящичек, чтобы в него как раз укладывалось бы 400 новых пятисотрублевок, пошлите заказ на ящик в Бухару к кози-калону (разговор шел в Кермине), и он наполнит ящик и пришлет его с пятисотками вашему величеству". - "Да, он уж такой старый, что и не сообразит", - сказал эмир. Придворный держался другого мнения. Тут же состоялось пари на сто рублей. Были точно вымерены размеры пятисотрублевок и высоты слоя в 400 билетов. Эмир послал кози-калону заказ, чтобы он прислал ящик, сделанный из серебра по этим размерам, необходимый ему в связи с поездкой в Россию (он действительно собирался ехать). Вскоре гонец привез запертый и запечатанный ящичек, в котором лежало 200.000 рублей. Как оказалось потом, казий некоторое время ломал себе голову, - чем он должен наполнить ящик? Вначале он хотел наполнить его золотом, но потом это показалось ему не соответствующим. Тогда ему

пришла в голову идея (подсказанная одним из его приближенных), примерить пятисотрублевый билет, который и указал направление мысли эмира. Это было воспринято в кругу эмира как доказательство лишний раз необыкновенной проницательности и догадливости кози-калона.

Эмир Абдулахад отличался скопидомством и способностью, как мы отчасти видели, к изобретению новых доходных статей и источников. В Бухаре существует рассказ, как однажды он послал за одним известным купцом (которым он, между прочим, был недоволен) и предложил ему закупить и привезти в Бухару большую партию товаров, рекомендуя приобрести заграничные сорта высокого качества, обещал покупать их у него и суля при этом большие выгоды. Обрадованный купец вложил в приобретение этого дорогого товара все свои деньги. Эмир тем временем призвал к себе другого купца и поручил ему купить такие же по названию изделия, но только дешевые, русского производства. Когда партии товаров обоих купцов прибыли в Бухару, эмир потребовал справку о ценах у первого купца и, получив ее, сделал вид, что в ужасе от объявленных расценок. Назначенный эмиром для расследования "комиссия" тоже пришла в ужас, и в доказательство того, что расценки действительно непомерно взвинчены, привела для сравнения цены второго купца за такие же по названию товары. Эмир постановил, что платить дороже, чем предлагал второй купец, было бы несправедливо, и для приобретения товаров первого купца назначил те же цены, которые заявил второй купец за свои дешевые сорта.

Расчет эмира увенчался полной удачей: обладатель заграничных товаров попал в безвыходное положение. На его дорогой товар совершенно не нашлось покупателей, так как для широкого круга потребителей цены были слишком высокие. Крупные же торговцы и аристократия, будучи в курсе создавшегося положения, остерегались покупать у этого купца, чтобы не вызвать недовольство эмира. Прождав бесполезно значительное время, злополучный владелец заграничных товаров, чтобы спастись от окончательного разорения, вынужден был подать заявление эмиру о своем согласии на предложенные ему цены. На всей этой операции, снабдившей склады эмира первоклассными товарами по очень скромным ценам, купец потерпел большие убытки, от которых потом не мог оправиться.

Одной из характерных черт Абдулахад-хана было еще более сильное его отвращение к проживанию в Бухаре, чем это выказывали его ближайшие предшественники. То обстоятельство, что Абдулахад-хан прожил из своего, по подсчету бухарцев, почти 26-летнего (по В.В. Бартольду

и А.А. Семенову - 25-летнего) царствования больше в Кермине, чем в Бухаре (разница в двух подсчетах вытекает, вероятно, из солнечного и лунного счета), не могло не обращать на себя внимание бухарцев, в особенности, если учесть, что он приезжал в арк (кремль и центр г. Бухары) обычно зимою, да и то, сравнительно, на короткое время, дней на 8-10, проживая остальное время в окрестных садах: Ситораву махи хоса (рис. 47-49), Ширбудун[1], Кари, Гаукушон, в саду Хоса (Чорбоки Хоса), в саду при самаркандских воротах (Чорбоки Дарвозаи Самарканд), Сиёни Джугуд (б. дача еврея Сиона), в саду Намозго (Чорбоки Намозго), Хавлии Кофилон, в саду Дилькушо (Чорбоки Дилькушо), в саду Тавсанак (Павлиний) и др.

На восьмой год своего правления Абдулахад-хан переехал на житье в Кермине, где он еще в юношестве жил хокимом. Там ему больше нравилось. Самым его любимым местопребыванием было Чармгари (большой старый сад на окраине Кермине), где он проживал в течение 4-5 лет, после чего переехал в Олчин - приблизительно в 6 км от Кермине. Здесь ему понравилась местность, воздух, возможность охоты в окрестных зарослях на берегу Зеравшана, сравнительная прохлада дворца. Кроме того, у него были загородные дворцы-сады в Кенимехе и Салим-Султане, на короткое время он приезжал в Чорбоки Гуль (Сад-цветник) и в сад Мирзо. Но это были небольшие места, и он надолго здесь не останавливался.

Приблизительно в 16-20 км от Олчина находится Зияуддин, бывший "амлоком". Это была очень населенная местность, дававшая большие доходы, и Абдулахад-хан решил создать здесь "кургон", т.е. местопребывание бека (хокима или мира)[2]. Приблизительно в 16 км Зияуддина, между сел. Тош-Купрук и Султанобод (большой амлок зияуддинского хокима) он построил за три года до своей смерти новый загородный дворец, назвав его Хайробод. Там он и умер.

Об сновной причине нежелания Абдулахад-хана жить в Бухаре, казалось, не трудно было догадаться. Жизнь на высоте насыпного холма, где расположен арк, кончно, не могла быть заманчивой. Эмиры

---

1. Описание этого дворца с фотографиями, относящимися к 1898 г., см. Z.R. S c h u b e r t v. S o l d e r n. "Allgem. Bauzeitung", Heft 3, Wien, 1899, стр. 29 и сл. (прим. А.П.).

2. Все эти слова в бухарском употреблении почти равнозначны: "бек" - на языке узбеков, "мир" - так говорят таджики, "хоким" - официальное название.

еще в юности, проживая вне арка, могли оценить чарующую прохладу и зелень среднеазиатских садов, и пребывание потом в арке их совершенно не прельщало[1]. Они находились там в течение короткого времени для поддержания необходимого престижа. Немало осложнений могло вносить и близкое соседство с тысячами мулл, внимательно приглядывавшихся к поведению эмира и представлявших собою как бы большое осиное гнездо, от которого можно было ждать всяких неприятностей в случае, если бы эмиру вздумалось идти против желаний мулл.

Замечательно и характерно для бухарских воззрений очень распространенное объяснение, которое придумали бухарцы для нежелания Абдулахад-хана задерживаться в стенах Бухары. Во время одного из многочисленных посещений эмиром России русский царь будто бы обратился к нему со следующей речью: "Мы знаем, что ты относишься к нам очень хорошо, часто ездишь к нам. Мы хотим, чтобы ты доказал нам свою дружбу и отдал бы нам Бухару". Эмир будто бы ответил на это: "Я бы с удовольствием это сделал, но дело в том, что Бухара не моя - она во власти мулл". Призадумался русский царь, а потом ответил:"Ну, раз это так, то ты тогда не езди в Бухару". И эмиру Абдулахаду пришлось воздерживаться от сколько-нибудь продолжительного пребывания в этом городе[2].

I. Стороннему человеку это может показаться непонятным, но обыкновенному бухарцу, родившемуся и выросшему в Бухаре, последняя представлялась обычно верхом совершенства во всех отношениях. Заполненные народом с утра до вечера базары и улицы, кипучая жизнь большого торгового города с разнообразными и развитыми ремеслами и вся структура этого огромного человеческого муравейника, втиснутого в разногранные рамки и ячейки, размеренно функционировавшие, огромное количество мечетей, знаменитых мазаров и прочих памятников,многочисленные школы и медресе с тысячами мулл, съезжавшихся изучать мусульманские науки из самых отдаленных мест,- все это поддерживало представление о сосредоточении здесь всего изысканного и совершенного. А затхлая вода бухарских водоемов, наделявшая пьющих ее "риштой" - длинным гвинейским червем, развивающимся в теле человека, и многие другие болезни, вместе с пылью, вонью, невероятной духотой и пр. - все это, за неимением сравнений, считалось естественным и неизбежным.

Рядовые бухарцы в старое время до того были убеждены, что Бухара превосходит все на свете утонченностью, блеском и своей культурой (Бухара - сила ислама и веры - говорило широко известное в Средней Азии бродячее четверостишие), что я знаю случай, когда в самом конце XIX в. один ташкентец, приехавший учиться в бухарское медресе не смог вынести бухарского чванства и самовосхваления и уехал из Бухары, отказавшись от учения в этом центре среднеазиатско-мусульманской науки.

2. Не трудно, мне кажется, видеть здесь творчество мулл, придумавших такое объяснение малопонятному для них явлению, использовав его для собственного возвеличивания.

Относительно Кермине дело объясняется гораздо проще. Абдулахад-хан до восшествия на престол, выполняя обязанности хокима, проживал в Кермине и привык к жизни в этом городе. Отсюда ясно, что когда он фактически получил право выбора для своего местожительства, то он предпочел Кермине с уже установившимся к особе эмира отношением со стороны местного населения.

Возвращаясь к вечерним развлечениям последних эмиров, можно отметить появление в конце девяностых годов минувшего столетия цирка - простого небольшого русского странствующего цирка. В моноточную жизнь Кермине и окрестных дворцов он внес некоторое разнообразие и, видимо, очень понравился Абдулахад-хану и бухарцам. Появлялся цирк большей частью осенью, по приглашению агентов эмира.Ему отводили место неподалеку от резиденции властителя Бухары. Цирковому персоналу предоставлялось помещение, назначалась пища от эмира, подававшаяся в изобилии, при отъезде всем выдавались подарки. Характерно, что на представления цирка простой народ не допускался и присутствовать на них могли только чины двора. Сам эмир тоже смотрел представления, но делал это так, чтобы в цирке было выделено место, куда он мог проходить скрытым от посторонних взоров и смотреть на все из своей "ложи", не будучи замеченным. Находящиеся по близости места никем не занимались. Сидел он в своей "ложе" в полном одиночестве, даже его компаньоны не имели туда доступа. Только один бухчабардор охранял с внешней стороны дверь, которая вела в комнату-ложу.

Время от времени (вероятно, когда цирк уже начинал надоедать) отдавалось распоряжение, чтобы он выезжал в один из городков - Вабкент, Гиждуван и т.п. (посылать цирк в "священную" Бухару с ее муллами эмир, очевидно, не решался), и там некоторое время давались представления для народа. Входная плата при этом не взималась[1]. Музыка была или из состава цирка или играл военный оркестр эмира, игравший не по нотам, а на слух[2].

I. Описание представления цирка, устроенного для народа в пригородном селении Ширбадан (Ширбудун) см. С. А й н и . Воспоминания, стр.831-833 (прим. А.П.).

2. Очень характерно, что при всем желании эмира иметь свой собственный духовой оркестр из бухарцев, ни эмир, ни лица из администрации, имевшие отношение к оркестру, не могли настоять на изучении музыкантами нот, и все номера разучивались только на слух. Получалось что-то очень приблизительное к тем европейским произведениям, которые играл оркестр, но эмир был очень горд его успехами и с восторгом сообщал чинам посольств, отправлявшихся туркестанским генерал-губернаторам для ежегодных поздравлений, сколько номеров разучил его оркестр. В конце концов число их перешло уже за сотню.

Представления давались вечером и продолжались до десяти часов. Когда цирк давал представления в том месте, где жил эмир, то в то же время для народа снаружи (за пределами дворца, где высту - пал цирк) устраивались "чаукибози" - танцы бачей, доступные для всех. Эмир на это представление не смотрел: было бы слишком низко для его достоинства взирать на танцы при посторонних, да и неинтересно - такие же танцы устраивались и внутри, во дворце, правда скрытно, для очень замкнутого круга.

Может быть следует упомянуть для определения отношения к "чауки" (пляски бачей), что она допускалась вблизи нахождения эмира только вне Бухары. Когда эмир проживал в бухарском арке, чауки никогда не устраивались. Даже, когда имели место сайли на бухарском Регистане, то и тогда чауки не было.

Чауки - это название пляски бачей, общей, доступной народу, но когда она устраивалась эмиром для себя, то тогда танец бачей носил другое название: он именовался "базми хоса", т.е. к слову "базм" - пир, угощение - прибавлялось определение "хоса" - ханский, исключительный, чистый, которое прилагалось к предметам, действиям и пр., имевшим отношение к эмиру[1].

Устраивалось базми хоса так. Когда эмиру приходило такое желание, то он отдавал секретно распоряжение, назначая, кого именно привести из танцоров (обычно одного или двух), кого позвать из прекрасных певцов, выбирая из состава, имевшегося в корпорации "голиба" (заведывающего специальной организацией, своего рода цехом певцов, музыкантов и танцоров). Им указывались также бубенщики (большое искусство, требующее исключительного навыка и способностей), называемые "дойрадаст", указывались и музыканты, играющие на "дуторе," "рубобе" или "тамбуре", иногда даже на "гиджяке," смычковом инструменте, известном в бухаре, как "камонча" - лучок (этим словом обычно обозначают смычок). Устраивалось это обычно после намаза "хуфтан" (пятый, последний намаз), т.е. после девяти часов вечера.

Средних размеров комната (в 9 или II болоров), освещаемая люстрой со стеариновыми свечами. Пол застлан коврами. В одном конце комнаты стоит "кат" - род софы, на которой лежит или сидит среди подушек эмир. В другом конце комнаты сгруппировались и сидят на -

---

I. Например, название загородного дворца в 4 км от Бухары Ситораву махи хоса, т.е. "Звезда и месяц эмира".

полу певцы, музыканты, бубенщики. Перед бубенщиками - "манкаль" с горящими углями для нагревания над ним бубнов и доведения их до нужного тона. Около эмира, но на почтительном от него расстоянии, сидят его "джамоа" - компаньоны, такие приятные и отличающиеся остроумием и хорошими манерами люди, как Мад-Юнус, Мулло Азад-додхо, Абдулкодыр, Азимбой-бий, Мулло Назри-урок. И из них, его постоянных собеседников приглашались только некоторые, по особому его указанию. Один или двое юношей - танцоров (тоже по указанию эмира) распускают свои "кокули" (род оселедца), свешивая их по обе стороны шеи себе на грудь. В танцах юношей или, точнее, в музыке для этих танцев, имеются две школы - мервская - "мавриги" и бухарская. В каждом совершенно отличная, по словам бухарцев, музыка, до того, что для каждой имеются свои особне дойрадаст (бубенщики). Те, которые играют "мервские" мелодии, не годятся для "бухарской" музыки и наоборот. Если танцоры готовятся танцевать под мервскую музыку, они опоясывают себя матерчатыми поясами. Если под бухарскую - халаты не подвязаны.

Но вот привычные руки быстро настроили свои инструменты. Тамбурист извлекает тон на своем инструменте, который сейчас же схватывают и по которому настраивают свои инструменты другие. Обычно начинают с одного инструментального исполнения, но иногда эмир приказывает прямо перейти к пению.

Когда переходят к танцам, то классическая музыка, замолкает. Теперь главную роль получают бубны - "дойра", и только в передаче мервской школы добавляется пение и аккомпанемент некоторых музыкальных инструментов. "Мотив - в руках музыканта", - говорит среднеазиатская пословица ("усул ба дасти нағмачӣ аст"). Как правило, танец начинают с мелодии и соответствующего к ней хореографического исполнения, именуемого по названию аккомпанемента в ладоши - "яккакарс"; затем переходят к мотиву "кашкарича" (по-кашкарски), само название которого показывает, что влияние Ферганы (снабжавшей музыкантов проникавшими в нее из Кашгара мелодиями) и здесь не осталось без отклика. дальше следуют "уфари" - мотивы, отличающиеся оживленным темпом, мотивы "чорчиллик" (маком, исполняемый бубном), при которых танцор производит плясовые движения сидя. Потом исполняется "гирьён казок" - медленный танец под соответствующий мотив и др. Между танцами с их часто оживленными темпами вставляются и вокальные номера.

В отношении музыки и классического пения можно отметить, что вкусы большинства бухарцев в общем склонялись в сторону песен -

"ашуля", танцев бачей под аккомпанемент бубнов и т.п. В отношении пения и музыки особенно отличались бухарские ханжи-студенты из медресе: три дня в неделю учения - "тахсил" все ходили на цыпочках, и каждый боялся кашлянуть, чтобы не помешать заниматься соседу, но как только наступал неучебный перерыв - так называемый "таътил" (в народном произношении "тахтил"), картина сразу переменялась. Слышалось пение - "савтхони", разносились звуки дуторов, тамбуров и других музыкальных инструментов, хотя бубен молчал: он был слишком низок, вульгарен, простонароден, чтобы его можно было допустить в медресе. Танцы открыто тоже не допускались, и только в наглухо замкнутой келии - "худжра" изредка происходила пляска бачей.

В присутствии Абдулахад-хана, по словам бухарцев, пляска бачей устраивалась очень редко. На самом деле он был поклонником этого развлечения, но устраивал его настолько келейно и скрытно, что кроме самых близких ему людей, знавших об этой слабости эмира, мало кто о ней догадывался. Что же касается Алим-хана, то этот опустившийся субъект не находил нужным скрывать свои извращенные наклонности, настолько, что его поведение стало притчей во языцех, и авторитет его пал очень низко. "Абдулахад-хана все боялись и уважали, а этого никто не боялся и мало кто уважал", - говорили бухарцы.

После намаза хуфтан. Азон, т.е. призыв на последний намаз хуфтан, бывал приблизительно через I,5 часа после четвертого намаза шом. Но спешно исполнять этот намаз совсем не требовалось, в особенности, если у человека имелось какое-нибудь дело. Можно было поэтому исполнение хуфтана и отложить, но только не позднее I2 часов ночи. Эмир часто запаздывал с совершением этого намаза.

Покончив с намазом, эмир часто отправлялся в свой гарем - "урда", выбирая ту из своих жен, которую он хотел видеть. Никакой очереди посещений не соблюдалось. Иногда это была не жена, а одна из "девушек".

Эмир, как каждый мусульманин, мог иметь четыре жены. Но в старое время, до Абдулахад-хана, существовало рабство, и всякий правоверный суннит мог вступать в разрешенную ему по шариату связь с рабыней. Так, например, Музаффар-хан, имевший законных четырех жен и еще около сорока рабынь-наложниц, хотя и пользовался среди своих подданных репутацией "бабника"-"занбоз", но оставался в их глазах

добродетельным мусульманином, так как он не преступал дозволенного законом. В особенности потому, что он не был замечен в пристрастии к мальчикам, как Абдулахад-хан и в еще большей степени Алим-хан.

Характерно, что не нарушавшие закона частые разводы с законными женами не вызывали никакого порицания и считались нормальными. Эти разводы в большинстве случаев вызывались желанием получить в жены понравившуюся эмиру девушку или, что тоже довольно существенно, тем, что от жены не было детей. Если были дети, то эмир разводиться обыкновенно не решался. Разведенную жену эмир никогда не выдавал замуж за кого-нибудь другого. Она продолжала оставаться в арке, проживая на определяемое ей содержание.

Отношение к девушкам было несколько иное. И здесь вопрос о детях имел самое существенное значение. Если от такой наложницы были дети, то выхода ей из арка не было. Здесь она и продолжала оставаться на всю жизнь. Считается, однако, что в отношении к девушкам велся список. Те, с которыми эмир имел близость, так называемые "доманрас", по утверждению наших информаторов, также будто бы никогда не выдавались замуж. Что же касается других девушек - "доманнорас" (до полы которых эмир не дотрагивался), то если их становилось много, эмир выдавал их иногда замуж. Это случалось большею частью, если эмир узнавал, что у кого-нибудь из приближенных умерла жена и он остался одинок. Иногда такой "оставшийся одиноким" сам через влиятельных приятелей старался в благоприятный момент довести до сведения эмира, что "у бедного такого-то умерла жена. Вот несчастный человек! И денег у него нет на расходы на свадьбу!" Эмир, случалось, в таких случаях отдавал распоряжение кушбеги, чтобы он обратился к нему (эмиру) с челобитной о том, чтобы выдать такую-то (указывал по имени) девушку из урды эмира за такого-то. Челобитная писалась, на нее получалось разрешение. Призывался "несчастный" вдовец (если это было в городе), придворный имам получал распоряжение совершить брачный обряд, каковой тотчас же совершался. И новобрачная отправлялась в свой новый дом.

Если же симпатичный эмиру вдовец - какой-нибудь хоким или другое лицо, которому эмир желал выказать благоволение, находился далеко, управляя, например, каким-нибудь округом, то невесту из девушек посылали ему. Так как она являлась все же персоной из гарема эмира, то ее проезд сопровождался принятием всяких мер предосторожности, изолирования ее от взоров посторонних. Сам выезд в закрытой кокандского типа арбе совершался ночью и все дальнейшее путеше-

ствие происходило только по ночам. В арбу для услуг сажались две женщины-служанки - "кайвони" и, конечно, тяжелые ковры или паласы, спускающиеся спереди и сзади арбы, оберегали невесту от нескромных взглядов. Человек кушбеги и двое-трое вооруженных людей, присланных женихом, все верхом на лошадях, сопровождали арбу.

Осчастливленный таким вниманием сановник должен был отблагодарить эмира, посылая или преподнося соответствующий тортук.

Для эмира специально собирали девушек во дворце. Подбирались они двумя путями. Хокимы, управлявшие 26 округами бухарского эмирата, должны были присылать эмиру ежегодные подати, причитавшиеся с них. При этом в подносимые дары - тортук входила обычно одна красивая девушка. Последняя специально выбиралась среди населения округа. Отца ее уговаривали отдать свою дочь "на воспитание" к эмиру, награждали чином, деньгами и добивались его согласия. Следует отметить, что это делали все же не все округа, а только некоторые. Но все же ежегодно поступало таким образом к эмиру 8-10 девушек.

Привезенная девушка передавалась кушбеги, помещавшему ее до получения дальнейших распоряжений эмира в своей урде.

Подыскивали девушек и в самой Бухаре. Агентом для этого при Абдулахад-хане и Алим-хане являлась Гавхар, старуха, обходившая один за другим все гузары Бухары. Если ее приход не был неожидан, то население старалось спрятать красивых девушек. Сомнительная честь попасть во дворец обычно не прельщала. Помимо обхода домов выгодным периодом для гнуснейшей работы Гавхарбыли дни веселого праздника цветов, продолжавшегося четыре недели и вероятно поэтому известного под именем "чор сайль" (четыре гулянья). Народ отправлялся для этого на мазар святого Баховаддина, в окрестностях которого были сады, где прогуливались не видавшие ни травы, ни цветов на своих пыльных улицах и в неозелененных домах бухарцы. Это был всенародный праздник, на который приезжал и эмир, приказывавший в небольшом выложенном камнем пруду при мазаре приготовить "шарбат" - сладкий напиток для народа. Туда всыпались мешки сахара и пр., и люди, в особенности жители окрестных селений, тоже приходившие на сайль, могли утолить жажду. Собиравшиеся на сайль бухарцы там ночевали и затем возвращались обратно. По вторникам и средам туда ездили мужчины, а по четвергам и пятницам женщины. И Гавхар пользовалась этими скоплениями бухарских женщин и девушек, чтобы производить свой выбор.

Наметив жертву, она указывала на нее сопровождавшим ее двум людям, прикомандированным от кушбеги, и девушку тотчас схватывали, немотря на плач и вопли ее родственников, и увозили.

Привезенная в арк девушка помещалась в урде кушбеги, и последний дня через 2-3, когда девушку удавалось несколько успокоить ухаживающим за ней всячески женщинам из гарема кушбеги, докладывал о ее появлении эмиру. По приказанию последнего ее приводили к нему и, если она имела несчастье ему понравиться, отсылали в Урдаи Калон, где, как говорилось выше, такие "невесты" содержались при проживавшей там матери эмира. Если девушка эмиру не понравилась, ее возвращали родителям, если же девушку оставляли, то тогда вступали в переговоры с ее отцом и старались его уговорить при помощи подарков, денег, наград, чтобы он согласился на оставление дочери.

В урде девушки "воспитывались". Их обучали правилам этикета, учили, как вести себя по отношению к эмиру, как приветствовать его и пр. Вечером у них бывали игры, песни, танцы, музыка. И так они жили затворницами, никогда больше не выходя из урды за ворота арка, пока однажды такую девушку не вызывали, одевали и поздно вечером вывозили в закрытой арбе к эмиру.

В гареме эмир проходил в свою спальню - "хобхона" для общения с выбранной им женщиной, но, почувствовав позыв ко сну, он отправлялся в свою спальню. Спален в каждом дворце было по несколько. Так, в бухарском арке их имелось две - одна рядом с саломхоной, другая в миёнхавли; в Ситора Махоса их было пять - две в старом саду и три в новом помещении; в Ширбудуне три - одна около саломхоны и две около миёнхавли; в саду Олчин две - около саломхоны и в миёнхавли и т.п.

Намеренная неопределенность места сна эмира и держание в секрете, где эмир будет спать в наступающую ночь, вызывалось страхом, что во время сна эмира может быть произведено покушение на его жизнь. Видимо, этот страх довольно сильно мучил сидевших на бухарском троне владык. Это сквозило и в других мелочах. Чтобы воображаемые злодеи думали, что эмир не спит, призывался, например, иногда старик-сказочник. Под его равномерный рассказ эмир засыпал, а "враги" должны были воображать, что раз слышится сказка, значит эмир не спит... Наивная уловка, показывающая условия и кругозор бухарских эмиров.

Каждая спальня эмира всегда поддерживалась в готовности принять его, в каждой все было постлано, налажено. При входе стоял на часах с винтовкой гвардеец из "кавказских" частей, сидел бодрствуя дежурный махрам (поддежурный в это время подремывал рядом). Часовой сменялся каждые 40 минут. На ночь устанавливался пароль - "номи шаб" (букв. имя ночи), и этот пароль часовой требовал от всех проходящих.

Приложение 2

ИЗ МАТЕРИАЛОВ О БУХАРЕ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ЭМИРАХ

Нижеприводимые сведения были записаны мною во время экспедиций в Бухару в 1940 и 1941 гг. Моей темой во время этой экспедиции было описание бухарского арка - кремля бухарских эмиров. Собирая материалы по этой теме, приходилось одновременно сталкиваться с тысячами каналов и разветвлений сложной бухарской жизни. Я не мог удержаться от соблазна и время от времени иногда отрывочно записывал то то, то другое. У меня не было возможности дополнить эти записи, как не было времени пополнить их некоторыми данными из литературы и восточных источников. Привожу поэтому нижеизлагаемое в таком виде, как оно было записано.

Система сношений эмира с хокимами. Почта.

Организация почты в бухарском ханстве при последних эмирах является, в числе прочего, довольно явным показателем того, как изменилась жизнь с приходом русских и, в особенности, после переноса русской кордонной линии на афганскую границу. Отпала надобность в содержании пограничной охраны и необходимость быстрого осведомления центрального аппарата о событиях на границе и пр. Эти функции перешли в значительной степени к пограничным русским властям.

Ко времени Абдулахад-хана положение с единственной почтовой организацией в ханстве, обслуживающей государственный аппарат (о почте для частных лиц не могло быть и речи), сводилось к следующему.

Все хокимы (начальники округов, своего рода губернаторы) были обязаны отправлять еженедельные донесения о состоянии к моменту отправки вверенного им округа. Эти донесения назывались "арзаи джумаги" - пятничные донесения. Давалось им это название потому, что обычно они все должны были посылаться так, чтобы эмир получил их в пятницу, к моменту окончания утреннего намаза бомдод. Поэтому,

если кто-либо из гонцов успевал приехать раньше, то он мог прилечь на подворье своего хокима (о них см. ниже) и немного соснуть, с тем, однако, расчетом, чтобы перед призывом на утренний намаз уже стоять готовым со своим донесением перед воротами, ведущими к саломхоне эмира. Выходил "дарбон" - привратник и отбирал у гонцов привезенные ими донесения, относя их к эмиру.[I] У дарбона имелся при этом специальный нож, которым он, поднося донесение эмиру, ловко взрезал печать и развертывал, не читая, свернутый в трубочку доклад, который и подносил эмиру. Эмир сам просматривал доклады и складывал их в кучку в одно место, передавая после завтрака своему мирзои дафтардору и сопровождая указаниями, если в этом была необходимость.

Около 9-10 часов утра в тот же день всем приехавшим курьерам выдавалась "муборакнома" - благословенная грамота, т.е. в данном случае извещение о получении донесения, и курьеры отправлялись в обратный путь. Так бывало, если дело шло об обычном донесении хокима. Отправляющие его, как сказано, рассчитывали так, чтобы оно было получено в пятницу на рассвете. Поэтому из дальних мест отправляли соответственно за несколько дней до пятницы. Бывали даже случаи что из наиболее отдаленных областей ханства (например, из Рушана) в старое время посылался гонец, который должен был ехать более семи дней. Поэтому, не дожидаясь, пока он доедет, отправляли другого.

I. Следует оговориться, что по существу это был не простой привратник, а высокое по своим разнообразным функциям лицо, которое некоторые бухарцы определяли по его значению, как, может быть, второе по важности после кушбеги лицо в государстве. В его руках находился весь аппарат для секретного надзора за центром жизни Бухарского ханства - городом Бухарой, и каждый мог стать предметом его наблюдений и содержанием его донесений, ежедневно отправляемых эмиру. Он заведовал также заключенными, производил допросы важных преступников и, называясь тупчибоши, или тупчибоши дарвозаи арки оли, на самом деле, как и кушбеги боло (верхний кушбеги), никогда не должен был отлучаться из арка и даже не мог присутствовать на молитве в какой бы то ни было мечети. Даже в дни двух больших праздников при совершении всеобщего намаза и он и кушбеги могли совершать намаз только перед открытыми воротами арка, кладя головы при поклонах на порог ворот. Это были, по существу, два великих узника, которые без особого разрешения эмира никогда не могли покидать арк, оставляя его без надзора.

Это была норма. Но если случались какие-либо особенные происшествия, то тогда хоким отправлял специального курьера. Эта экстренная посылка называлась "арзаи миёнхафта" - доклад среди недели. Такие отправки были нередки.

Если у эмира, в свою очередь, была необходимость отправить какое-нибудь спешное распоряжение тому или другому хокиму, то тогда он направлял не своего собственного курьера (на содержание таковых эмир тратиться не был расположен, и их не имелось), а посылал запасного дежурного курьера - "арзачи" данного хокима, проживавшего, подобно представителям прочих хокимов, на подворье своего хокима и находившегося при ставке эмира специально на случай такой надобности. Дежурные курьеры находились на харчах своих хокимов, а не эмира. В случае, если вслед за этим возникала надобность экстренно послать нового гонца тому же хокиму и дежурного свободного арзачи не оказывалось, то эмир приказывал брать с конюшни данного хокима, где стояли лошади эмира, конюха "отбокар" и посылал его как курьера.

Если сообщение было экстренное, то в канцелярии эмира отмечалось время выезда курьера, и удайчи (церемониймейстер), передавая гонцу отправляемую бумагу, говорил ему тихонько на ухо: "Его величество отметил время твоего отъезда, поэтому поезжай, сменяя лошадей". Говорилось это намеренно тихо, по секрету, чтобы никто не знал, что идет экстренно важное сообщение.

Такой гонец летел сломя голову, пуская лошадь полным карьером. Ничто не могло задержать его. Даже ночью, когда городские ворота были закрыты для проезда всех, пред ним они тотчас же растворялись, как только смогли найти ключ. Для гонца это было делом и чести и славы, и стремлением избежать наказания за промедление. Лошади, которые предоставлялись таким курьерам, были отборные, испытанные. Любопытно, что экстренному гонцу не давалось никакого удостоверения в том, что он должен ехать чрезвычайно быстро. Когда лошадь уставала и выбивалась из сил, он доезжал до одного из больших караван-сараев, расположенных на дороге, и брал у хозяина самую свежую лошадь, оставляя свою. В больших караван-сараях у их хозяев стояло таких лошадей в запасе по 3-4, в маленьких по одной. Держать таких лошадей, по-видимому, было довольно выгодно. Курьер, взявший такую лошадь, скакал на ней или до следующего караван-сарая, или, если ему попадался встречный гонец того же хокима, менялся с ним лошадьми; встречный, доехав до караван-сарая, откуда

была взята лошадь, возвращал ее хозяину, а сам продолжал ехать на оставленной там лошади первого гонца, которая к тому времени обычно уже успевала отдохнуть. Характерно, что за такие заимствования у хозяина караван-сарая платил потом хоким, на службе которого находился курьер. Обычай ездить, сменяя лошадей, назывался "асп партофтан" - бросание (оставление) лошадей.

Несмотря на важность поддержания правильно организованного быстрого сообщения, по крайней мере, по главным трактам ханства, последние эмиры не принимали никаких мер к упорядочению своей почты. Единственным исключением являлась дорога между Кермине и городом Бухарой, так как Абдулахад-хану, проживавшему большею частью в любимом им Кермине, было важно иметь удобное и быстрое сообщение со столицей. В трех пунктах по этой дороге - в Малике, Хомрабате и Куимазаре - были устроены станции, где постоянно держалось по 4 верховых лошади при одном конюхе "саис" и заведывающем станцией, назначавшимся из шогирдпеша. Работать этим лошадям приходилось немало, так как Абдулахад-хан гонял курьеров в Бухару очень часто.

При отправке курьеров предпочитали этот способ, несмотря на параллельное существование уже с I897 г. железной дороги между названными пунктами. Делалось это потому, что считалось, что доставкой на лошадях письма доходят скорее: расстояние между Кермине и Бухарой, приблизительно около 88 км (II "сангов"), такой гонец, как говорили бухарцы, будто бы проезжал за 3 часа[1].

Очень характерно для всей системы, что и это сообщение между Кермине и столицей поддерживалось не на средства эмира, а исключительно падало на бюджет керминского бека.

Интересны воспоминания бухарцев, согласно которым при эмире Музаффаре такое постоянное сообщение, при наличии ряда промежуточных станций, существовало между Бухарой и Ура-Тюбе и прочими пограничными владениями эмира, быстрое сообщение с которыми представляло

I. Если допустить в этом сообщении некоторое бухарское "муболига", т.е. вполне понятное преувеличение, то все же скорость бухарских гонцов не уступала, видимо, их древним предшественникам, персидским ангарам времен Ахеменидов, делавших, по словам древних греков, на наше измерение, около I8 км в час. Как говорит один греческий историк, "ничто в мире не может спорить с ними в быстроте, голуби и журавли едва поспевают за ними. На каждой почтовой станции сменяются лошадь и всадник; ни дождь, ни снег, ни мороз, ни жара, ни тьма не могут остановить их стремительного бега".

тогда большую важность. Донесения, как слышали старики, доходили с поразительной быстротой благодаря хорошей организации почты. Это, как можно предполагать, были остатки прежней системы почты времен монголов и тимуридов, а до того и древних персов, постепенно отмиравшей с падением жизненной силы эмирата. Уже при Абдулахад-хане, как мы видели, все ограничивалось только трактом между столицей и Кермине. Но при Алим-хане, оставившем Кермине и променявшем его на жизнь, главным образом, в Ситораву махи хоса, загородном дворце около Бухары, и это было оставлено; тем самым исчез последний остаток прежней когда-то обширной и прекрасно функционировавшей системы сообщений, о которой напоминают лишь случайно иногда сохранившиеся названия местностей.

О подворьях хокимов в столице

Характерной чертой в официальном функционировании каждого хокима являлось то, что он был обязан в силу предъявлявшихся ему требований, связанных с его должностью, иметь в столице, т.е. в Бухаре или в ближайшем соседстве с нею, свое столичное жилье, в котором он мог бы останавливаться сам, держать там своих агентов, курьеров, а также - пожалуй, одно из самых главных обстоятельств - иметь при этом доме или в ближайших окрестностях конюшню, где он был обязан содержать лошадей, которых его агенты должны были доставлять немедленно к эмиру при первом требовании последнего. История этой конюшни следующая.

Каждый хоким посылал несколько раз в году подарки эмиру, называемые тортук[1]. Главные дары посылались поздно осенью, после сбора податей и назывались "туксая". Тортук в это время состоял из разных предметов, в том числе и лошадей. Число их должно было соответствовать, по бухарскому этикету, кратному, взятому в основу для данного тортука и являющемуся определенным числом для счета предметов, входящих в каждый разряд данного тортука. Например, если избрано для всего подношения число девять, то это значит, что в каждом разряде тортука подносимое число предметов теоретически должно состоять из девяти: девять тюков с халатами, девять лошадей

I. О тортуках см. выше стр. 98.

и пр.[1] Самыми богатыми хокимами, управлявшими наиболее богатыми округами, являлись, во-первых, чарджуйский хоким, потом зиёуддинский, каршинский, гисарский, шахрисябзский и др. Богатые хокимы могли позволять себе роскошь посылать подношения тортук с очень высокими кратными показателями[2].

Наибольшим кратным было пятнадцать. Это могли себе позволить только самые богатые из хокимов. Следующие представляли тринадцать, одиннадцать, девять, семь и, наконец, самые бедные, как, например, бурдаликский, келифский и наразумский, могли направить посылку только из пяти и даже из трех. Каждое такое кратное содержало в себе, во-первых, данное число лошадей и, во-вторых, такое же количество тюков с халатами (в каждом тюке по девяти). Прочие предметы часто посылались и без соблюдения установленного кратного.

Лошади, представляемые эмиру, после осмотра объявлялись "одобренными" - "манзур", т.е. принятыми эмиром. Некоторых эмир

I. Священным, приносящим счастье, числом, заимствованным, вероятно, из монголо-турецких традиций, были нечетные: 3,5,7,9, II,I3,I5. Этим нечетным числам, помимо выбора из них числа, знаменующего количество предметов, входящих в различные категории комплекса даров, придается значение в самых различных областях быта.

2. Среди бухарцев существует рассказ, что во время поездок одного из последних эмиров в Петербург к царю последний будто бы однажды во время разговора спросил эмира: "Правда ли, что к вам время от времени подводят прекрасных лошадей, покрытых дорогими попонами, вышитыми золотом?" - "Да, правда", - ответил эмир и рассказал про получаемые им тортуки. Вернувшись к себе, он решил отправить царю образец этих даров. Он выбрал, кажется, одиннадцать самых лучших, красивых лошадей, снабдил их соответствующими дорогими попонами и прочей сбруей и отправил к царю в сопровождении самых знатных из своих сановников. При подведении к царю все лошади были обряжены согласно бухарскому обычаю: на головах были прикреплены эгреты - "тодж", хвосты были пропущены сквозь золотые обхваты, вроде широких кругловатых вздутых колец, называемых "кутос" (видимо, как подражание хвостам яков - "кутос"), к шеям были подвязаны особые золотые подвески, звучащие при движении. Седла были покрыты расшитыми золотом попонами "даври"; нагрудники и надхвостники "кушкун" тоже были покрыты чеканными золотыми украшениями и камнями, как равно и узды. Седла были покрыты расшитыми чепраками, называемыми "зинпу", покрывавшими седло до того момента, пока лошадь не подведена к седоку, и немедленно убиравшимися конюхом, как только седок собирался сесть на лошадь. Царь, по рассказам бухарцев, будто бы остался очень доволен и расспрашивал, какого происхождения лошади, из каких мест, каковы их аллюры, свойства, возраст и т.д. Сопровождавшие были награждены орденами.

иногда отбирал для передачи в свою собственную конюшню, а остальных возвращал представителям хокима на сохранение и прокорм. Вот тогда-то и возникала нужда в постоянном жилье в столице или в окрестностях. Нужен был штат конюхов, запасы фуража, его заготовка, поля для посева люцерны, ячменя и пр., соответствующие конюшни и т.д.

Если хоким имел уже давно такое жилище, то это устраивалось само собою, но для новых людей это было труднее: им приходилось или покупать себе соответствующее место, возводить постройки или нанимать таковые. Последнее приходилось делать более бедным хокимам. Расходы на все это, в том числе и на содержание лошадей, нес сам хоким, точнее - его округ. Больше того, эмиру случалось иной раз покупать на стороне понравившихся ему одну или несколько лошадей, которых он в то же время по каким-нибудь соображениям, не хотел содержать на своей собственной конюшне. И он посылал в таких случаях этих лошадей в конюшню того или другого хокима на прокормление.

Продолжительное проживание Абдулахад-хана в Кермине очень усложняло этот порядок. Хокимам вместо одного подворья в Бухаре пришлось заводить себе и другое - в Кермине. Жизнь поэтому раздваивалась. Но как только эмир отлучался в длительную поездку в Россию, большинство хокимов отсылало лошадей из своих конюшен из Кермине на подворья в Бухару, так как совместное содержание их обходилось дешевле.

По мере надобности эмир брал лошадей из запасных конюшен, содержавшихся его хокимами, и число лошадей в них уменьшалось, но только затем, чтобы снова пополниться при новых тортуках.

По существу это была, конечно, замаскированная дополнительная повинность, которую несли округа в лице представлявших их хокимов. Возможно, что здесь имело место перерождение древнего оброка, в силу которого правитель некогда делил своих животных между подвластными ему селениями для прокорма их во время зимы (главным образом), а также на время летней пастьбы; при этом он делал лиц, стоящих во главе управления этими селениями, ответственными за сохранность скота и правильность прокорма. Подобный обычай существовал, например, еще недавно в верховьях Пянджа, и о нем там прекрасно помнят старики.

К формированию регулярного войска

Китайское дореформенное отношение к армии, вербовавшейся часто из преступников имело свою параллель и в Бухаре. Любопытно, что регулярные солдаты здесь не назывались словом "сипо", а были известны под именем "сарбоз". Словом же "сипо" среди бухарцев обозначается потомственное служилое сословие, занимавшее административные или высшие военные должности.

Сарбозы попадали в армию, как правило, по приговору эмира за разные не особенно тяжелые преступления, часто по отбытии предварительного наказания палками. Но среди них попадались и добровольцы, которые не находя себе другого заработка, а немногие и по склонности к военной службе (говорили, что были и такие), тоже поступали в войско. Из последних, если они оказывались способными и выучивали нехитрую муштру, формировался низший командный состав, который мог продвигаться при случае и выше; осужденные же преступники оставались на всю жизнь сарбозами.

При поступлении новобранца на службу срока окончания ее не назначалось, и фактически сарбоз служил до самой смерти. Бывали случаи, что в рядах армии служили 80-летние старики. Алим-хан по вступлении на престол дал распоряжении об освобождении от военной службы людей старше 60-летнего возраста. Абдулахад-хан также принимал меры к очищению войска от неспособных элементов. Он тоже давал приказ об увольнении солдат старше 60 лет, а также явно неспособных к службе в силу болезни и физических недостатков. Однако, при исполнении этого приказа были допущены административные злоупотребления. Под видом "больных" за взятки отпускались провинившиеся родственники состоятельных людей, служившие в сарбозах. Долгое время спустя, при тупчибоши Акрам-беке, об этом вспомнили, и были предприняты розыски таких людей. Был издан специальный приказ о том, чтобы извещали и доносили о всех неправильно освобожденных, что тоже повело к новым осложнениям и злоупотреблениям.

Вопрос о наборе сарбозов, видимо, являлся довольно сложным для правительства. Приходилось прибегать к усиленным мерам для поисков и осуждения на военную службу соответствующих виновных. Неоднократно административным лицам наказывалось следить за поведением народа, и людей, выделяющихся своим дурным поведением,

привлекать к ответственности и последующему осуждению на военную службу. Старики-мастера говорили мне, что им приходилось очень часто опасаться, чтобы их не обвинили в чем-нибудь и не забрали в сарбозы.

Помимо сарбозов почти таким же образом вербовались "мерган" - охотники - так почему-то называлась стража тупчибоши, охранявшая вход в арк. Вербовалась она почти исключительно из молодых людей, оказавших непочтение и дурно обошедшихся со своими родителями. Делалось это по жалобе последних. Если сын вызывал недовольство родителей и приводил их в отчаяние своими пороками и своим отношением, то родители подавали письменное заявление кушбеги. Последний посылал за обвиняемым, допрашивал его. Если обвинение подтверждалось, виновный передавался в мерганы, поступая в ведение тупчибоши[I].

Кроме этого, существовал еще род ополчения, называвшегося "эльнавкар" (нукеры из народа). Вербовалось оно из молодых людей, узбеков, группировавшихся вокруг своих родоначальников - "мир". Такая группа, собравшаяся вокруг мира из его родственников, сородичей, подчиненная ему, называлась "даста", а сам глава ее - "мири даста". Мир, принимая в свою дасту нового члена, доносил об этом эмиру, прося об утверждении его и о внесении в списки.

Такое ополчение из различных узбекских родов, группировавшееся вокруг своих родоначальников, называлось "сипо". Это и было в основе проявление старого строя до Хайдара, тогдашняя опора царствующей династии - продолжение той узбекской силы, которая захватила власть в Мавераннахре и создала государство Мангытов.

По существовавшему обычаю это были кавалеристы, сидевшие на собственных лошадях, вооруженные, по крайней мере в начале XIXв., собственным оружием (имеются сведения, что раньше иногда оружие давал эмир). Формы не имелось, и каждый одевался в соответствующий своему вкусу костюм. Хотя лошадь, как сказано, при поступлении была у каждого своя, но в случае, если во время службы эта лошадь умирала, хозяин отрезал у нее хвост и препровождал его при соответствующей челобитной командующему войском - "саркарда", прося о выдаче ему новой лошади.

I. Иногда жалостливые родители обращались к тупчибоши с просьбой отпустить погостить провинившегося сына к ним в дом. Это обыкновенно допускалось, причем отцу виновного объявлялось, что он является ответственным за своевременное возвращение сына.

Рассказ Турамурода Ходжи Каирова о пребывании в отряде гуломбачей[I]

Родился я в I864 г. в к. Ширгирон, приблизительно в двух километрах от Бухары. Мой отец был "арбобом" (старостой) в селении. Земли у него было мало - всего около I0 танапов. До 20 лет я жил при отце, помогая ему в земледелии; когда мне исполнилось 20 лет, я по своему желанию поступил в солдаты: захотелось получать жалование - отец мне денег не давал. Поступил я в отряд дворцовой стражи "гуломбачахо" - подчиненной тупчибоши (тогда тупчибоши был Мулло Махмуд). Отряд гуломбачахо первоначально был организован при дворе при Насрулла-хане, в числе I00 человек, а потом увеличился. По распоряжению Абдулахад-хана, сделанному после его восшествия на престол, к этому отряду, первоначально сформированному из рабов ("гулом"), было прибавлено еще 200 человек, набранных из добровольцев. Однако название отряда осталось старое.

Подобно другим сарбозам мы бывале в карауле по три дня, и следующая очередь наступала через 6 дней; эти дни каждый проживал у себя дома. Я уходил на эти дни ночевать к своему отцу, а днем работал носильщиком - "хаммоль" на базаре. В арк мы ходили одновременно по I00 человек, через три дня шла вторая сотня, а затем третья.

Помимо несения караульной службы, мы должны были еще три раза в неделю ходить на ученье.

Мы, гуломбачахо, принадлежали к избранной половине армии и были вооружены при Абдулахад-хане казнозарядными ружьями "думболапур". Вооружение другой половины состояло из шомпольных курковых пистонных ружей, заряжавшихся с дула. Каждая половина, помимо караула, ходила на ученье три дня в неделю: мы - по субботам, воскресениям и понедельникам, другая половина - по вторникам, средам и четвергам; отсюда она была известна под именем "сешанбеги" - вторичные.

Те из нас, которые находились в карауле, в это время оставляли в арке I/4 общего состава караула на постах, а остальные тоже

I. Запись М.С. Андреева от 2/У I940 г. (прим. ред.).

присоединялись к учению. Последнее продолжалось 2[I]/2-3 часа. Вернувшись с ученья, мы выделяли тотчас же следующую четверть, которая сменяла постовых. Каждая очередь оставалась на посту 3 часа и состояла одновременно, приблизительно, из 25 человек. Они распределялись по 4 человека по 25 постам, расположенным в разных местах вдоль стен арка. При каждом таком посте была небольшая лачужка - "каровулхона", в которой оставалось 3 человека, не занятых на карауле, которые там спали зимой (летом предпочитали на открытом воздухе). Точно такую же караульную службу несли и прочие сарбозы, занимавшие свои посты не в арке, а вокруг него, а также при городских воротах и загородных дворцах.

Кроме нас (I00 человек), вооруженной охраны в арке не было. Имевшаяся в воротах стража - "мерган" не была вооружена и представляла собой обслуживавший ворота гражданский персонал.

Помимо стояния на часах, больше никаких учений по защите арка или по сбору, например, по тревоге,на одно место, среди нас не производилось.

Из бухарских типов прошлого

С к о м о р о х и - "м а с х а р а б о з"

Среди забавников старого времени, простых, незатейливых, выделялись отдельные лица, становившиеся специалистами в той или другой выбранной ими области, потешая народ[I].

Все старые бухарцы прекрасно помнят своих забавников, и нужно видеть, как веселеют их лица, когда приходится говорить об этом, и как искренне они хохочут, вспоминая старинные шутки, каламбуры и выступления своих масхарабозов. Среди этих скоморохов, фигляров можно назвать, например, Джура-масхарабоза, в своих выступлениях на открытых народных выступлениях в самом комическом виде изображавшего манеры и нравы казиев, раисов, миршабов и прочих чинов высшей бухарской администрации. Надевши на голову подходящую корзину, обернутую тряпками, а сверху окутанную белой тканью - все это изображало невероятных размеров чалму-тюрбан, - с огромным жи-

I. По моим наблюдениям, в Хорезме профессионалы, выступавшие на народных развлечениях, обычно следовали профессии своих родителей или родственников, привлекавших их к себе в качестве подручных, а затем, после соответствующего стажа и при стечении благоприятных обстоятельств, они выступали уже самостоятельно. Как можно думать, это было и в Бухаре.

вотом из тряпья и подушки, с приклеенной белой бородой, срезанной у козла, с жеманными манерами, сидя на кляче с наброшенной для смеха на попону камышевой циновкой, заменявшей расшитый золотом бархатный покров лошадей знатных людей, он представлял собой пресмешную фигуру, вызывая общий хохот и веселье. Сзади него шел его помощник, выступавший как его "дуррабардор" - носитель дурры ("дурра" - известное классическое мусульманское орудие для наказания, состоящее из широкого кожаного ремня, сделанного из нескольких слоев кожи, строго регламентированного в своих размерах, в толщине и употреблении). Вместо дурры, однако, он держал в руке в данном случае баранью печень. "Подгони-ка мою лошадь, дружок, - говорил "казий", - она что-то не идет". Носитель дурры ударял раз по лошади, а следующий удар приходился по спине "казия". "Да что ты с ума сошел? Не узнаешь своего казия?" - орал тот. - "Ах, извините, это я нечаянно". Далее следовал целый ряд таких "нечаянностей" самого разнообразного свойства.

Характерно, что эти карикатурные раисы, казии, миршабы и прочие официальные персонажи были "совсем не из Бухары". Один изображался скоморохом как гиждуванский казий, другой был из Кермине, третий оказывался из Вабкента и прочих лежащих около Бухары городов. - "Назовись-ка бухарским, сразу вхватили и всыпали бы за это"- объясняли бухарцы. Злые языки говорили, что некоторые из задетых провинциальных чинов, высмеиваемых на потеху столичной толпы, иногда якобы платили деньги масхарабозу (скомороху) за то, чтобы он оставил их в покое и избрал бы мишенью своих насмешек кого-либо другого[I].

I. За неимением времени я, к сожалению, смог только мимоходом записать вышеприведенное. Было бы желательно записать у еще оставшихся стариков, участников или очевидцев более подробно содержание этих представлений. В этом отношении интересны также пьесы старого бухарского кукольного театра, записанные В.А. Шишкиным и П.А. Гончаровой, до сих пор еще не опубликованные.

В I956 г. вышла в свет статья Н. Нурджанова "О бухарском кукольном театре", к которой приложено несколько текстов пьес. Изв. Отд. общественных наук АН Тадж.ССР, № I0-II, Сталинабад, I956, стр.I9I-2I9. (прим. А.П.).

К а л и - п л е ш и в ы е

Как известно всякому, кто соприкасался со среднеазиатской сказкой, плешивый "каль" занимает в ней совершенно особое, выделяющееся место. Он хитер, пронырлив, умеет ловко надуть простака, собирающегося его наказать за его плутни, и устраивает свои дела так, что они обычно кончаются к его вящему благополучию. Слово "каль" (плешивый, лысый) занимало недавно еще определенное место в языке. Интересно поэтому выяснить, как понимают это слово бухарцы, кто такие были эти "кали", выделившиеся в особое сословие, и какова была их судьба.

По рассказам бухарцев, калей в старину было в Бухаре очень много. Это были люди, болевшие наследственной болезнью, состоявшей в том, что с двух-трех лет от роду у ребенка на голове появлялись прыщи, при расчесывании образовывавшие гноеточивые язвы. Выделявшийся гной передавался на соседнюю область кожи на голове, там тоже появлялись такие же прыщи, и процесс этот не прекращался приблизительно до восемнадцати лет, когда кожа на голове сама собою выздоравливала и больше этой болезнью никогда не болела. На рост волос этот процесс действовал губительно. Лишай совершенно их уничтожал, и в том месте, где он бывал, они больше не росли. Но так как язвы все время путешествовали по голове больных, то все волосы в конце концов исчезали, и человек оставался совершенно плешивым на всю жизнь. Эта болезнь поражала одинаково и мужчин и женщин. Такие люди в силу, вероятно, своей болезни и из-за отношения к ним окружающих выработали особую жизнь, брачевались только между собой и избрали себе занятием нищенство. Просили милостыню и мужчины и женщины (последние это делали, как подобало мусульманским женщинам из оседлого населения, под черным волосяным покрывалом - "чашмбанд" в народном произношении "чашпан"). Интересно, что от своих мужчин-калей женщины-кали не закрывались и оставались при них с открытыми лицами. В Бухаре кали жили в определенных местах; холостые ночевали главным образом на Регистане под деревянными нарами, помостом из досок в ряду "атторов" - продавцов пряностей, некоторых медикаментов, косметики и пр. Авторы хранили узлы со своим товаром в другом месте - в недалеко расположенном старом сарае, в худжрах одной захудалой медресе, и утром их караульщик приносил каждому его товар и клал на его место. Кали жили

также и в Чорсу, ночуя там под лавками "мохипазов" - торговцев жареной рыбой или самбусапазов, выпекавших на продажу пирожки, и пр. Женатые устраивались, обзаводясь лачужками на задах мечети Калон, и вообще селились там, где к этому представлялась какая-нибудь возможность.

У них имелось также свое собственное управление. И регистанские кали и кали на Чорсу избирали себе каждые отдельного аксакала, тоже из калей, который разбирал их дела, заботился о них, снабжал тех из них, которые нуждались в одежде, каким-нибудь старьем, купленным за недорогую цену на базаре старого платья у "мурдашуев" - обмывателей покойников, которым в вознаграждение шло белье и платье умерших. Общественные деньги, которыми распоряжался аксакал, добывались различными способами. Между прочим, узнав (обычно от музыкантов), что где-нибудь должна быть сыграна богатая свадьба, кали целой толпой, предводительствуемые своим аксакалом, отправлялись на свадьбу, тоже поднося на блюдах свои "дары" - "поднос с приятной нагрузкой" - подобно другим гостям. Они насыпали на свои подносы кишмиш, фисташки и пр., несли хлебные лепешки. От хлеба отказаться нельзя - он священен. И в доме, где происходил пир, его принимали, но блюда с прочим подношением обычно возвращали, добавляя к их содержанию еще из своих запасов. Аксакалу калей дарили халат, всех остальных оделяли хлебными лепешками, усаживали за плов, угощая таковым, а часто давали и деньги. Стоимость подаренного аксакалу калей халата, затем продававшегося на базаре, подаренные деньги и прочие подобные поступления шли в общественную казну калей, хранящуюся у аксакалов. Кали, приходя на свадьбу, посылали сказать о себе распорядителям пира, что "пришли "бойбача", т.е. "сыновья богачей" (что это "кальбачи", т.е. "сыновья калей", они не говорили, как не называли их так в глаза и другие, чтобы не обидеть - очень уж остер был язычек у них). Но калям приходилось иногда переносить и унижения. "Пойкор", например, наблюдавший за порядком на свадьбе,[1] объявлял пришедшим калям, что, к большому огорчению, им придется не-

---

1. В каждом квартале имелся, как известно, свой квартальный имам, отбывавший местные требы и руководивший молитвами правоверных, имелся аксакал, наблюдавший за порядком в общине, представляемой коллективом квартала и называемой древним словом "куп" (сравнить славянское "скупщина", "вкупе", перешедшее в среднеазиатские турецкие языки, в форме "куб", "коп", - много, очень) - община. Интересно, что в последнем смысле это слово уцелело еще и в бухарском говоре: "куп мехохад" - "общество желает"... и пр. Устраиваемое пиршество, угощение на свадьбе и пр. рассматривалось (как в Ягнобе, например) не как личное дело или удовольствие устроителей, но как

много посидеть на улице, так как весь дом переполнен и больше нельзя поместить. Приходилось ждать некоторое время на улице.

Как сказано выше, кали не любили работать и предпочитали просить милостыню. В этом отношении они были большие специалисты. Без всякого стеснения они подходили и требовали от различных торговцев милостыню деньгами, пищей и пр.: "Раз бойбачи с Регистана просят у тебя, как ты можешь не подать им?" И торговец, чтобы отделаться от приставания и скандала, спешил подать. Каль, заметив зажиточного поселянина, приехавшего в город, или человека, купившего себе новый халат, обязательно ходил за ним по пятам, приставая до тех пор, пока жертва не теряла терпения и не подавала ему милостыню.

Но ко всему этому кали отличались еще тем, что очень любили сказки и славились как мастера их рассказывать. Во время ночей веселого месяца Рамазана наиболее искусные из них выступали во время ночного базара в качестве сказочников. Такой сказочник начинал громким голосом свою сказку или рассказ, и праздная толпа охотно останавливалась кругом, слушала и подавала мелкие монеты.

Кали рассказывали сказки и друг другу, может быть сами в продолжение многих веков прибавляли, присоединяли свои варианты, создавали новые сказки. Во всяком случае, их связь со сказкой несомненна. И не отсюда ли и вытекает образ ловкого каля-плешивого, выведенного в целом ряде среднеазиатских сказок, надувающего всех и добивающегося счастья и богатства.

В настоящее время, по словам бухарцев, калей в Бухаре больше нет. Причиной этому были следующие два обстоятельства. Во-первых, благодаря появлению русских докторов прекратилась их болезнь и, вместе с тем, весь процесс образования калей: "Не только благодаря даваемой докторами мази стали проходить язвы на голове, но на месте вылеченных болячек стали расти прекрасные густые волосы" - рассказывали бухарцы. А, во-вторых, прежние старые кали, после свержения власти эмира в 1920 году нашли, что оставаться им в Бухаре не выгодно, и разошлись по разным другим городам и селам.

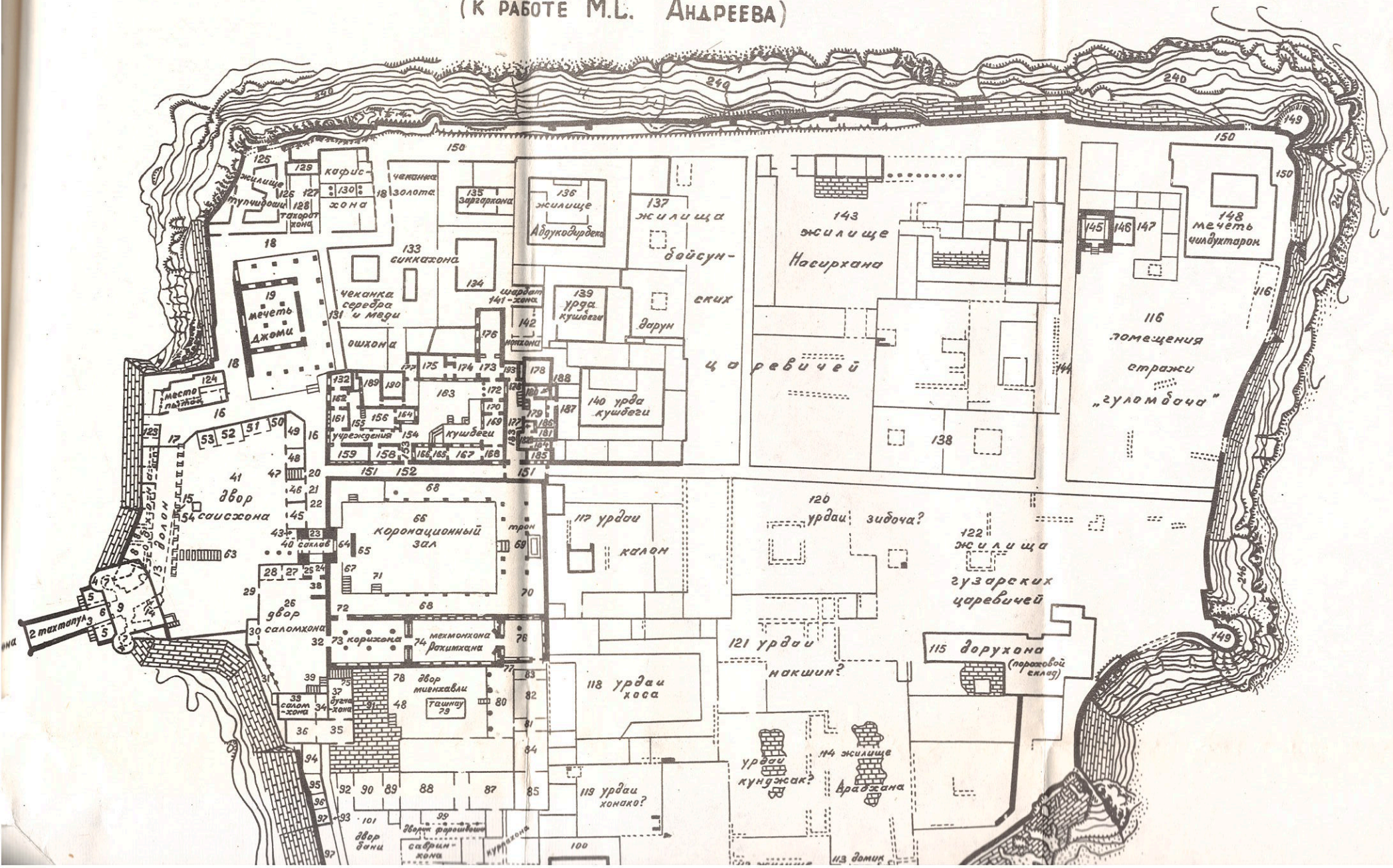
(продолжение прим.I со стр.I4I):
акт, который они обязаны сделать для общества, общины ("куп"), каждый из членов которой, по мере возможности, делает это и должен делать в отношени других. Поэтому при свадьбе мы наблюдавм появление аксакала квартала("гузар"), который садится у котла с пловом и все время следит за распределением плова по блюдам и, в особенности за наделением мясом. Он же заказывает, сколько и когда нужно сварить пищи, подсчитывает возможное количество гостей и т.д. "Нойкор" - гонец, агент для поручений, состоящий при аксакале квартала, является поэтому также необходимым лицом и участником свадьбы.

Рис. 5. Общий вид центральной части арка со входными воротами в начале XIX в.

СВОДНЫЙ СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

БУХАРСКОГО АРКА

(К РАБОТЕ М.С. АНДРЕЕВА)

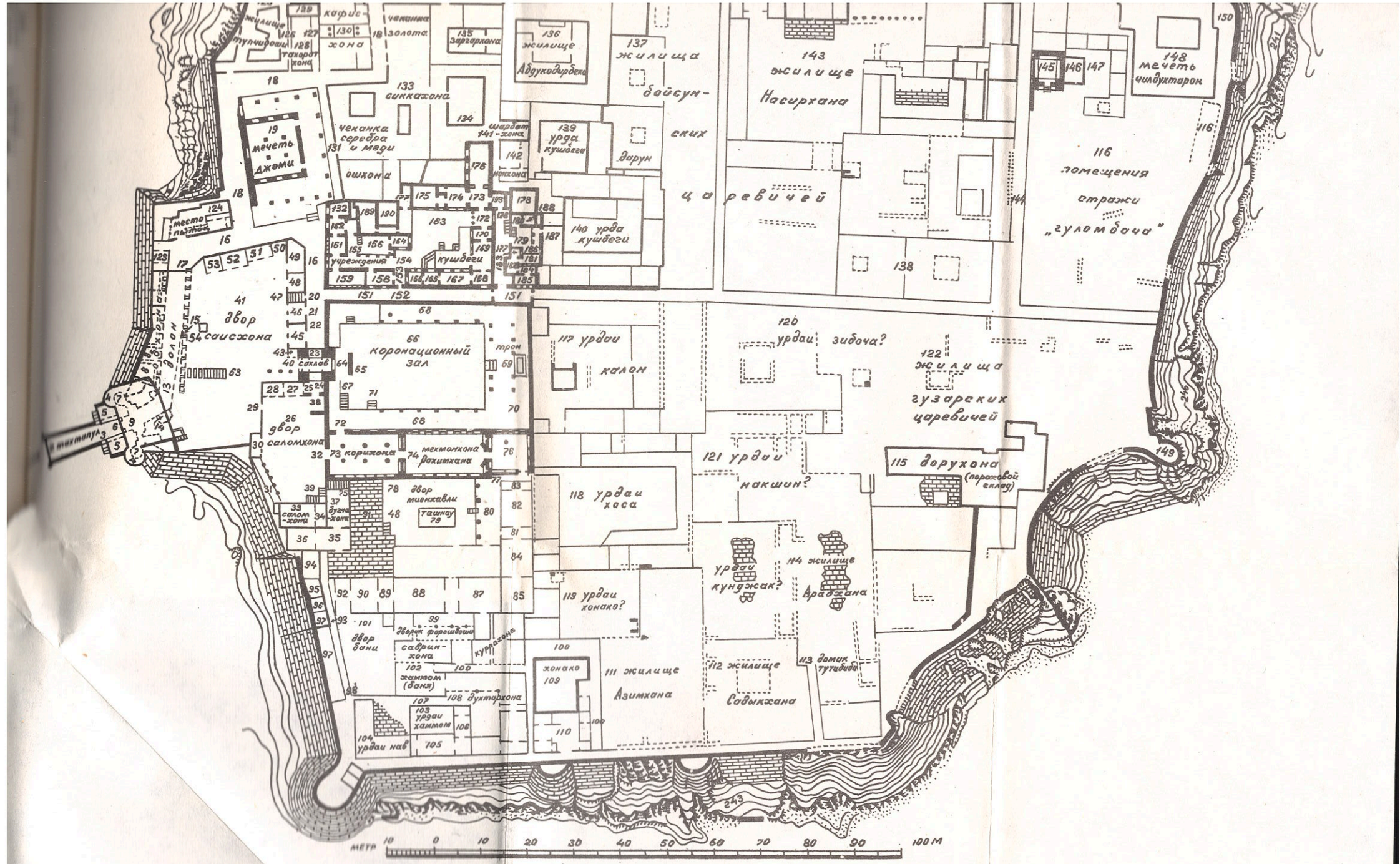
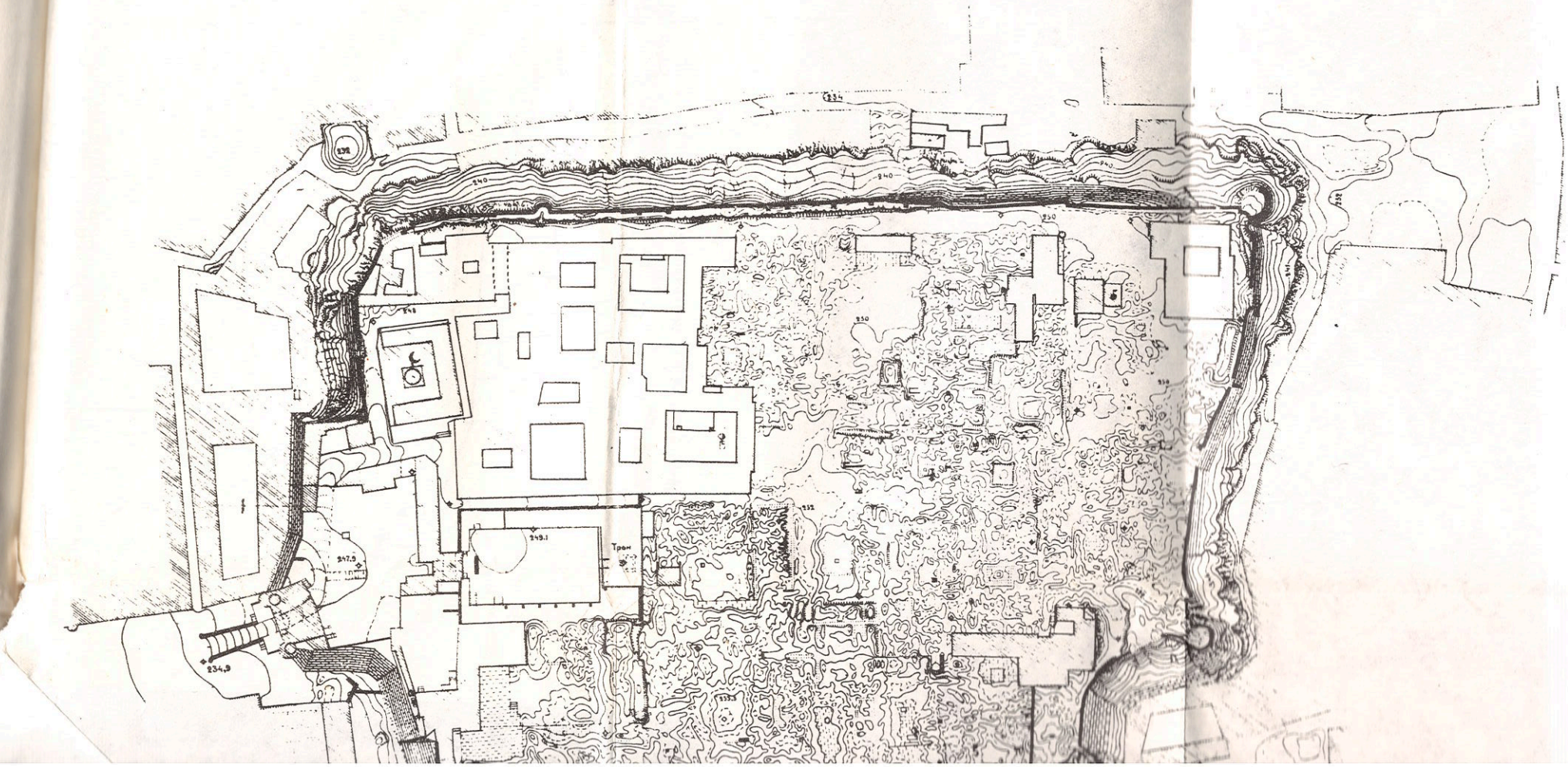

двор соисхона
двор саломхона
коронационный зал
трон
двор мижгавли
двор дани
двор Азимхана
Садыкхана
Арабхана
Насирхана
Абдукодирбека
мечеть Джами
мечеть чилдухтарон
гузарских царевичей
„гуломбоча"
бойсунских царевичей
(парковой склад)
МЕТР
0
10
20
30
40
50
60
70
80
90
100 м

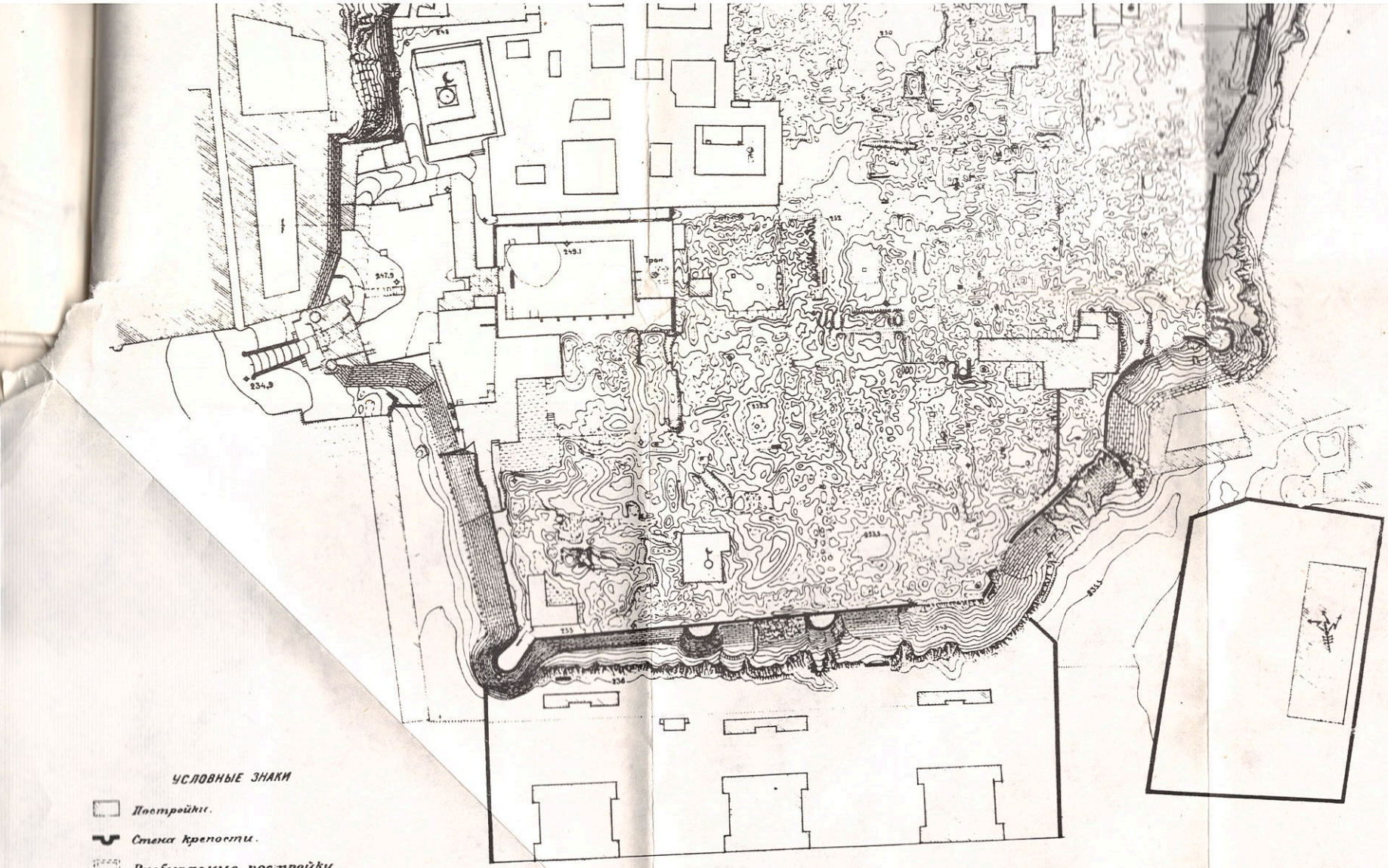
Рис. 1.

ПЛАН

АРКА

г. СТАРОЙ БУХАРЫ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Постройки.
- Стена крепости.
- Разбираемые постройки.
- Остатки стен построек.
- Следы стен. ,,
- Площадки, вымощенные кирпичем.
- Нивелиров. марки.
- Стены и заборы.
- Бревна.

1:1000

метр 0 5 10 20 30 40 50 60 70 метр

Примечание: Сечение горизонталей внутри Арка через 0,5 метра.
,, ,, на внешней стене через 1 метр.

Рис. 2

Съемку, нивелирование и топографическое оформление произвели в 1927 г. Васильев, Шапорин и Брем.

ПЛАН ВТОРЫХ ЭТАЖЕЙ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АРКА

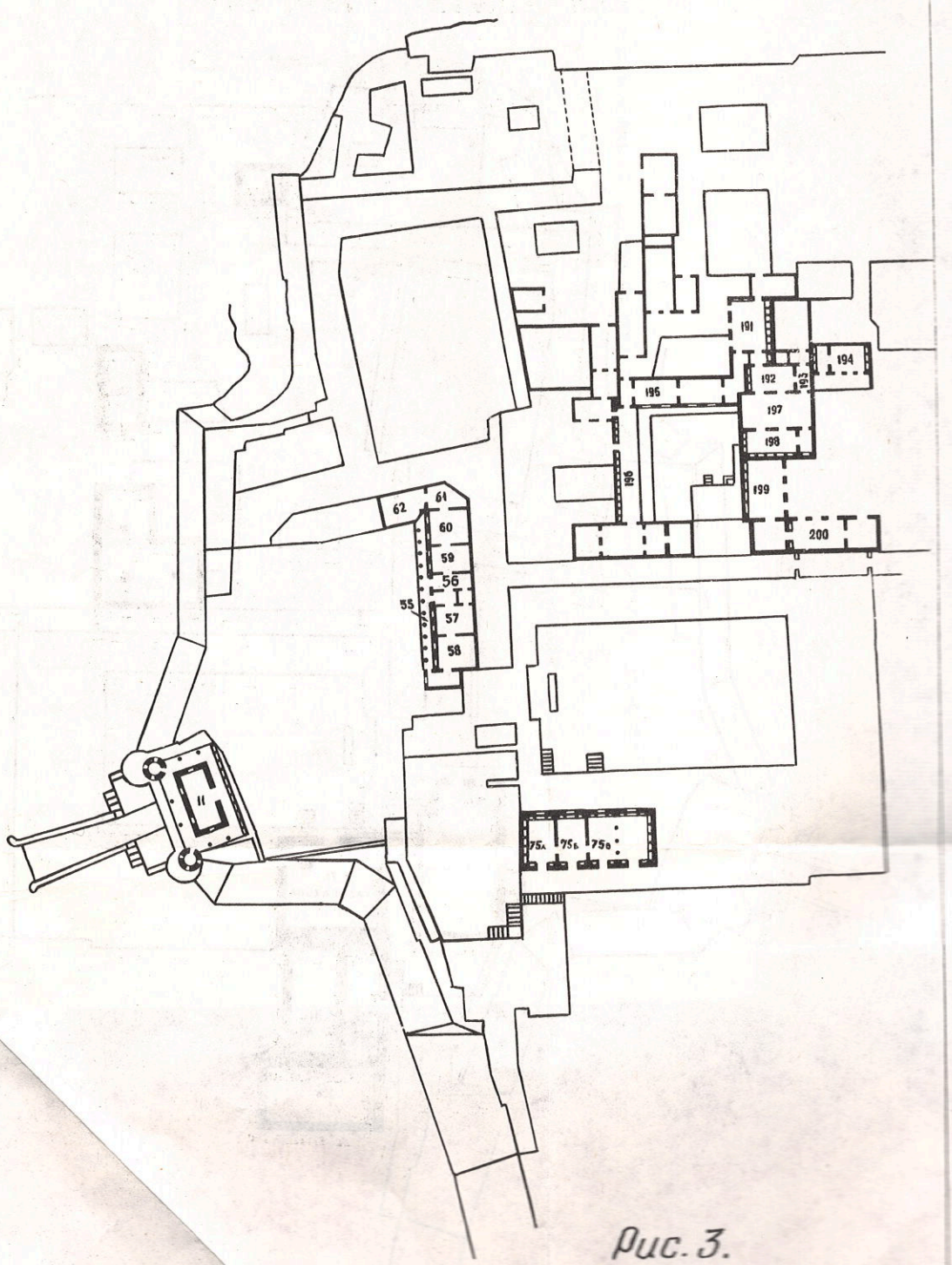

Рис. 3.

ПЛАН ПОДВАЛОВ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АРКА

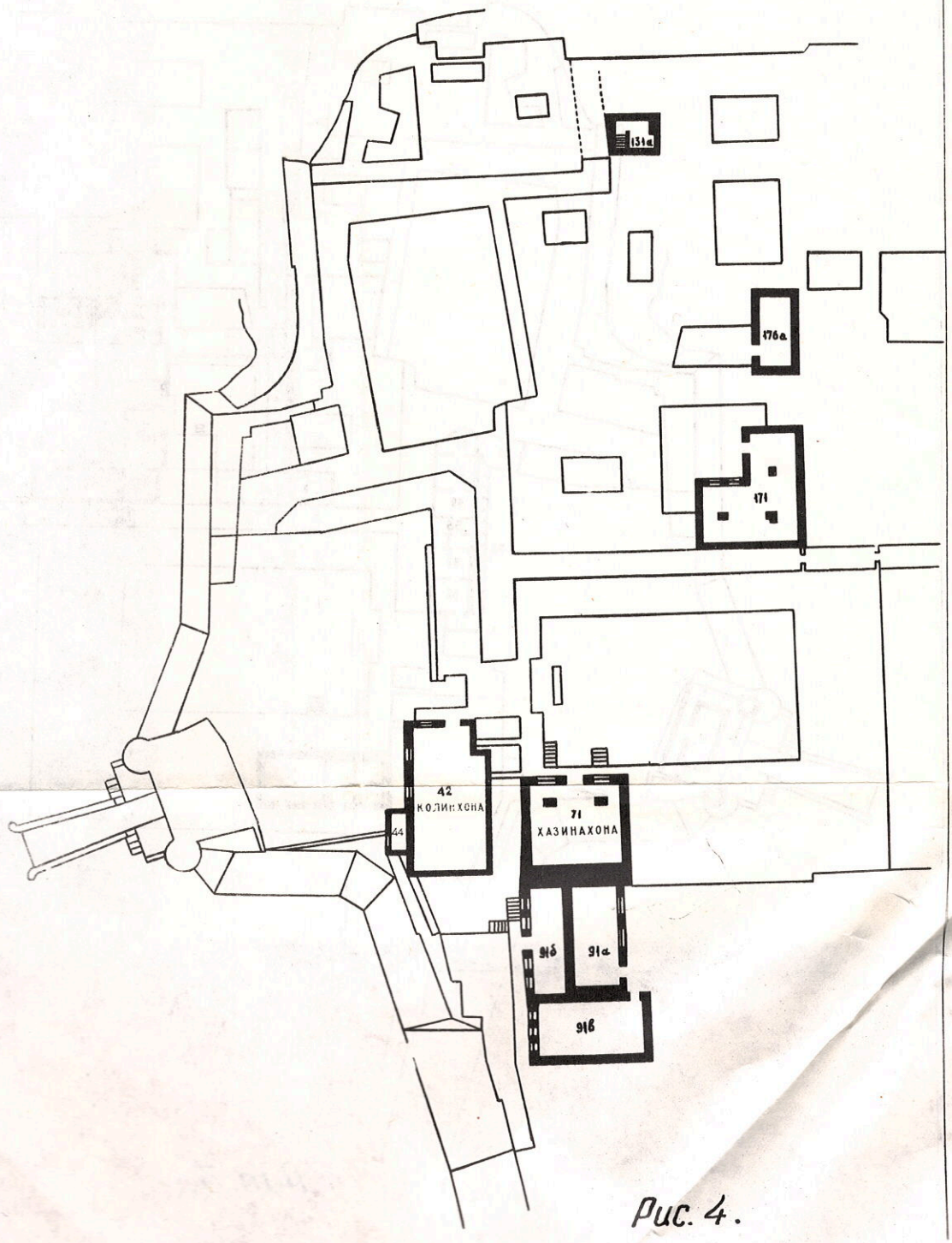
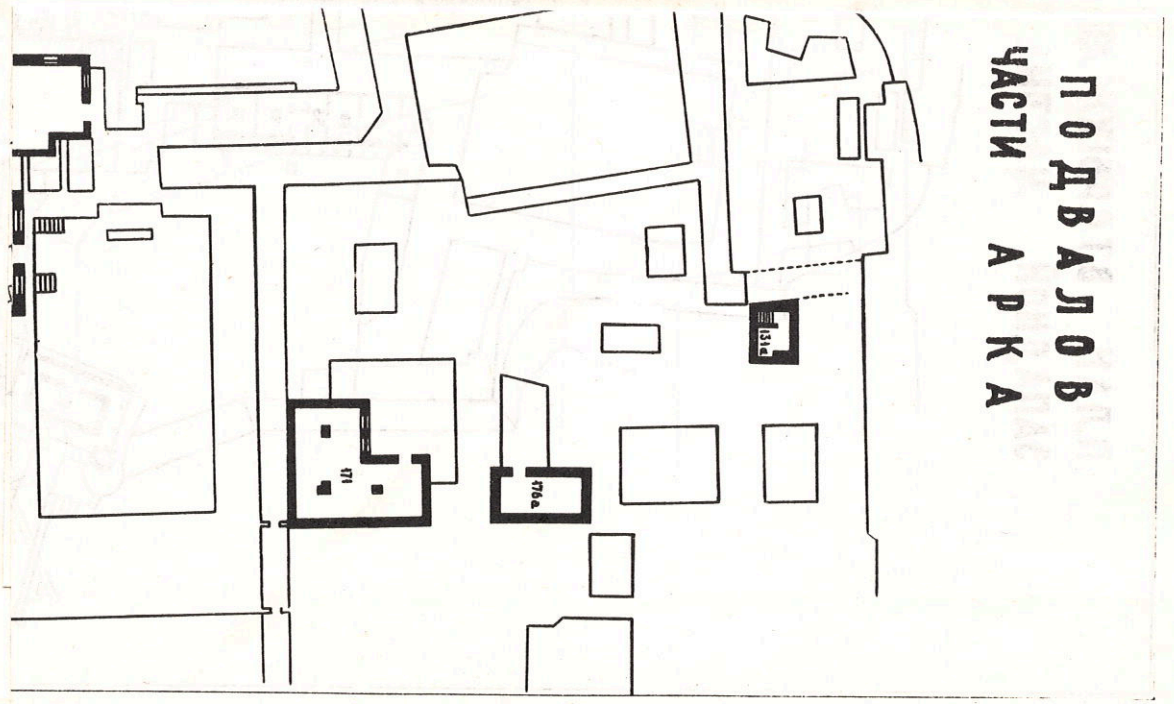

Рис. 4.

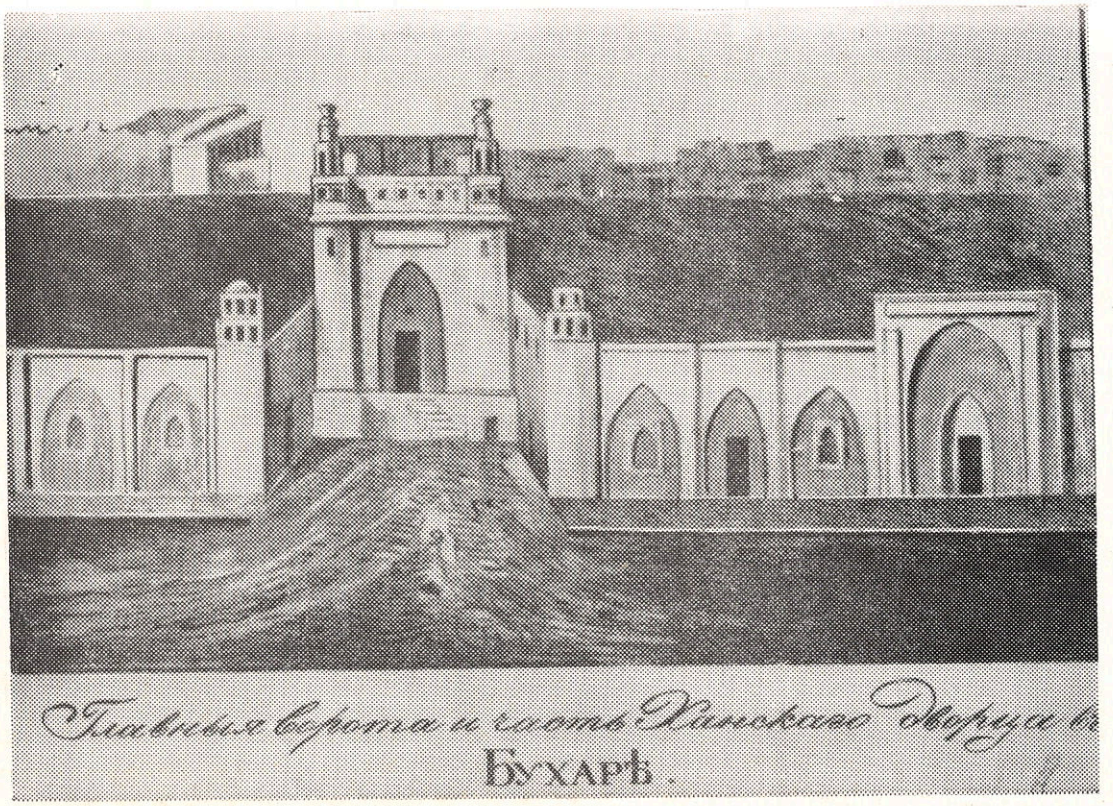

Рис. 5. Общий вид центральной части арка со входными воротами в начале XIX в.

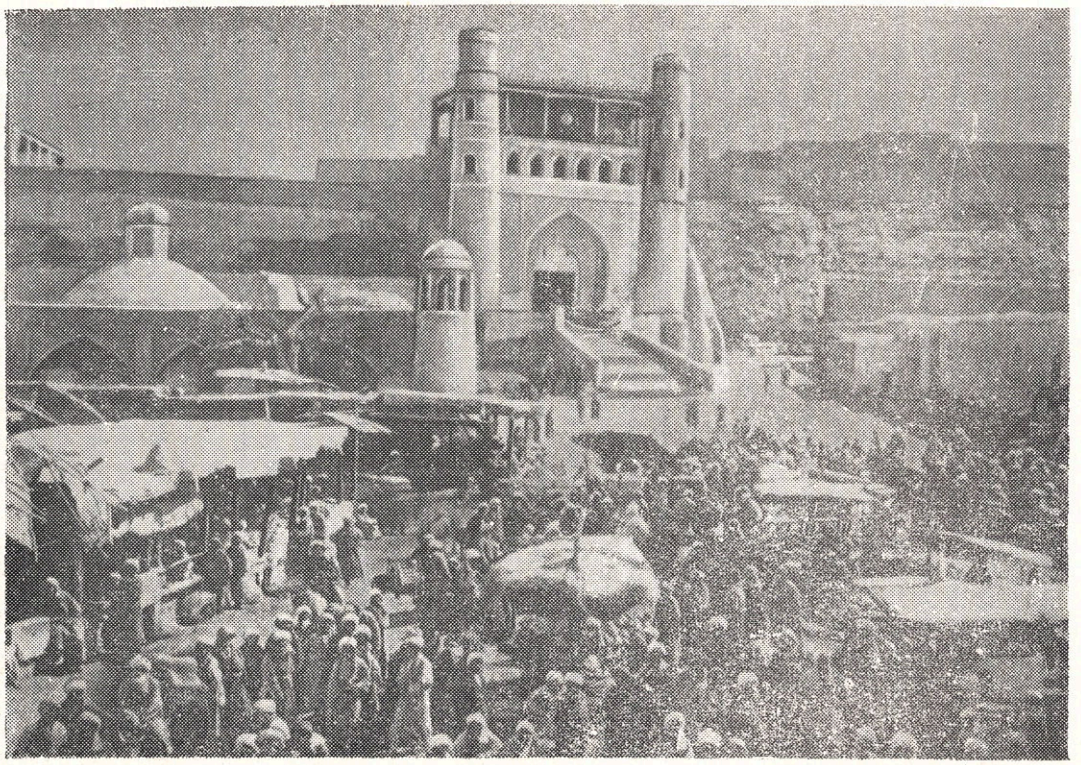

Рис. 6. Общий вид арка и часть площади Регистан перед ним в конце XIX—начале XX вв.

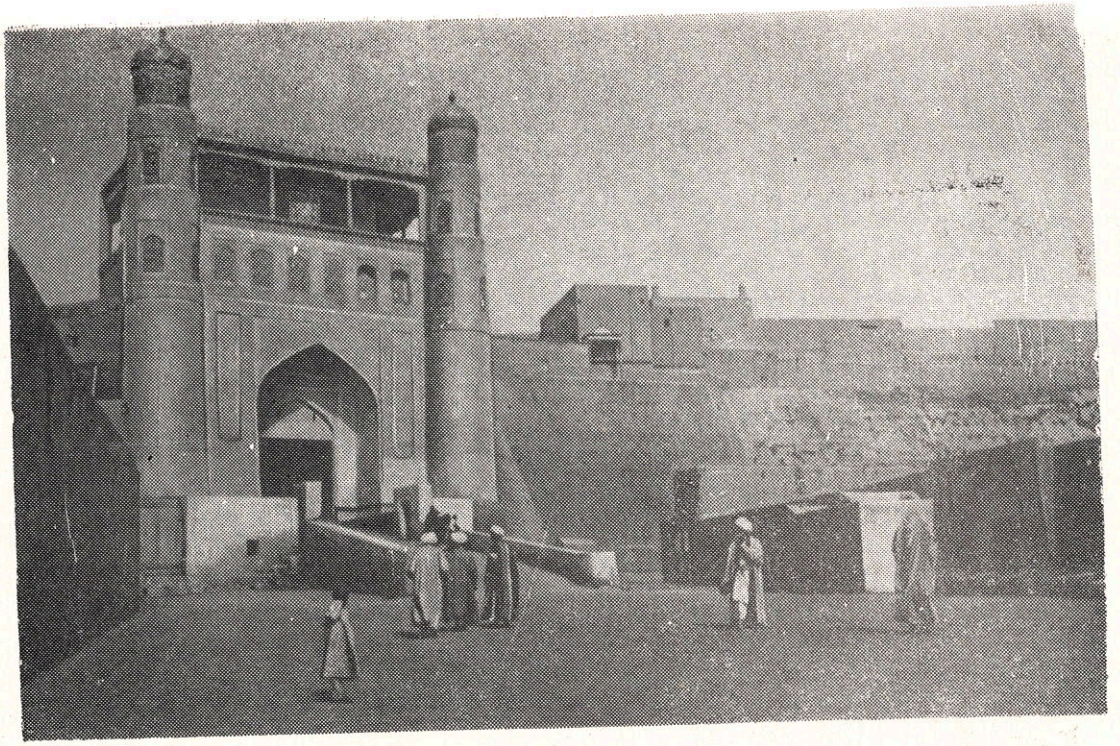

Рис. 7. Общий вид арка в первые десятилетия после революции.

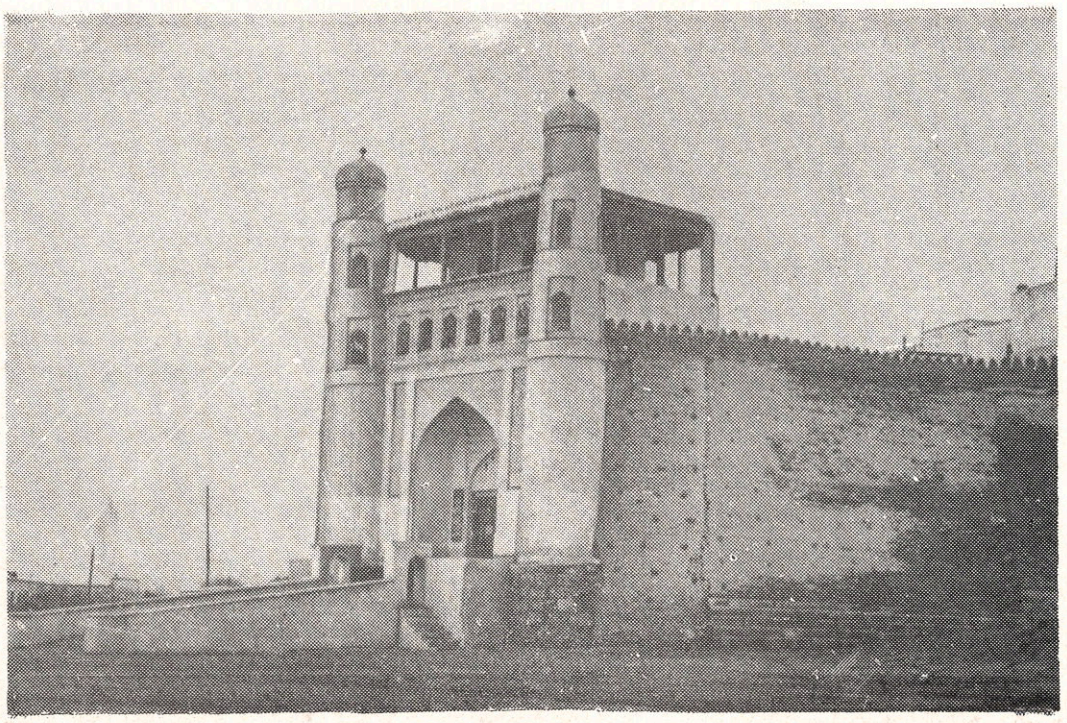

Рис. 8. Общий вид арка, в котором находится Бухарский музей, в 1962 г.

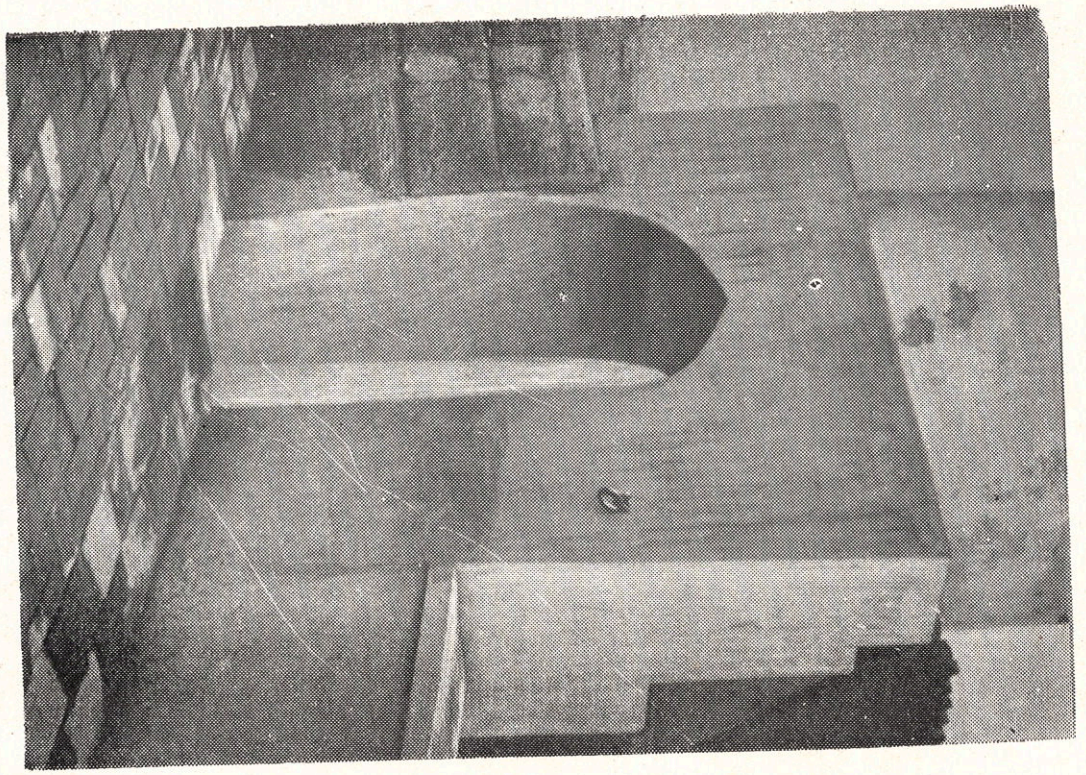

Рис. 9. Арка в боковой южной стене пандуса, ведущего к входным воротам.

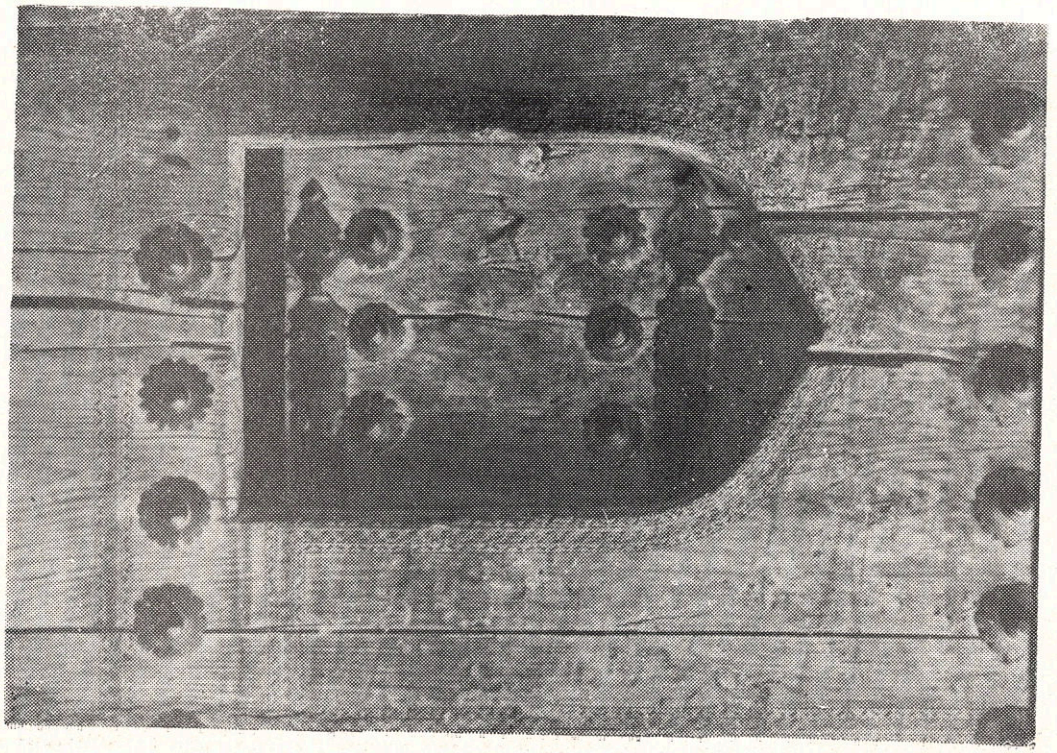

Рис. 10. Небольшая дверка в южном полотнище ворот арка.

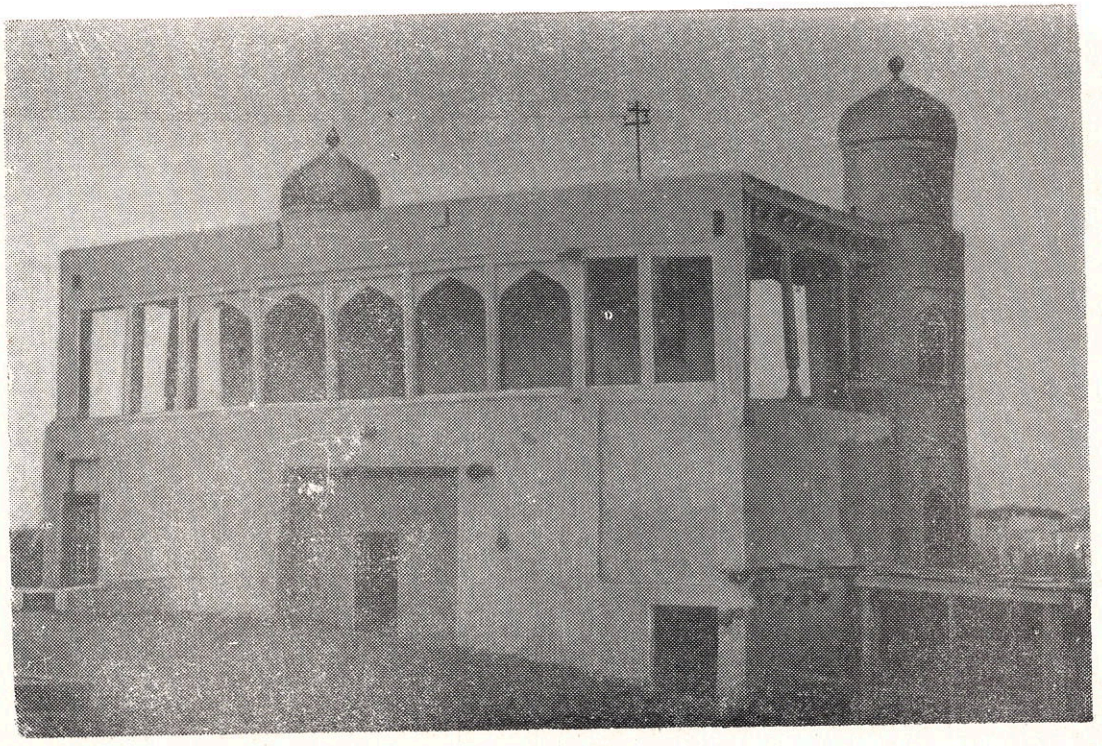

Рис. 11. «Нагорахона»— сооружение над входными воротами арка. Вид со двора «сансхэна».

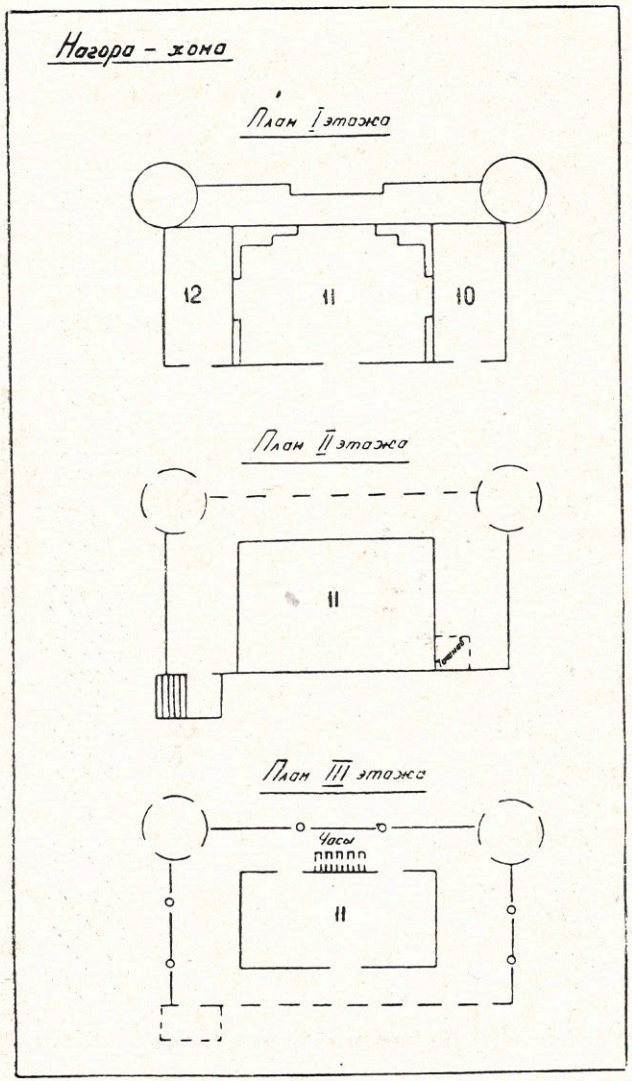

Рис. 12

Рис. 13. Барабан «нагора».

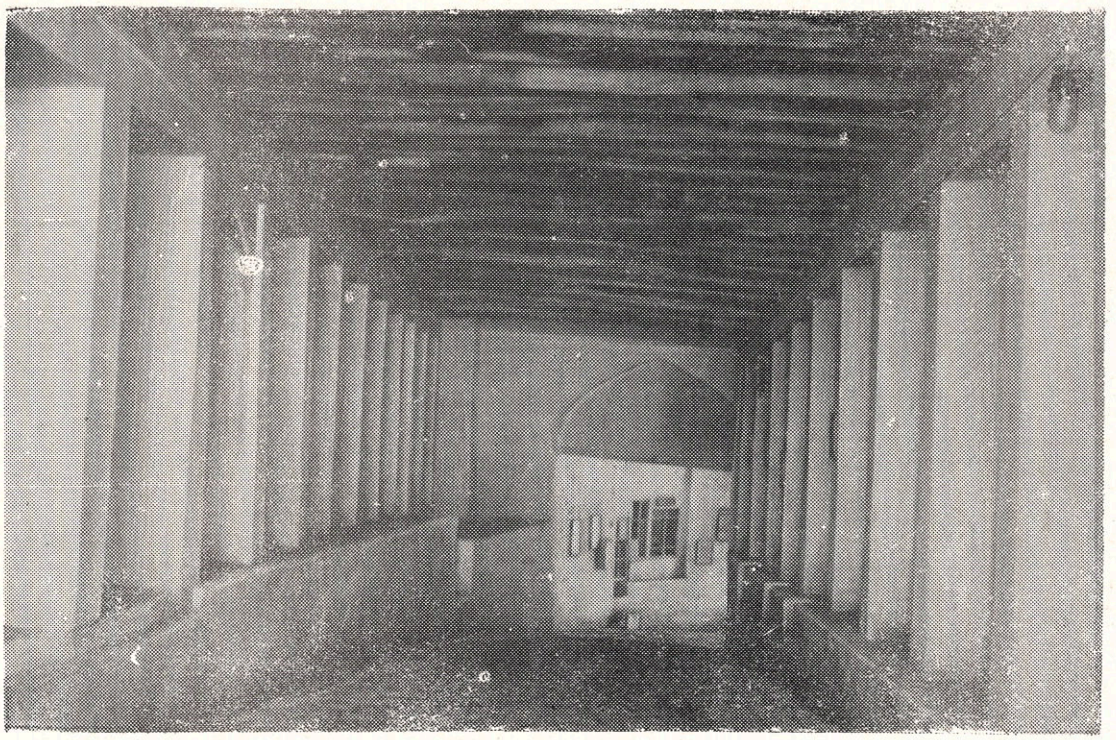

Рис. 14. «Долон»— проход от ворот внутрь арка.

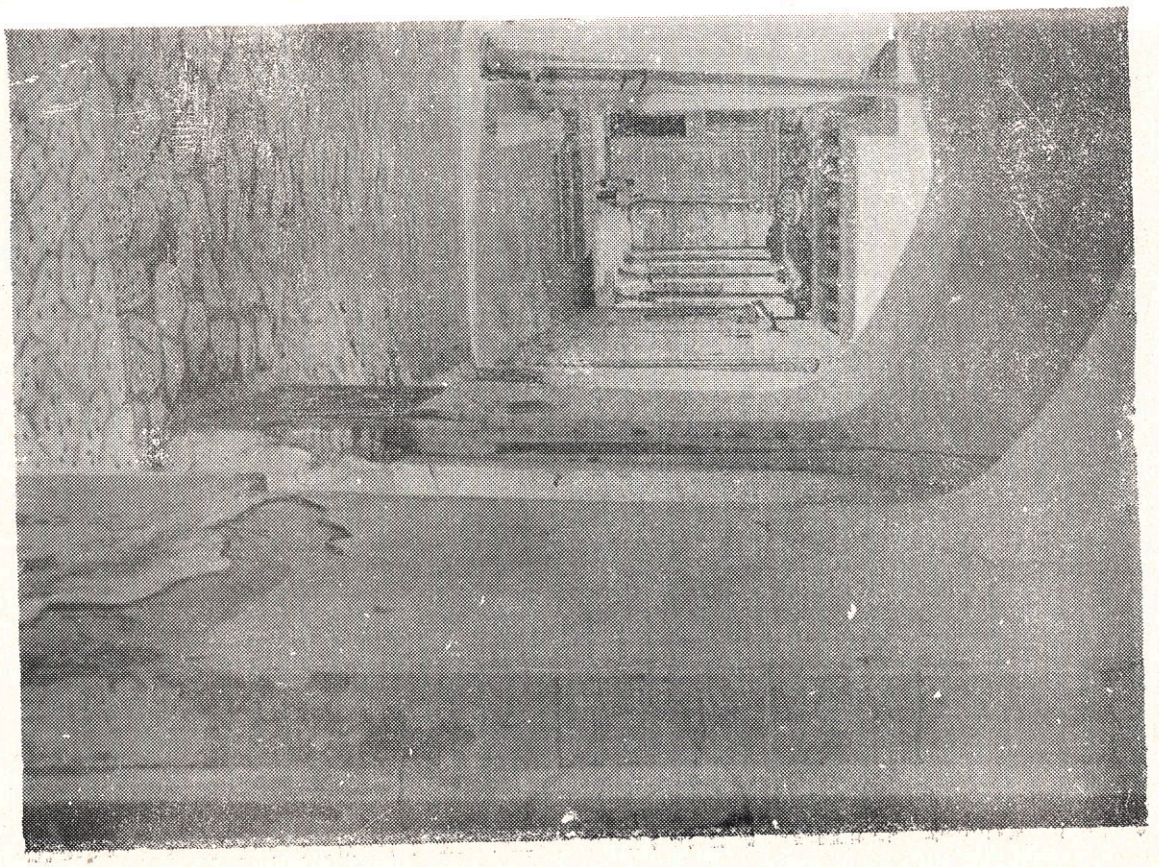

Рис. 15. Часть улочки от кутсла «саклав» до мечети Джоми в арке.

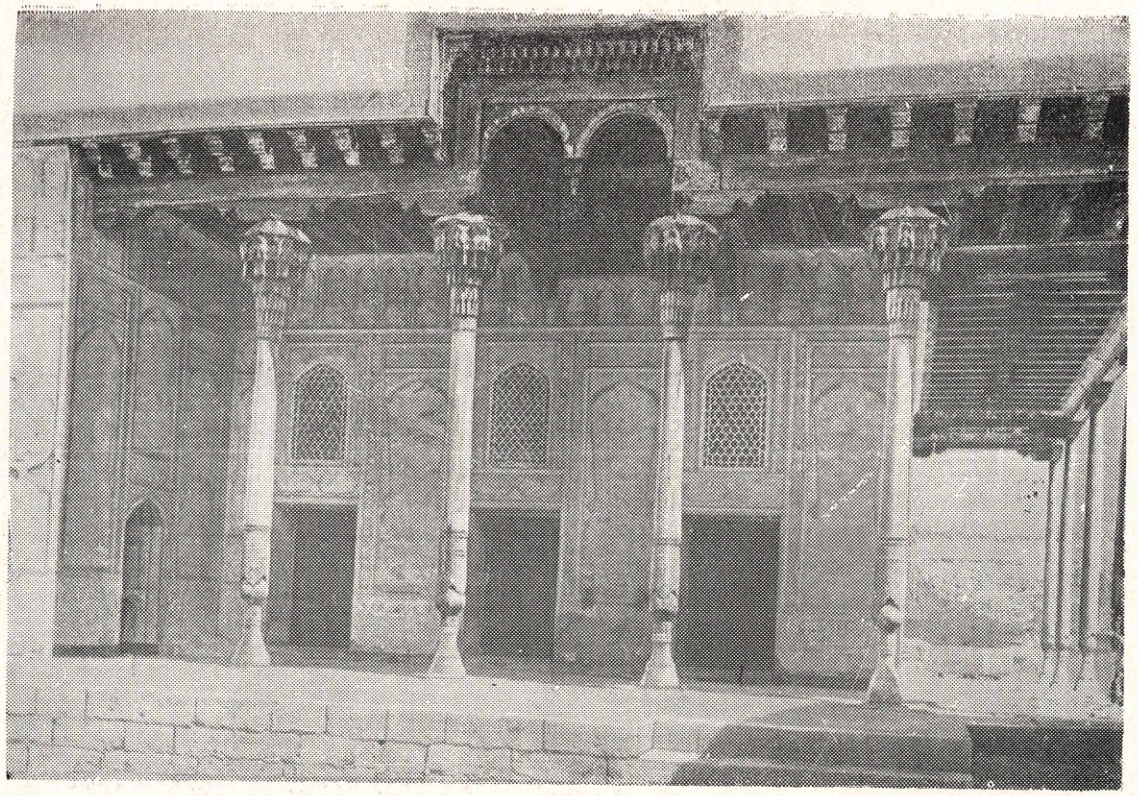

Рис. 16. Мечеть Джоми в арке. Южный и восточный (справа) айваны.

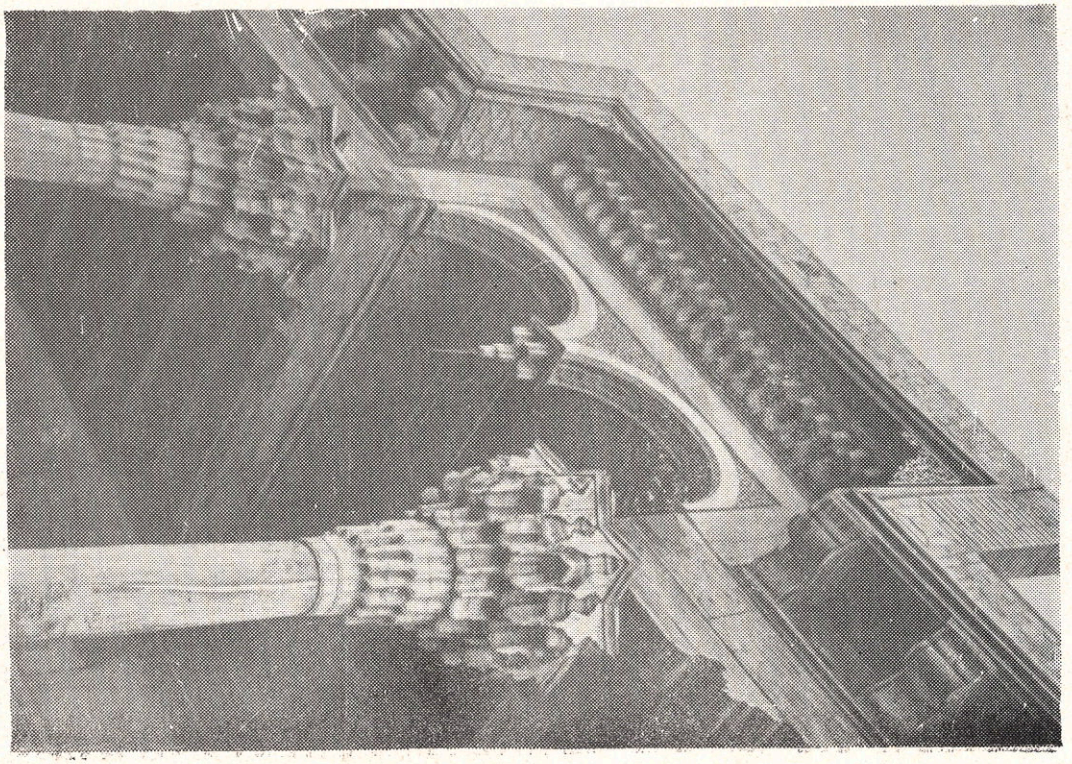

Рис. 17. Сталактитовые капители колонн южного айвана мечети Джоми.

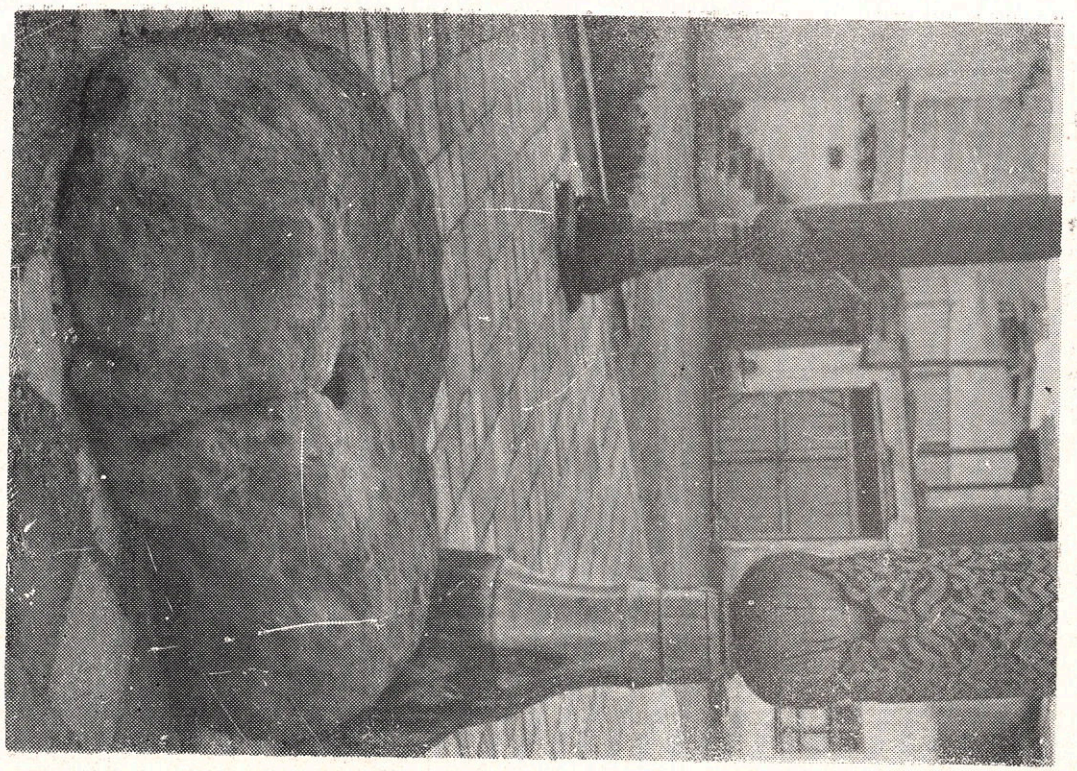

Рис. 18. Остатки Камня Рустама на айване мечети Джоми. 1962 г.

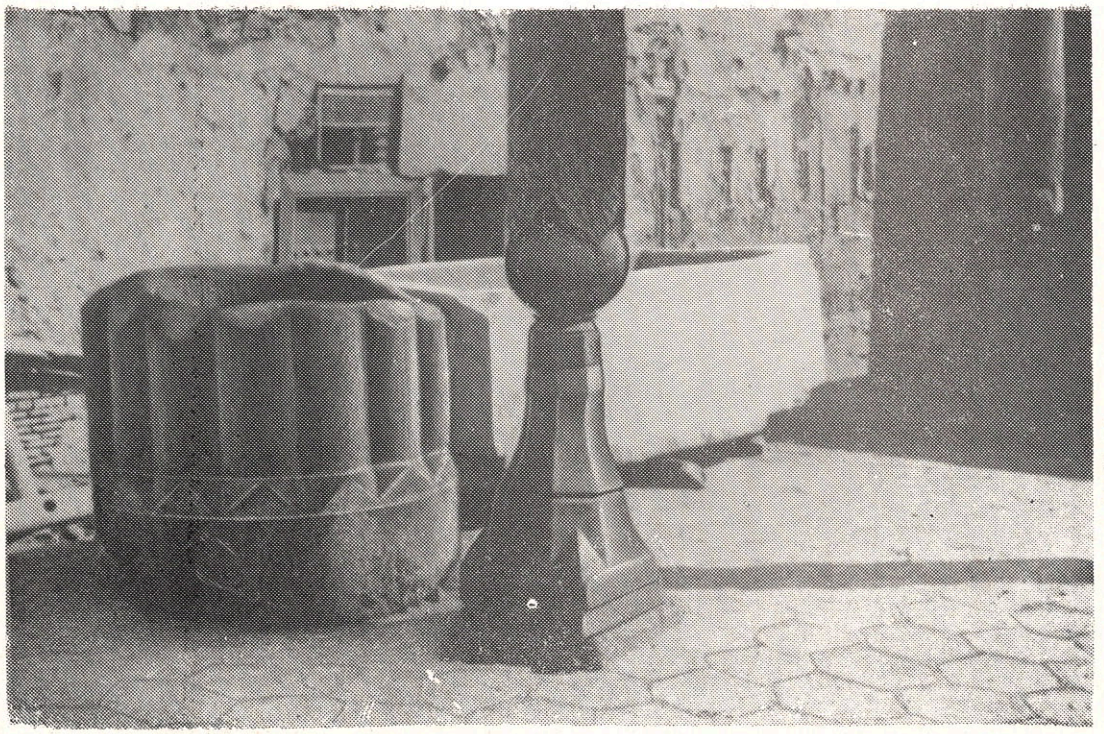

Рис. 19. Камень Рустама и Ясли Рустана на айване мечети Джоми в первые десятилетия после революции.

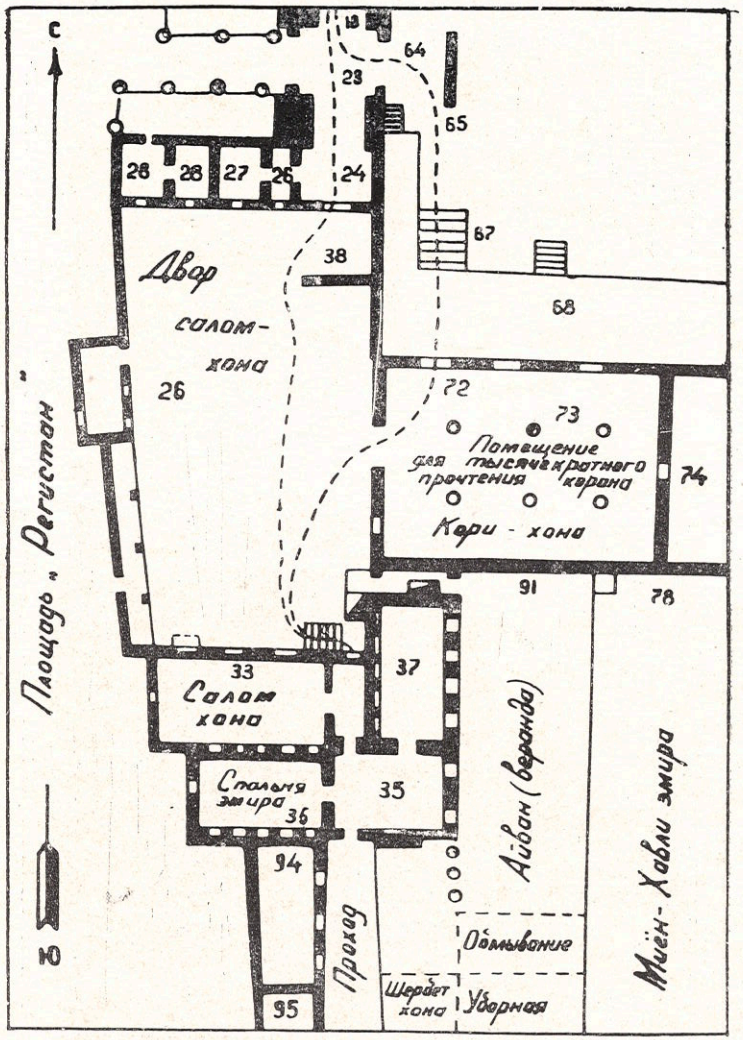

Рис.20. Схема плана западной части арка с показанием пути, по которому попадал в свои аппартаменты эмир и проходили во двор "саломхона" приближенные, представлявшиеся эмиру.

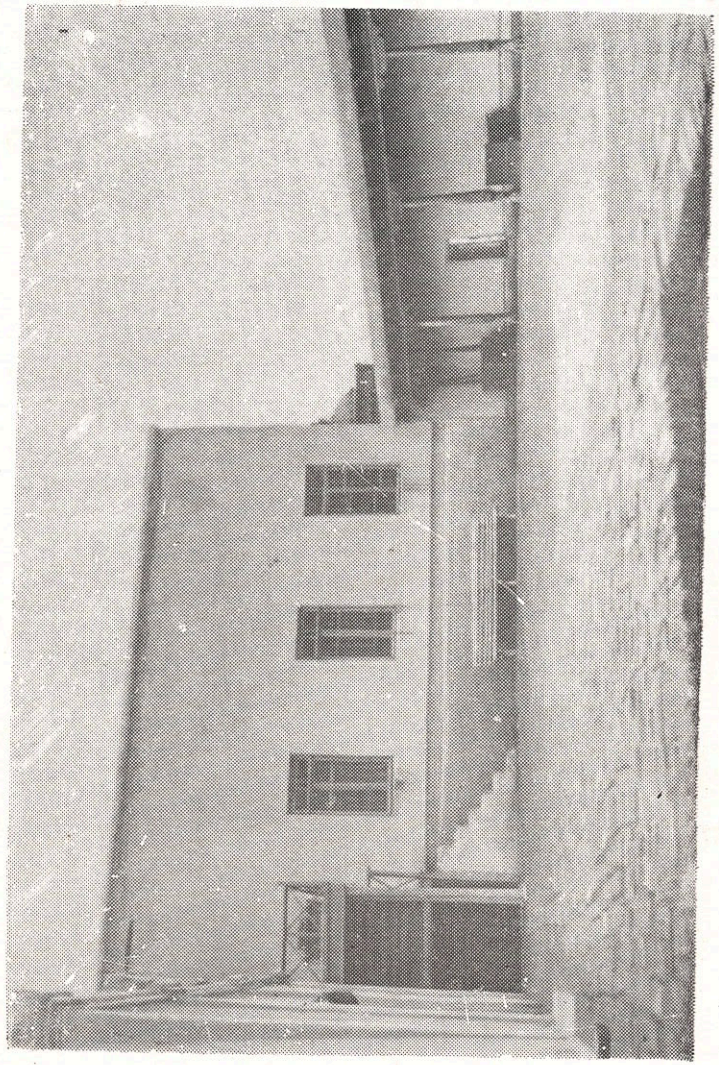

Рис. 21. Двор «саломхона».

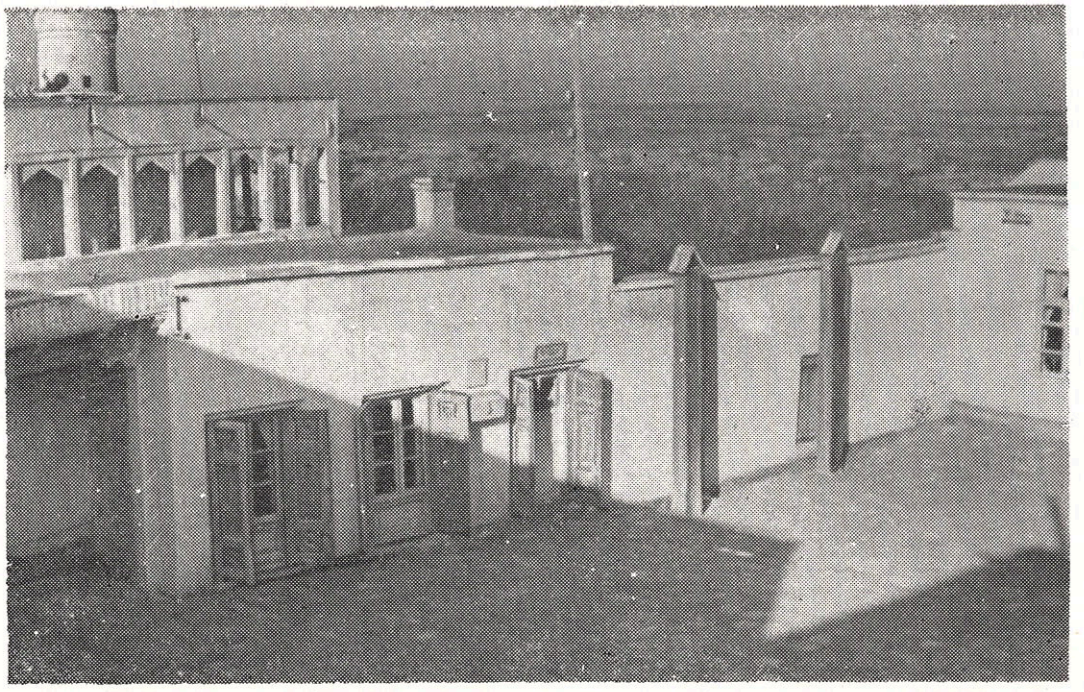

Рис. 22. Северо-западный угол двора «саломхона».

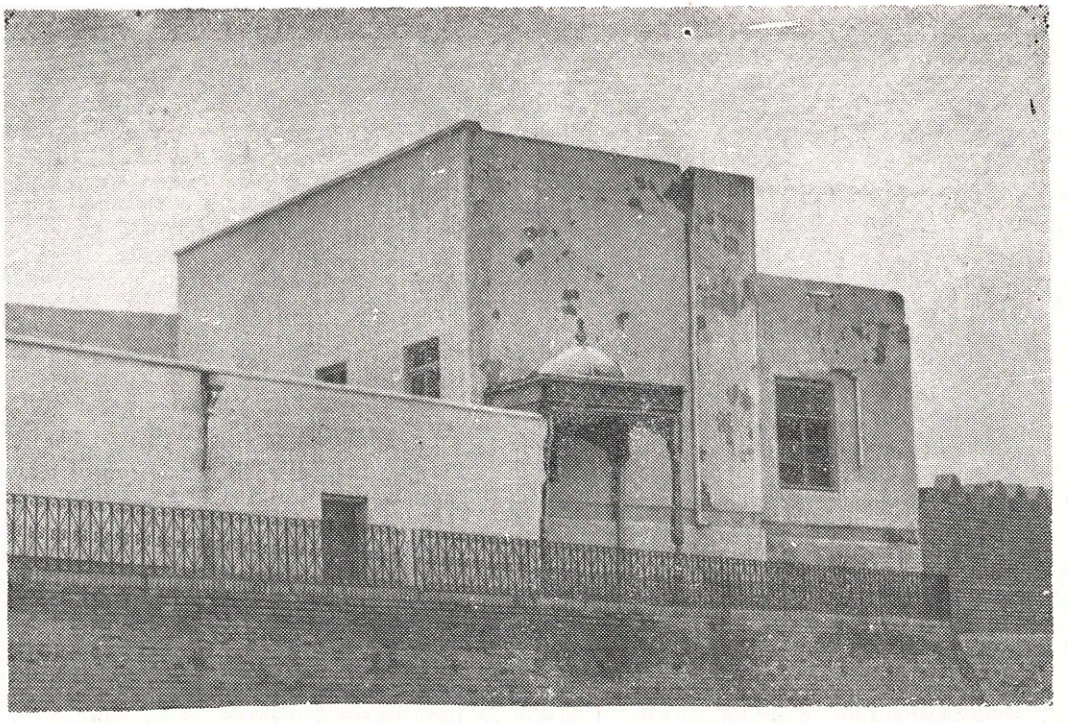

Рис. 23. Балкон с металлической ажурной решеткой по краю западной стены арка.

Рис. 24. Анонимная записка «О порядке мест в благородной Бухаре». Факсимиле.

Рис. 25. Юго-восточный угол двора «санхонаи хоса»: *а* — вход в подвальное хранилище ковров «кошинхона»; *б* — б. помещения лавочка и чайхи; *в* — помещения второго этажа над «кохинхоной»; *г* — «фаррошхона»; *д* — второй этаж над фаррошхоной — б. помещения бухгалтеров; *е* — «салонхона».

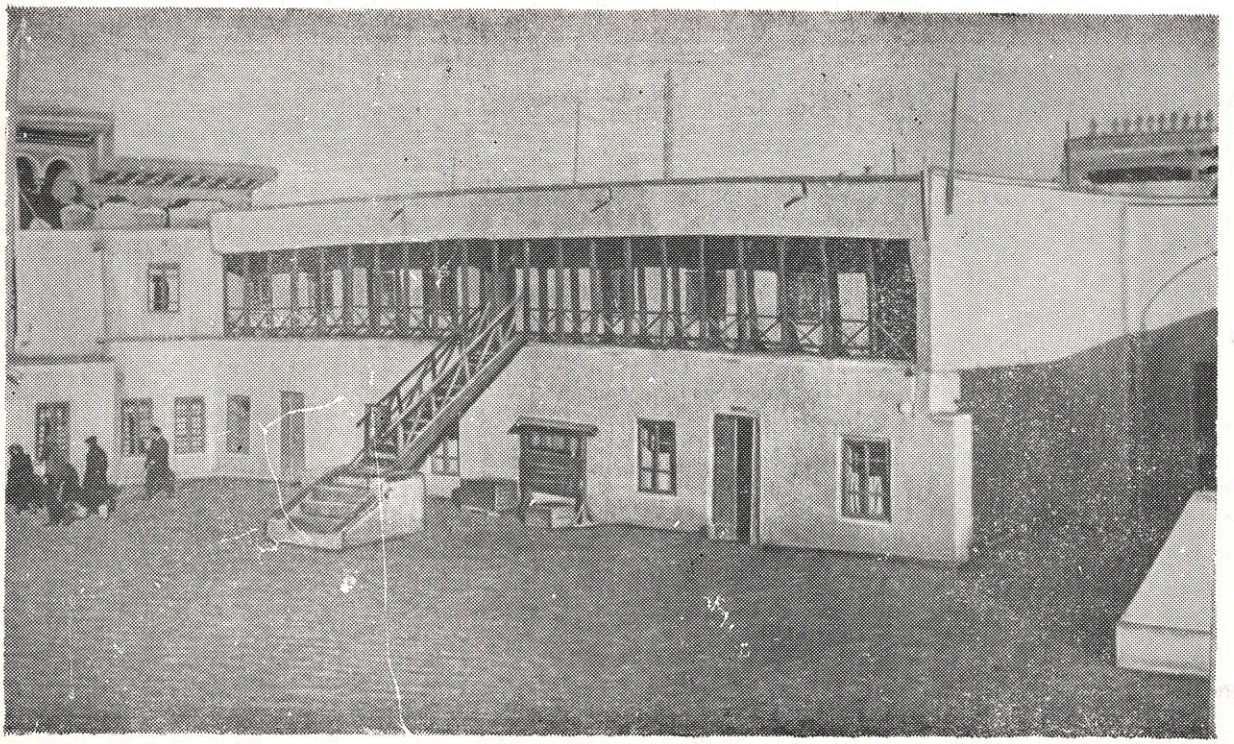

Рис. 26. Северо-восточная часть б. двора «саисхонаи хоса».

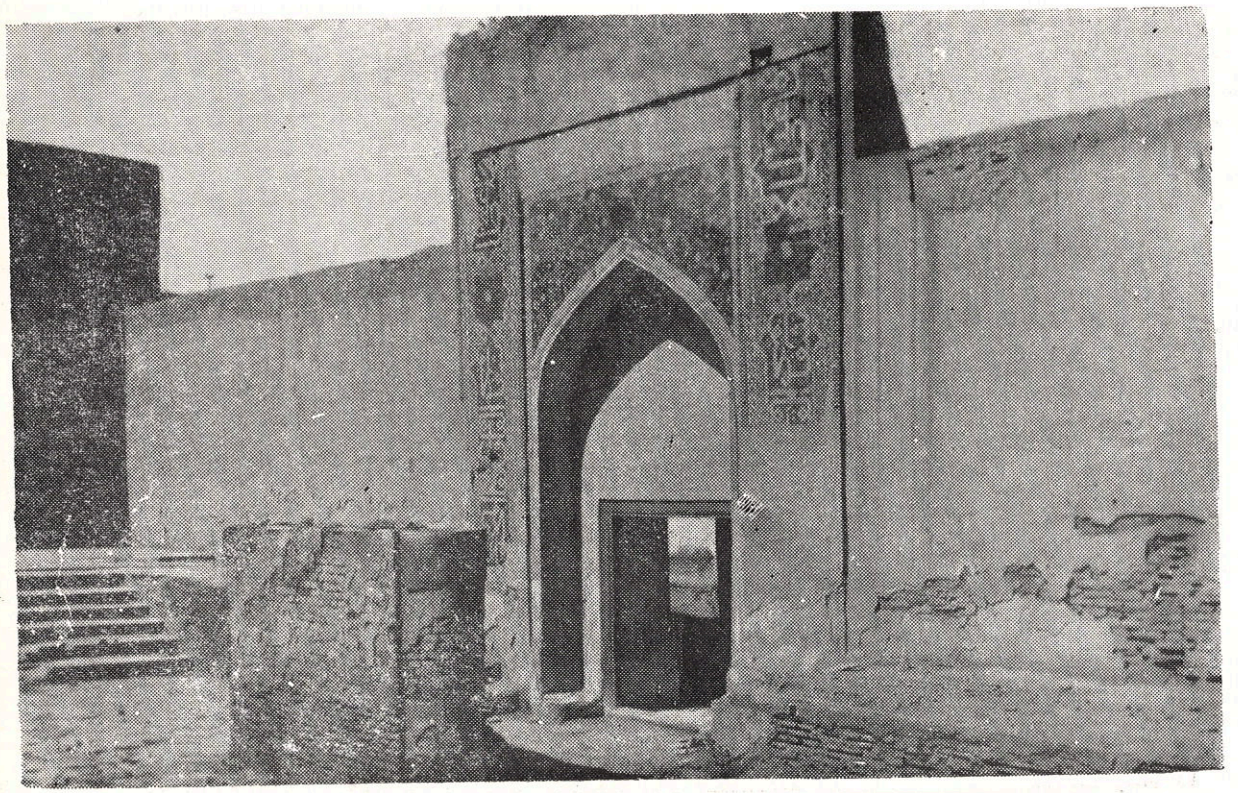

Рис. 27. Портал над входом в коронационный двор и стенка «гуломгард» перед ним во дворе.

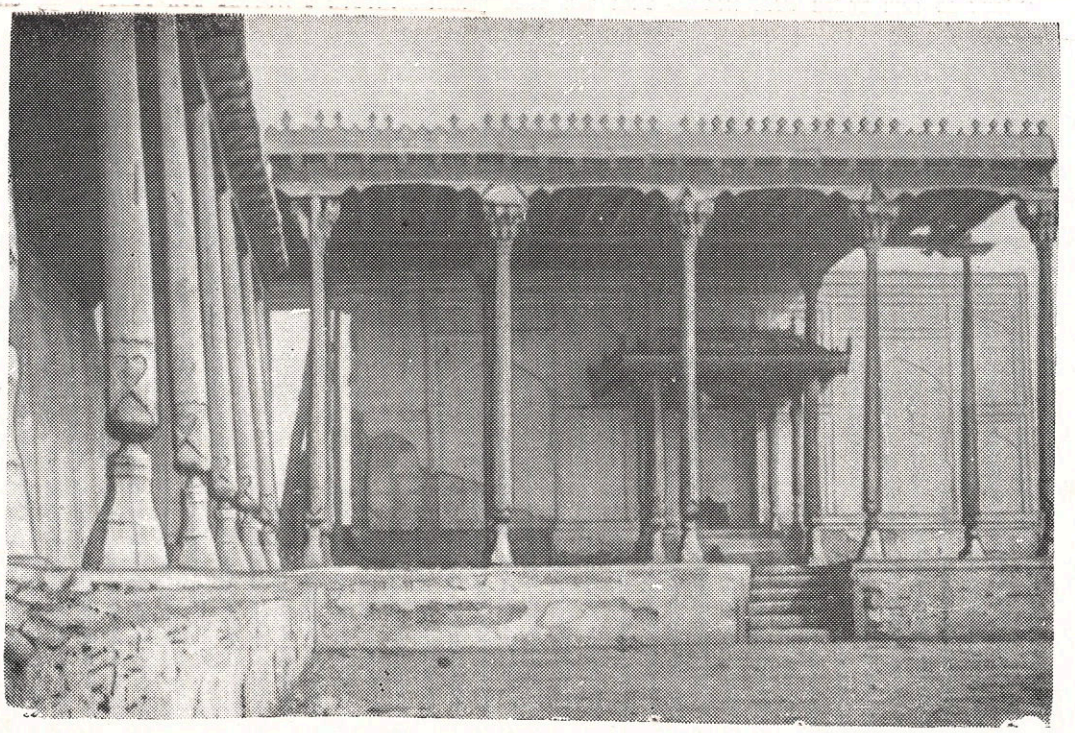

Рис. 28. Северный (слева) и восточный айваны коронационного двора с троном под балдахином.

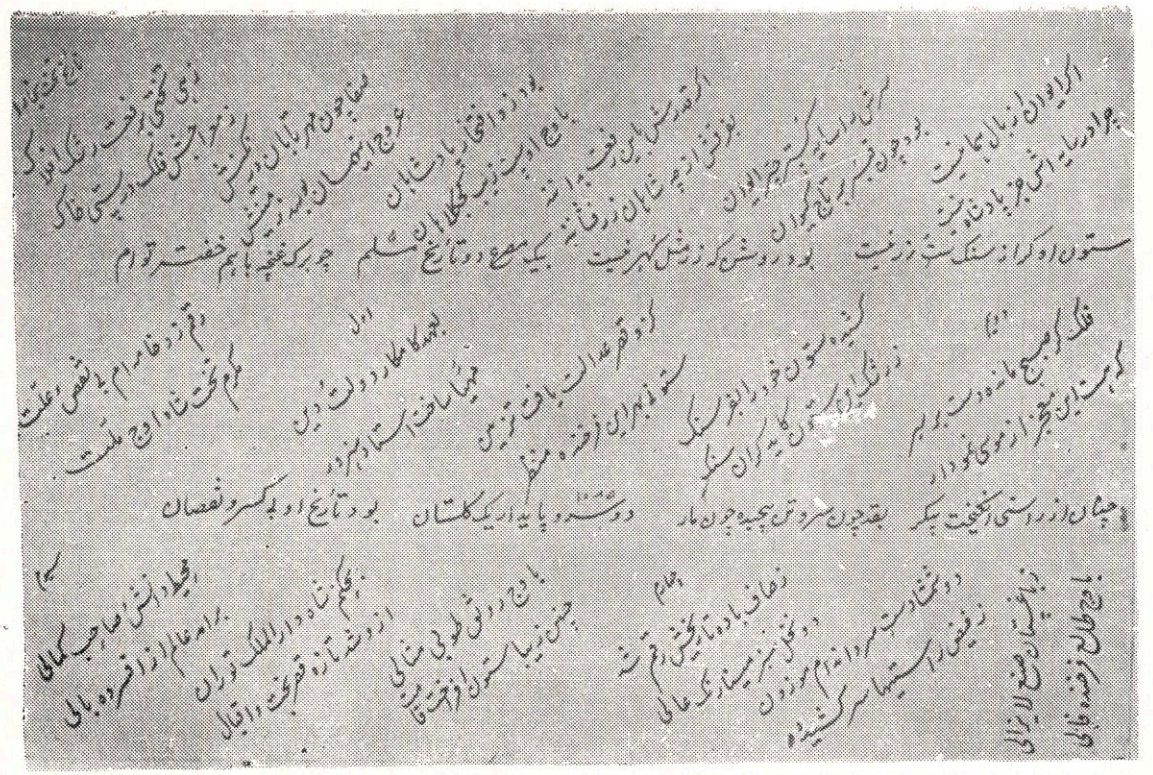

Рис. 29. Копия надписей на троне и мраморных колоннах по его углам.

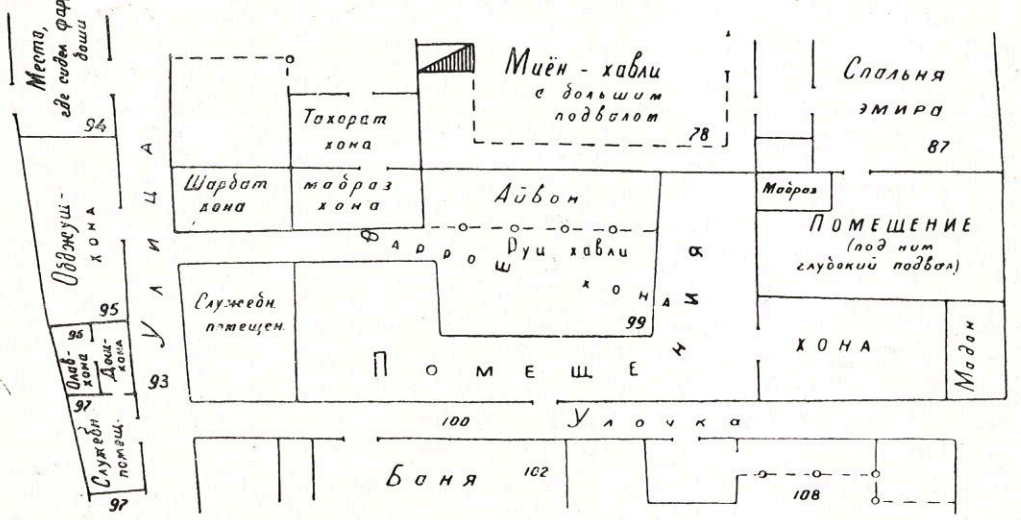

Рис. 30. Рабочий план помещений, расположенных к югу от двора "миенхавли амир"

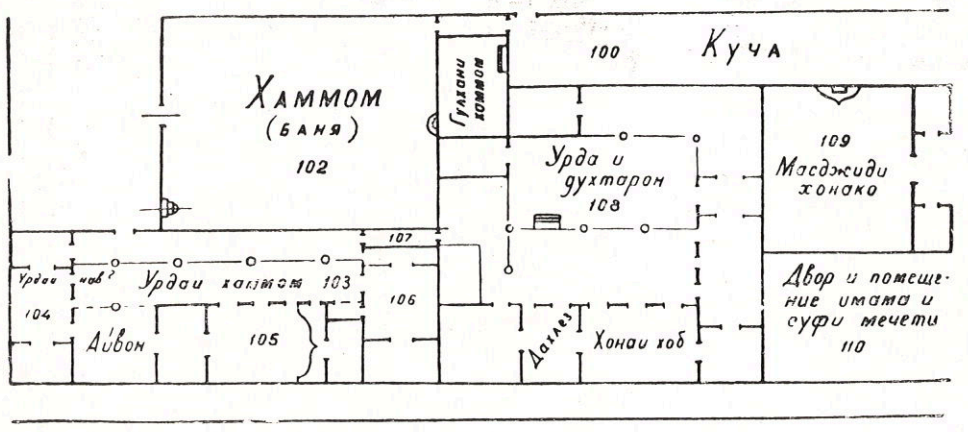
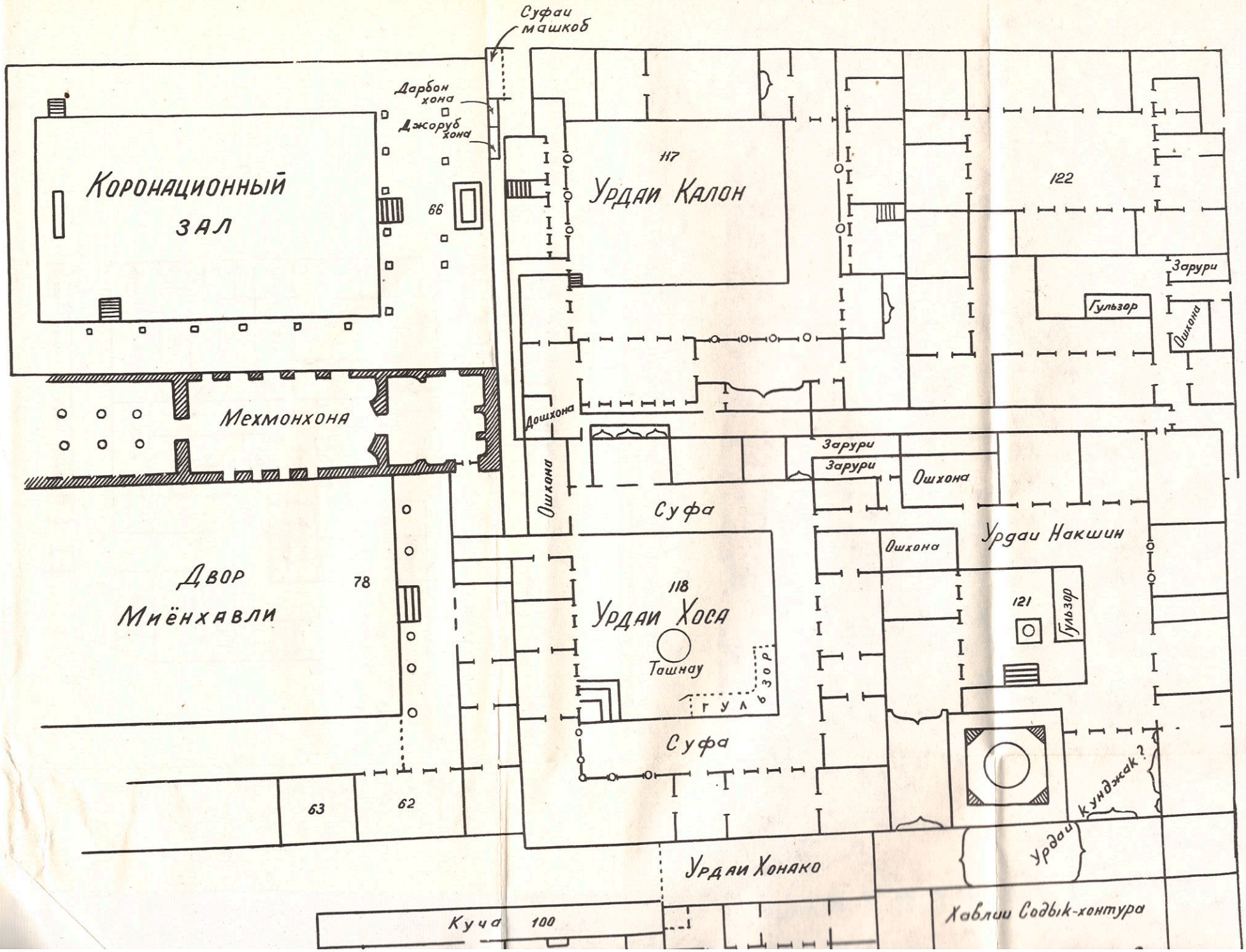

Рис 31 Рабочий план помещений в юго-западной части арка.

Суфаи машкоб
Дарбон хона
Джоруб хона
Коронационный зал
66
117
Урдаи Калон
122
Зарури
Гульзор
Ошхона
Мехмонхона
Дошхона
Ошхона
Суфа
Зарури
Зарури
Ошхона
Урдаи Накшин
Ошхона
Двор Миёнхавли
78
118
Урдаи Хоса
Ташнау
Гульзор
121
Суфа
63
62
Урдаи Хонако
Кунджак?
Урдаи
Куча
100
Хавлии Содык-хонтура

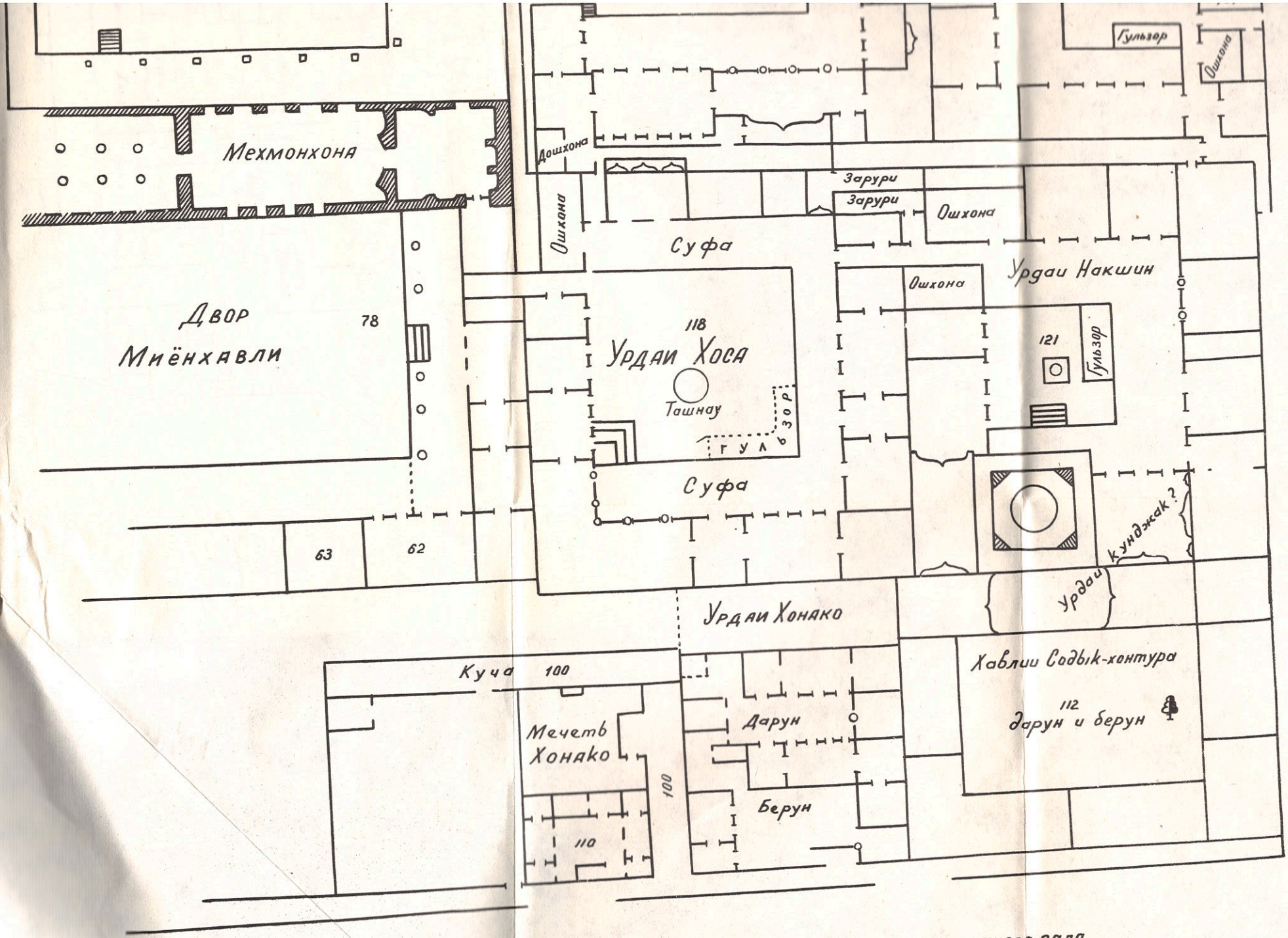

Рис.32. Рабочий план урд, расположенных к востоку от тронного зала и "миенхавли" эмира.

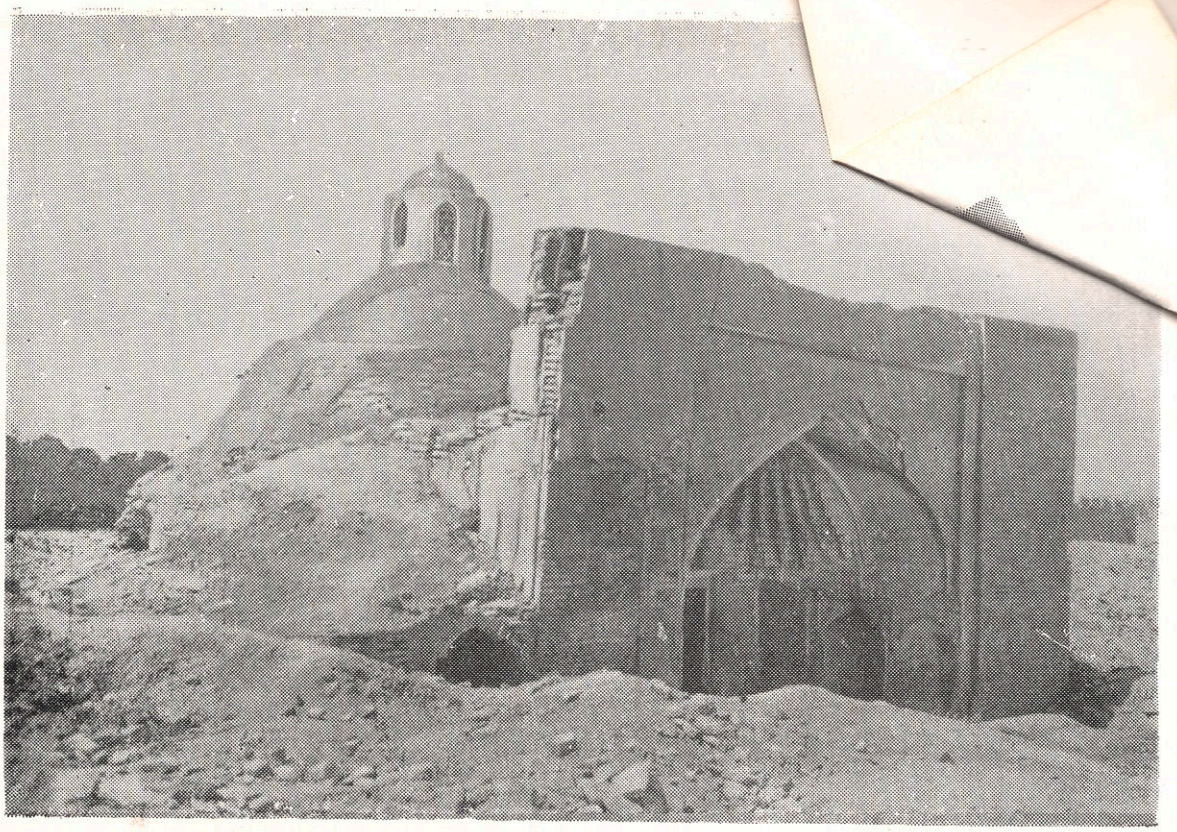

Рис. 33. Мечеть Хонако в арке.

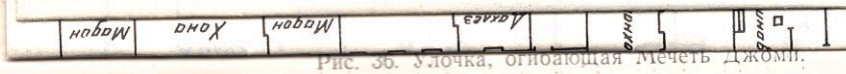

Рис. 36. Улочка, огибающая Мечеть Джомп.

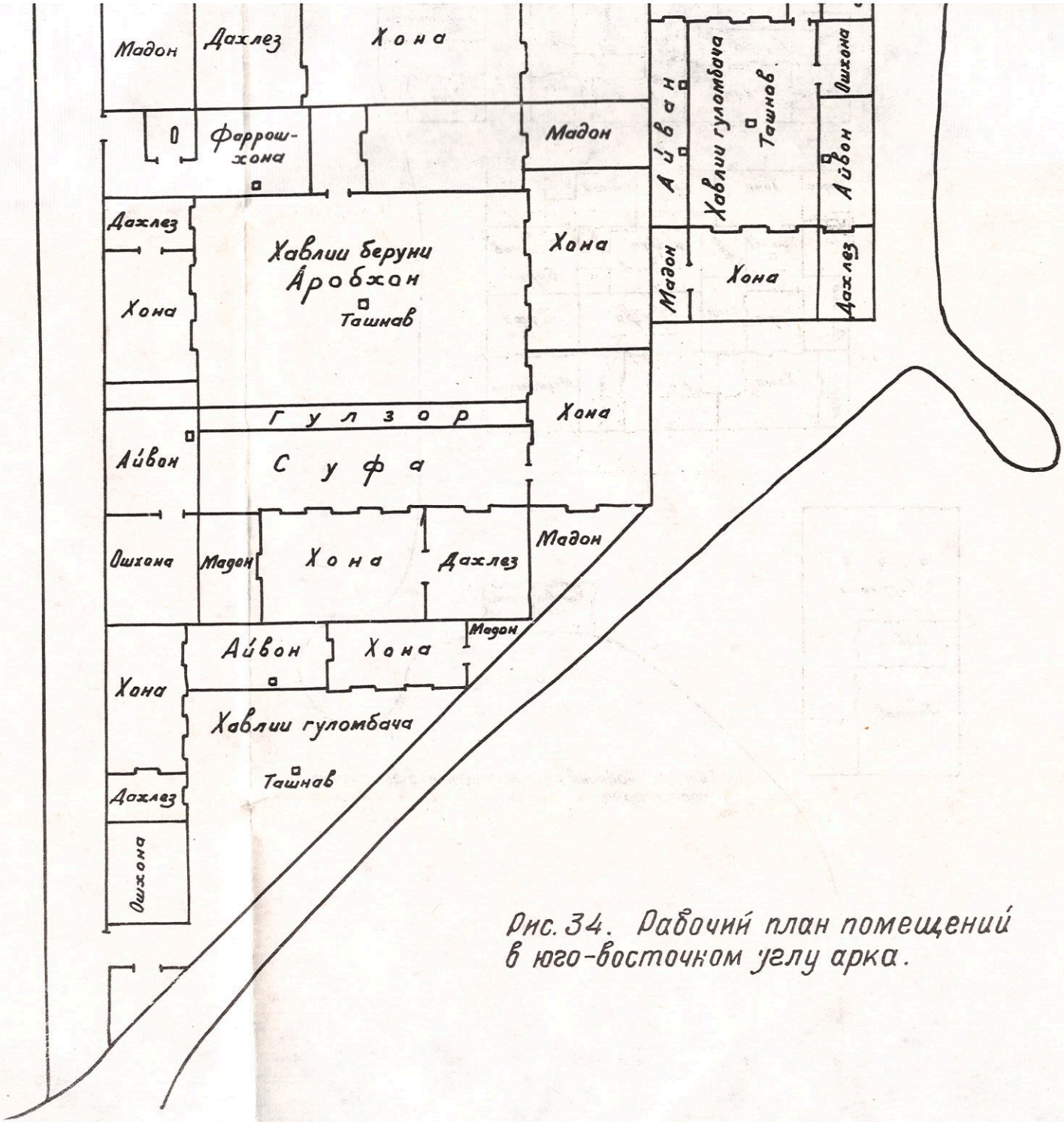
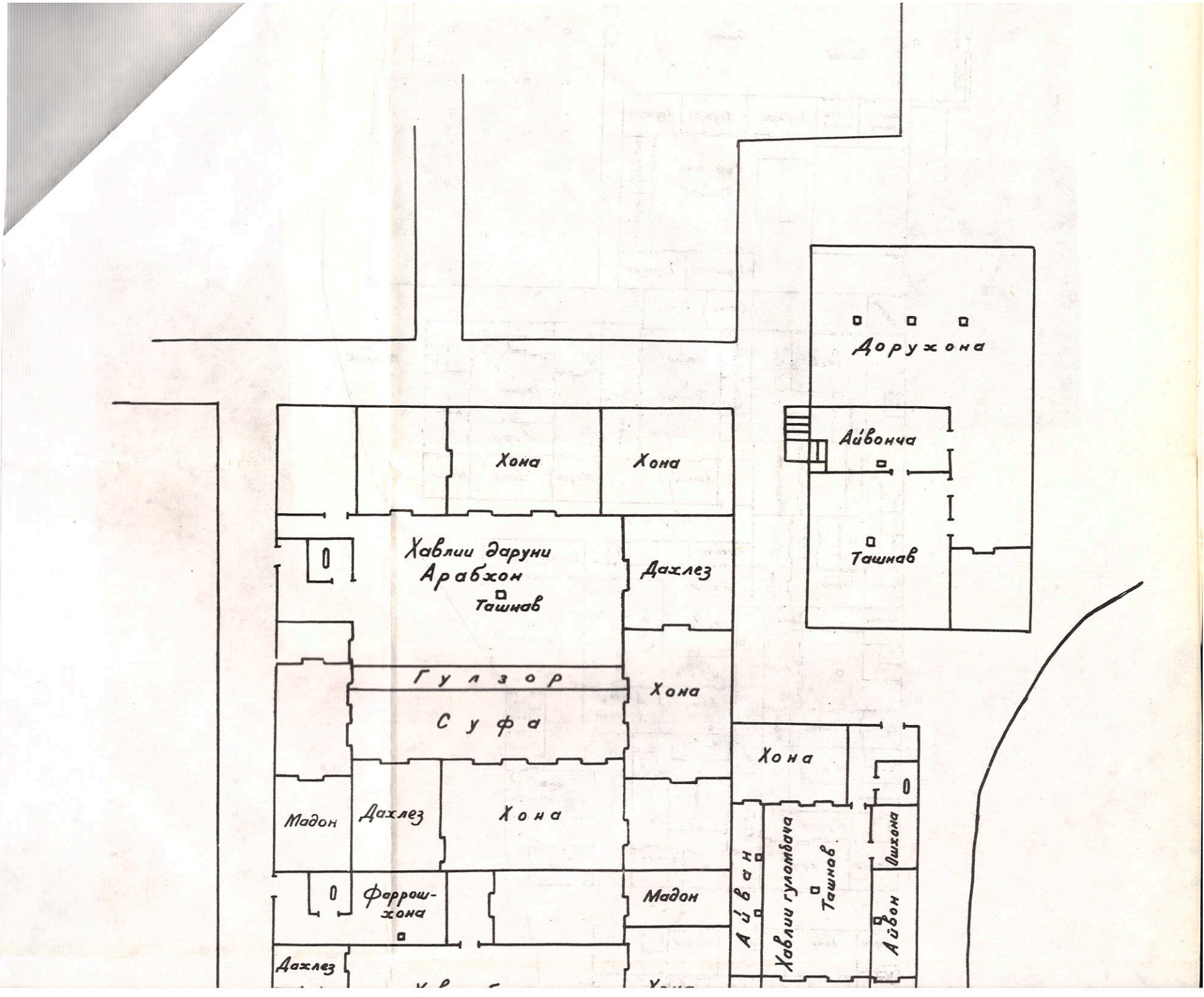

Рис. 34. Рабочий план помещений в юго-восточном углу арка.

Дорухона
Айвонча
Ташнав
Хона
Хона
Хавлии даруни
Арабхон
Ташнав
Дахлез
Гулзор
Суфа
Хона
Хона
Мадон
Дахлез
Хона
Феррош-
хона
Мадон
Дахлез
Айвон
Хавлии гуломбача
Ташнав
Ошхона
Айвон

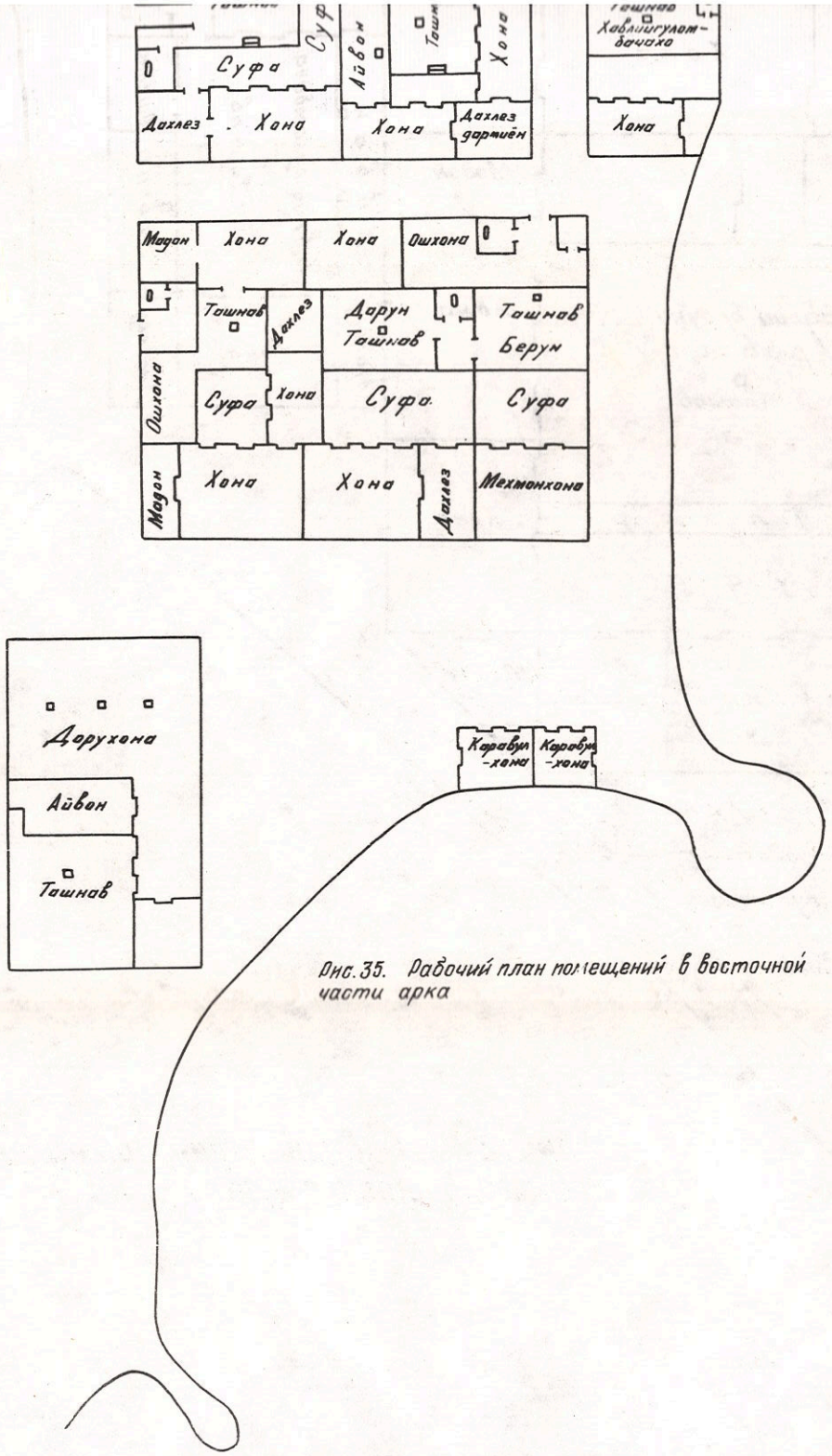
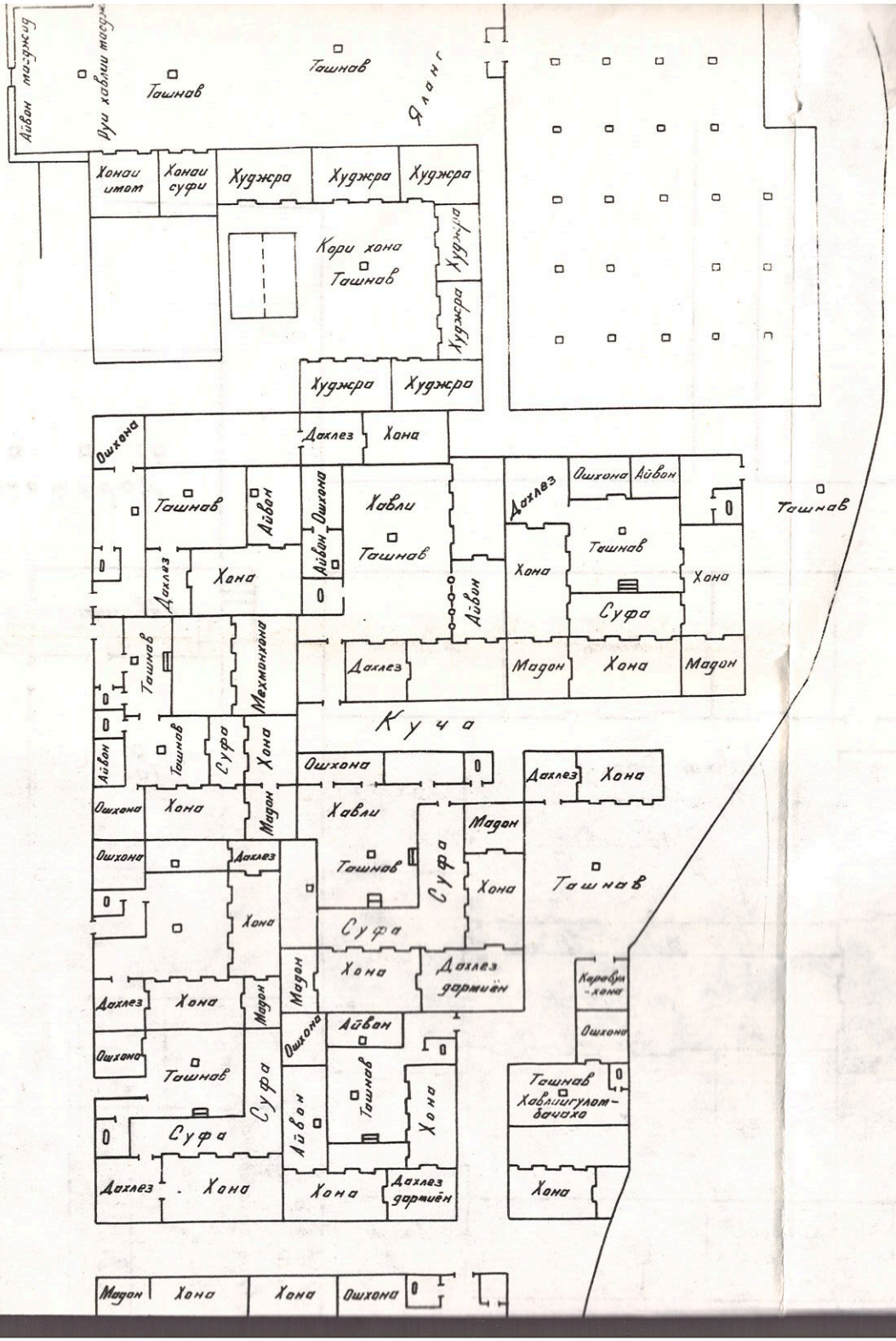
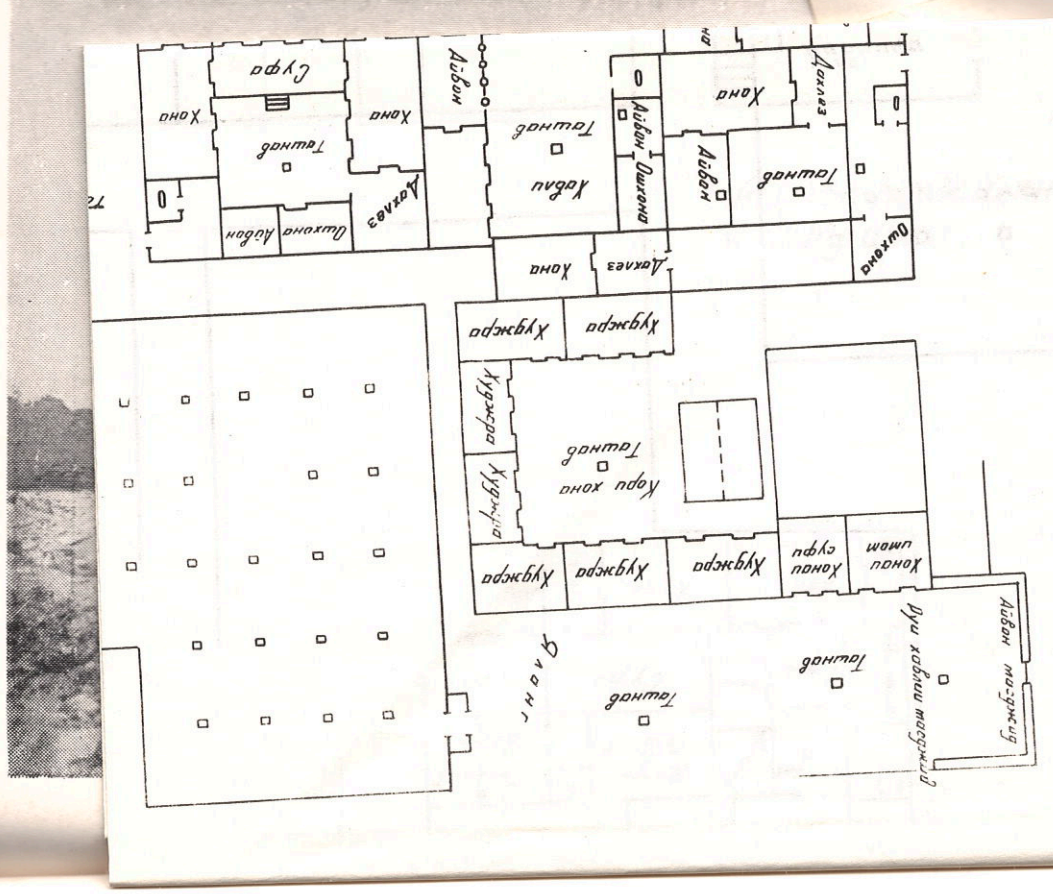

Рис. 35. Рабочий план помещений в восточной части арка

Айвон мазжид
Дуи хавлии масжид
Ташнав
Ташнав
Ханаи имом
Ханаи суфи
Худжра
Худжра
Худжра
Кари хона
Ташнав
Худжра
Худжра
Худжра
Худжра
Ошхона
Даклез
Хона
Ташнав
Айвон
Ошхона
Хавли
Ташнав
Даклез
Хона
Айвон
Ошхона
Айвон
Ташнав
Даклез
Ошхона
Айвон
Ташнав
Хона
Ташнав
Хона
Суфа
Ташнав
Мехмонхона
Даклез
Мадон
Хона
Мадон
Айвон
Ташнав
Суфа
Хона
Ошхона
Даклез
Хона
Ошхона
Хона
Мадон
Хавли
Мадон
Ошхона
Даклез
Ташнав
Суфа
Хона
Ташнав
Хона
Суфа
Даклез
Хона
Мадон
Мадон
Хона
Даклез дармиён
Даклез
Хона
Мадон
Ошхона
Айвон
Ошхона
Ташнав
Суфа
Айвон
Ташнав
Хона
Суфа
Даклез
Хона
Хона
Даклез дармиён
Мадон
Хона
Хона
Ошхона
Караван-хона
Ошхона
Ташнав
Хавлигулом-бачаха
Хона
Кучa

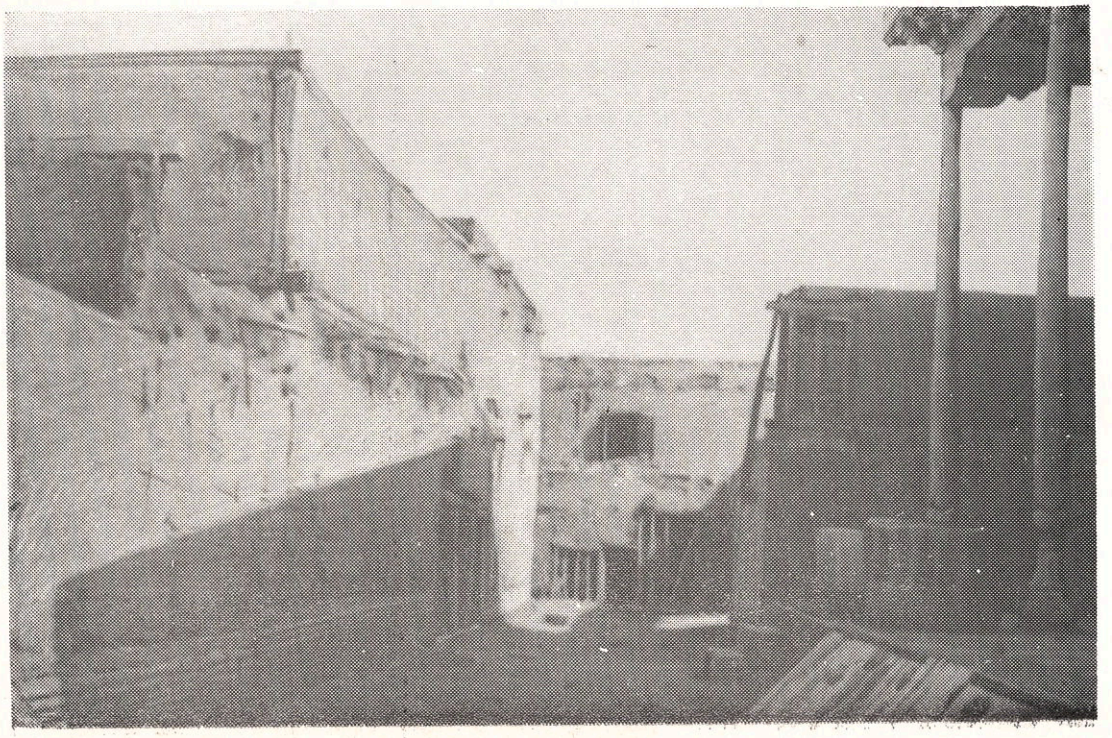

Рис. 36. Улочка, огибающая Мечеть Джоми.

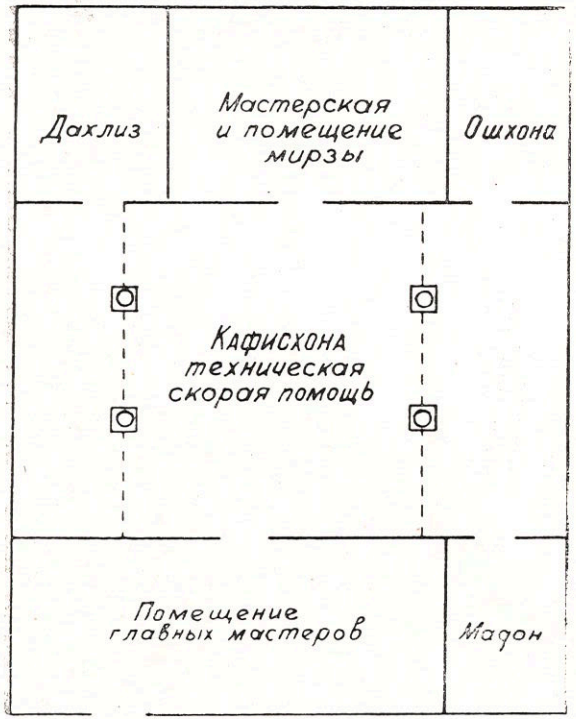

Рис 37. Рабочий план помещений в кафисхо

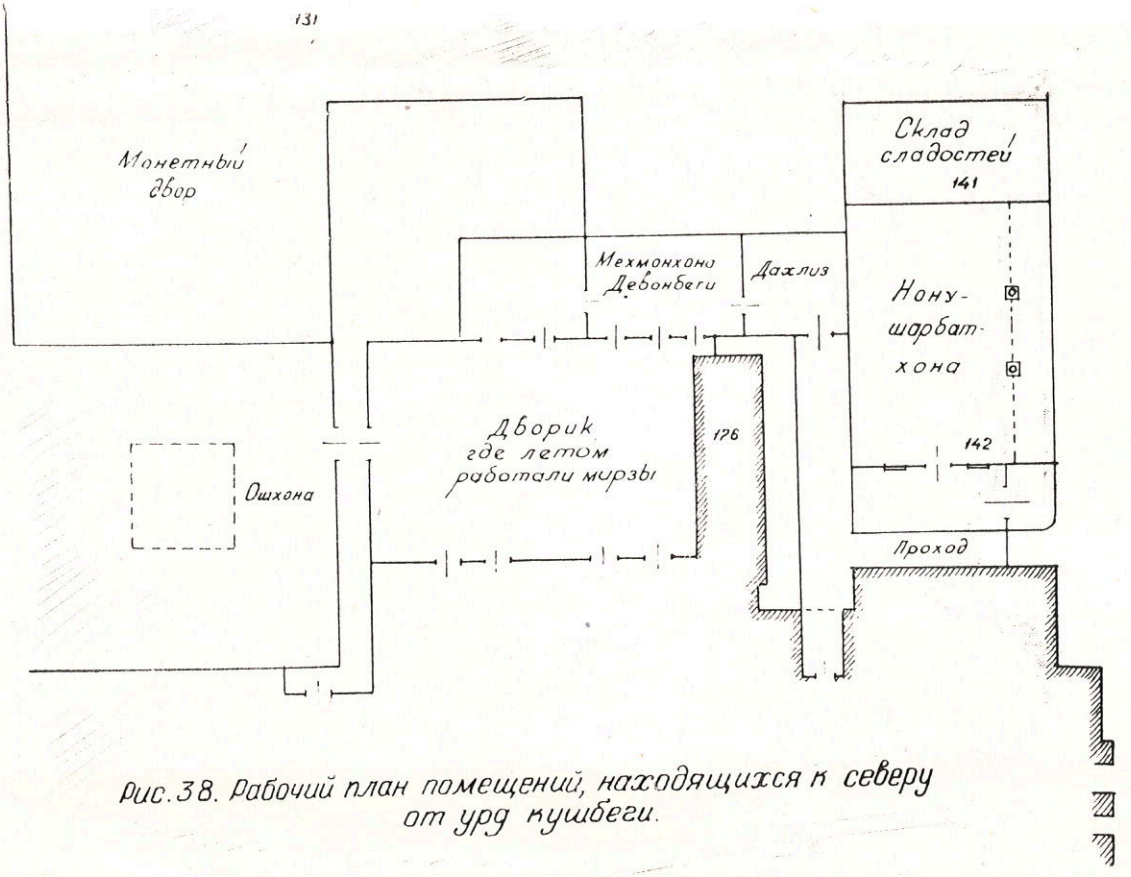

Рис. 38. Рабочий план помещений, находящихся к северу от урд кушбеги.

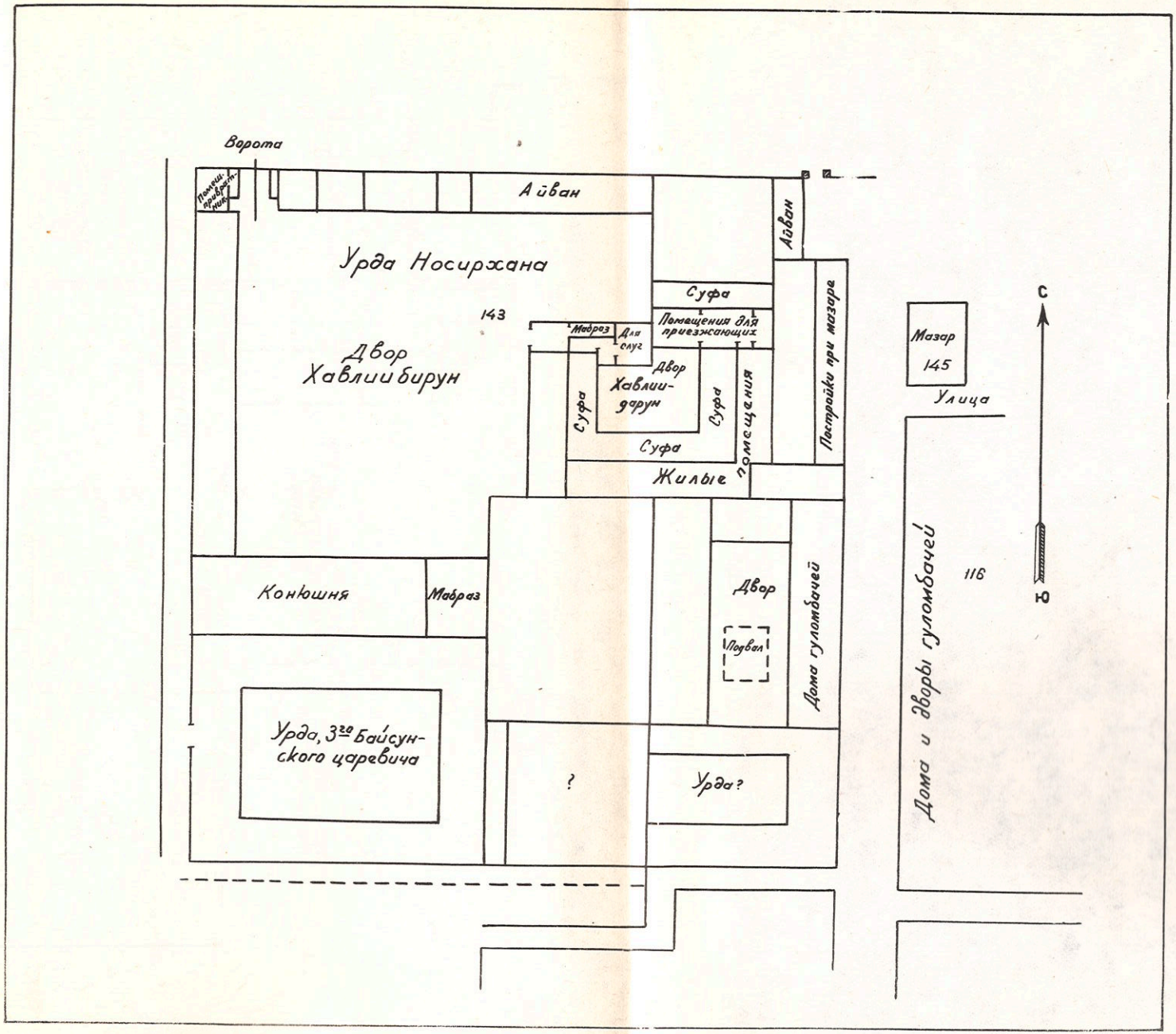

Рис. 39. Рабочий план жилища Носир-хана и прилегающих к нему построек.

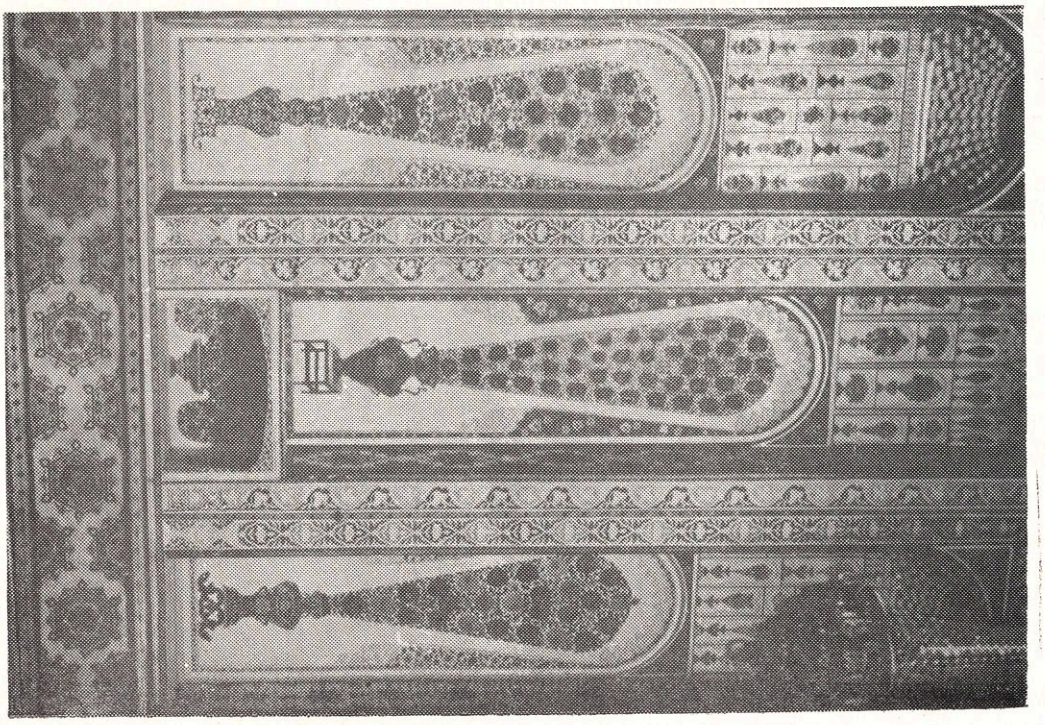

Рис. 40. Мазар Баттол-гози в северо-восточном углу арка.

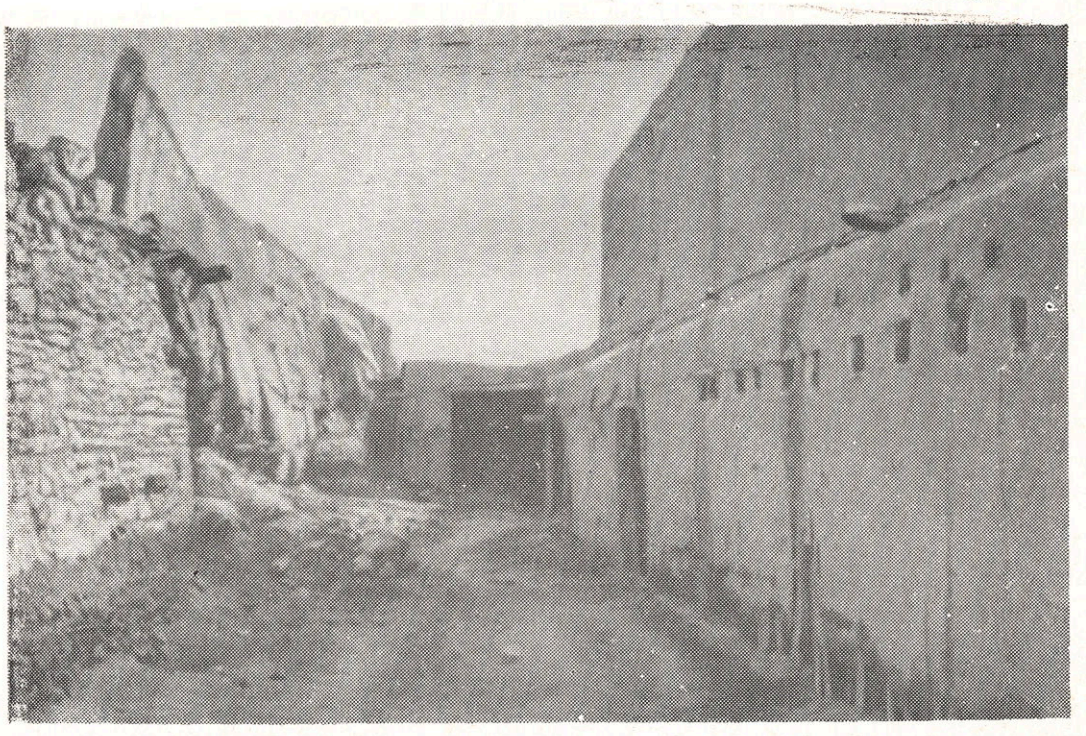

Рис. 41. Один из участков улицы вдоль стены, окружающей арк. Фото первых лет после революции.

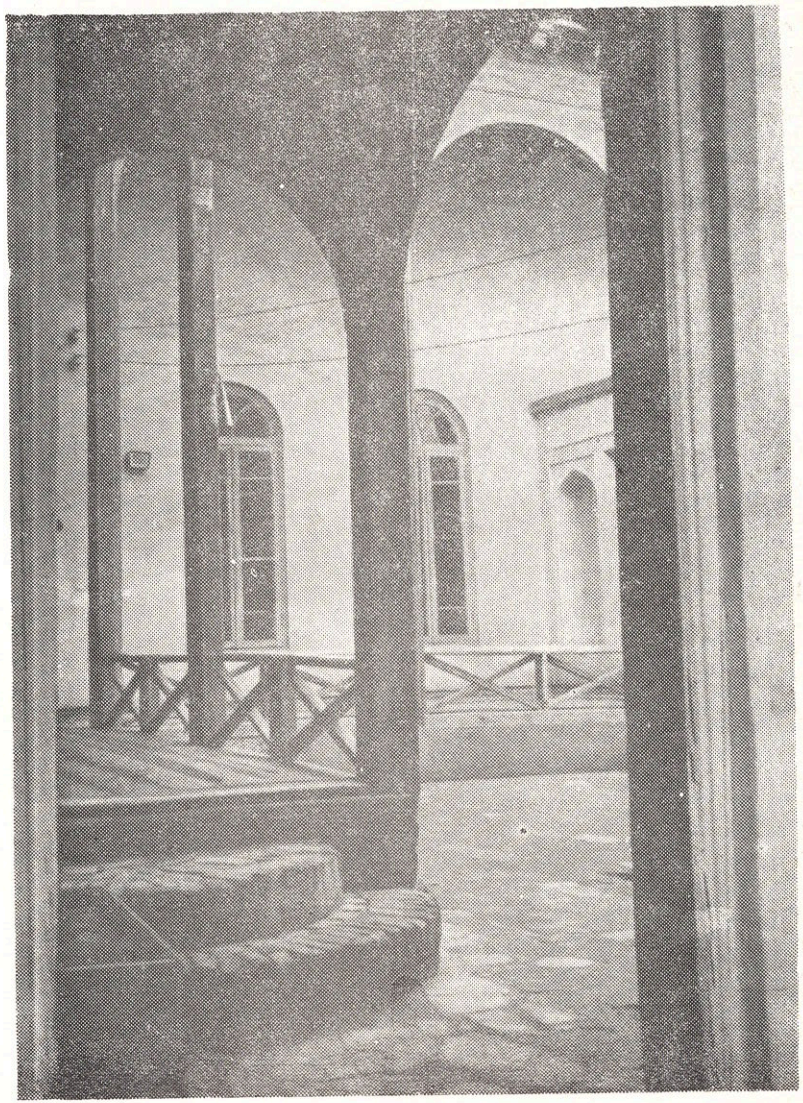

Рис. 42. Дворик кушбеги, где раньше жили приезжавшие русские.

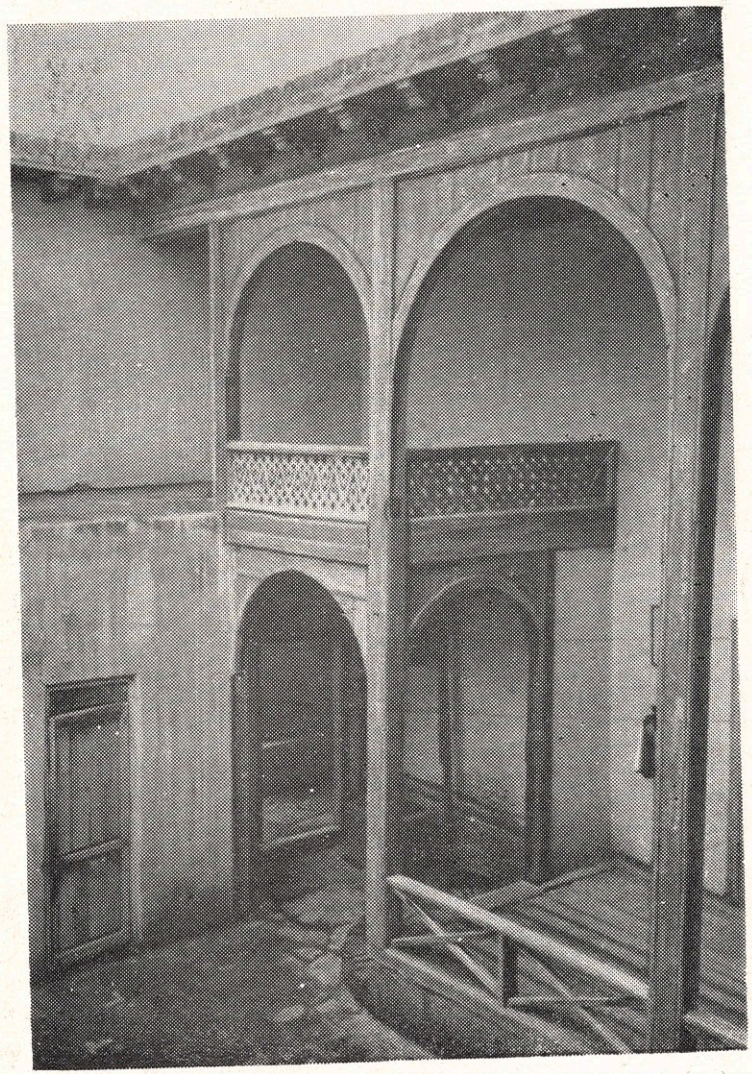

Рис. 43. Юго-восточный угол дворика кушбеги, где раньше жили русские.

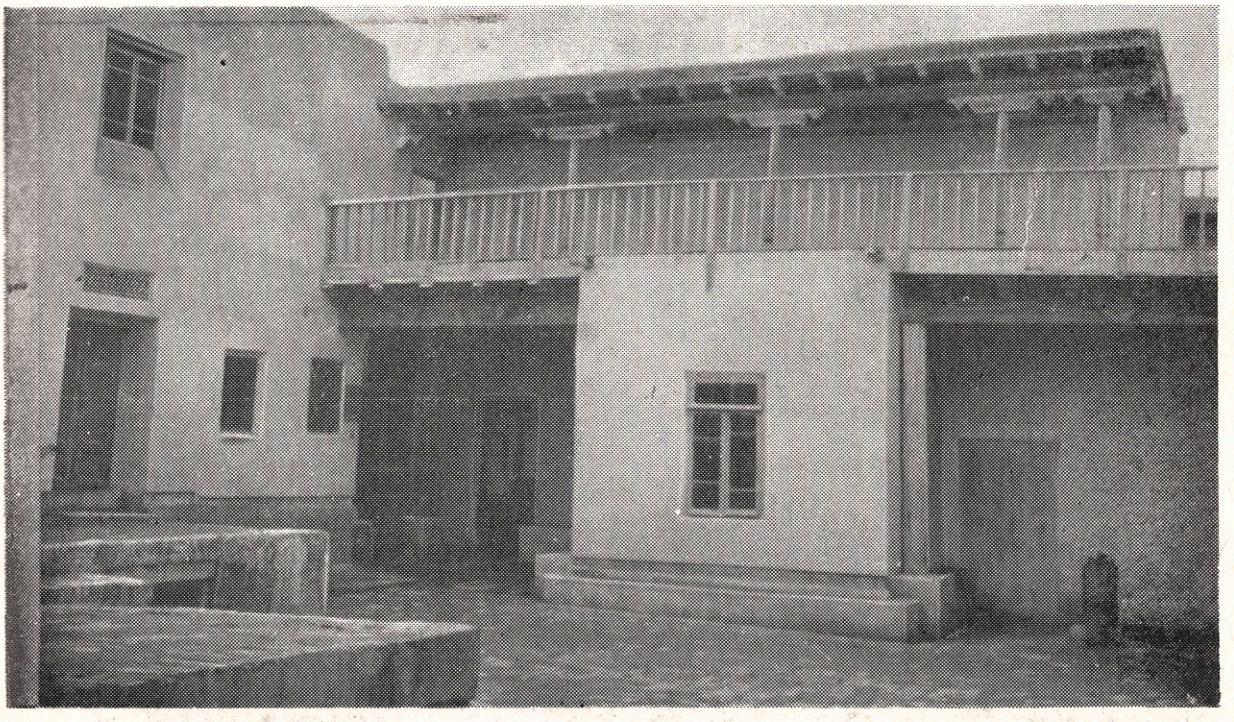

Рис. 44. Двор кушбеги, западная часть.

Рис. 45. Двор кушбеги, юго-восточный угол.

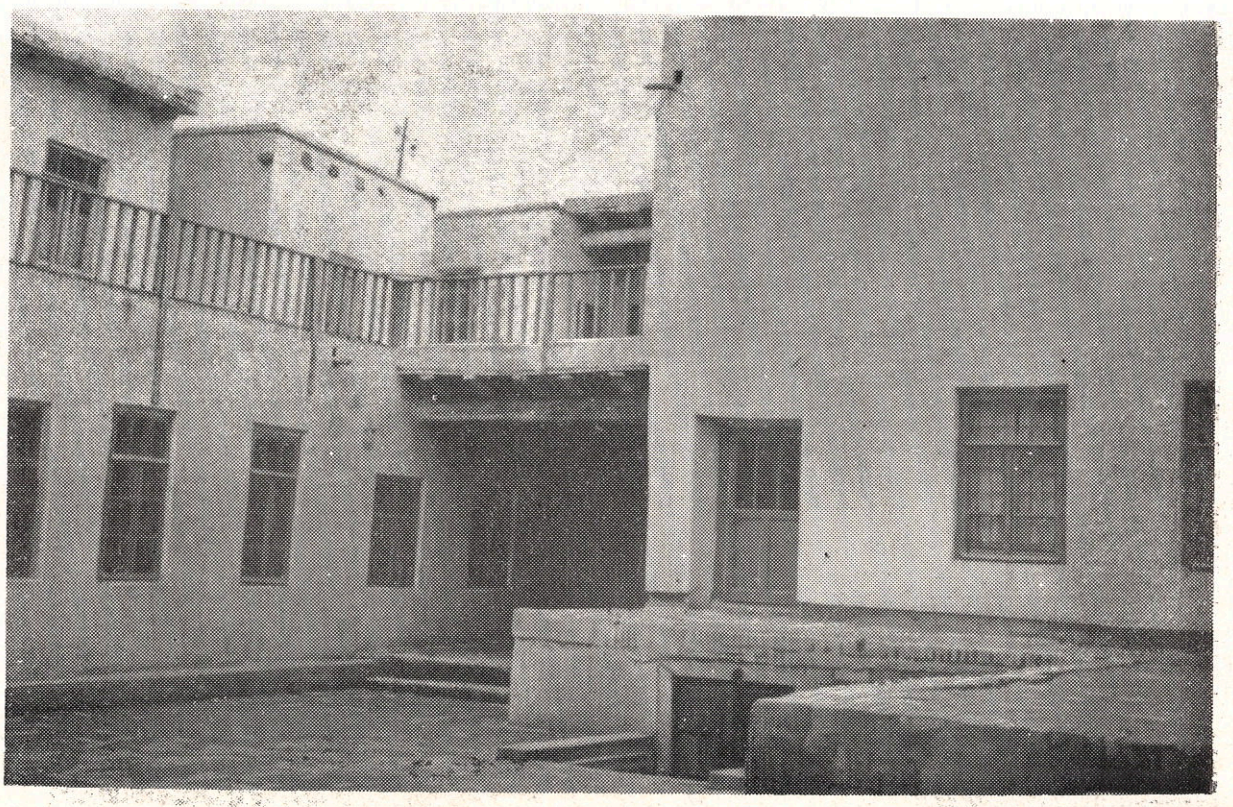

Рис. 46. Двор кушбеги, северо-восточный угол.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПЛОЩАДИ РЕГИСТАН

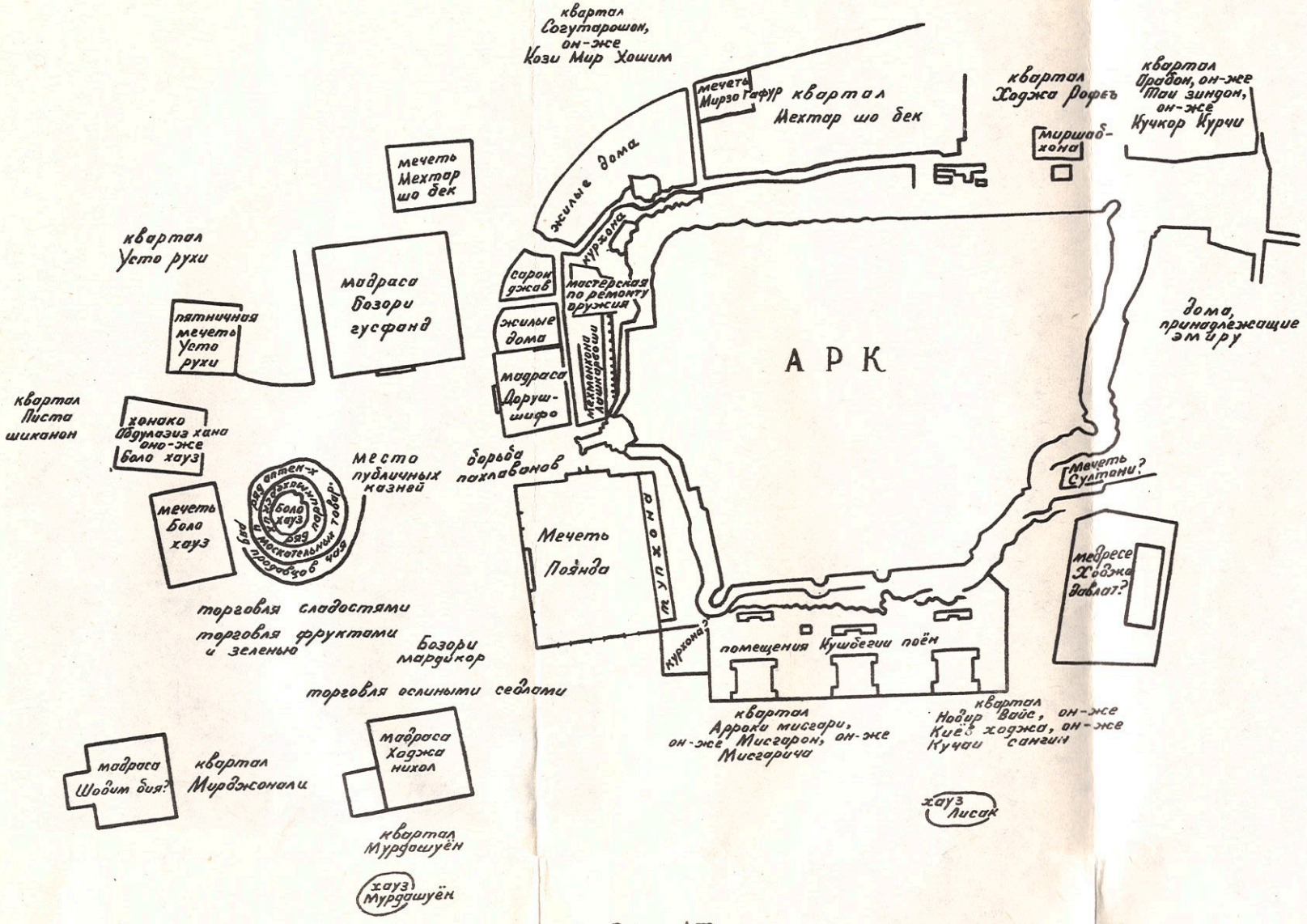

Рис. 47.

Рис. 46. Двор кушбеги, северо-восточный угол.

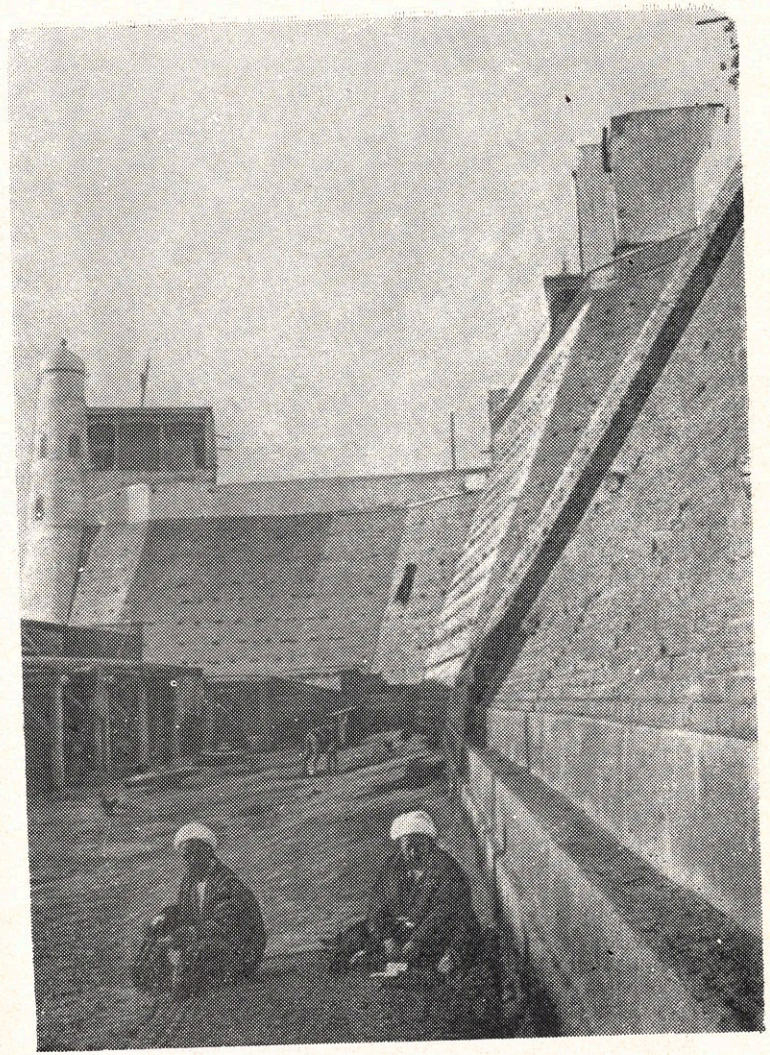

Рис. 48. Часть стены арка, прилегающая с юга к входу в арк.

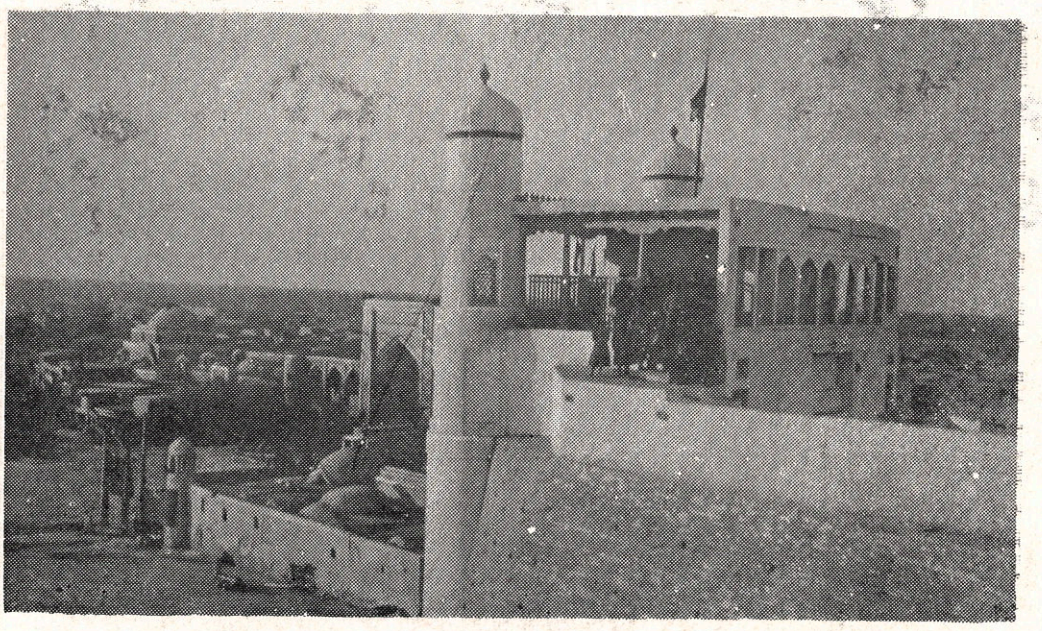

Рис. 49. Вид с балкона около саломхоны на северо-восточную часть площади **Регистан.**

Рис. 50. Загородный дворец Ситораву Махи хоса. Общий вид нового здания.

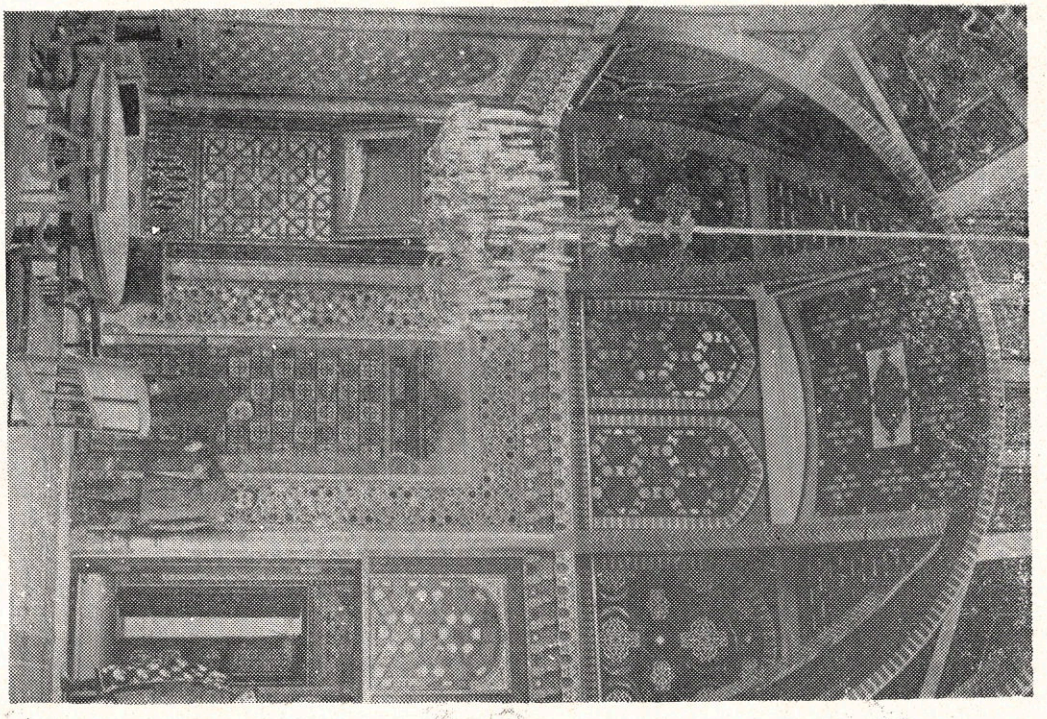

Рис. 51. Архитектурный декор в новом здании Ситораву Махи хоса.

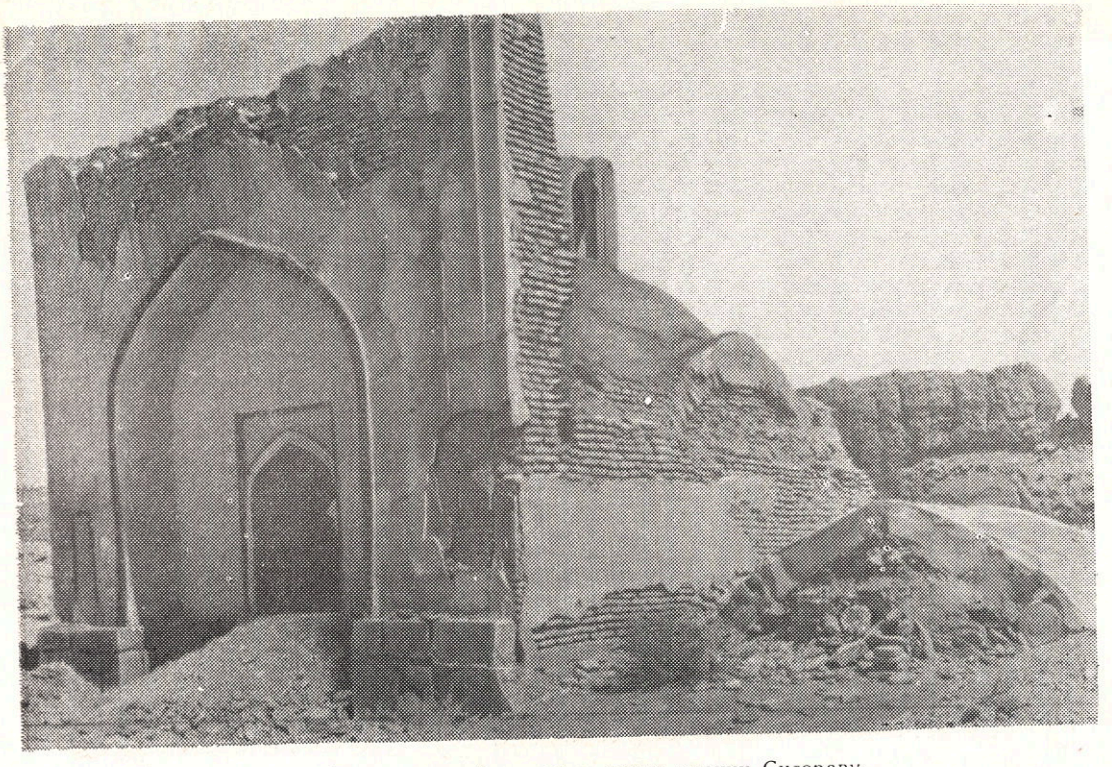

Рис. 52. Архитектурный дектор в новом здании Ситораву Махи хоса.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Приведенные в книге фотографии выполнены: №№ I5,I6,29,32,40 – М.С. Андреевым в I940–I94I гг.; №№ 22,23,25,26 – Х.И. Дасаевым в I963 г.; №№ 49–5I – И.П. Завалиным, в первые десятилетия после революции; №№ 8–II, I3,I4,I7,I8,2I,42–45 – Е.Н. Юдицким; №№ 6,7,I9, 27,28,36,4I,48 заимствованы из фототеки Главного Управления по охране памятников УзССР (ГУПОП)[I].

Рис.I. Сводный план бухарского арка, составленный в I962 г. под руководством О.Д. Чехович архитектором Е.К. Видякиным на основании рабочих планов экспедиции I940–I94I гг. Некоторые уточнения и исправления внесены в I963 г. под руководством А.К. Писарчик архитектором А.С. Яковлевым.

Рис.2. План арка Бухарн. Геодезическая съемка, выполненная в I927 г. топографами Бреде и Моранти по заданию Средазкомстариса, под руководством М.Е. Массона.

Рис.3. План вторых этажей западной части арка из архива Инвентаризационного бюро при горотделе коммунального хозяйства г. Старой Бухары.

Рис.4. План подвалов и въезда в бухарский арк из архива Инвентаризационного бюро при горотделе коммунального хозяйства г. Старой Бухары.

Рис.5. Общий вид центральной части арка со входом в начале XIX в. (журн. "Сибирский вестник", СПб., I823, ч.I, стр.I2).

Рис.6. Общий вид арка и части площади Регистан перед ним. Фото конца XIX- начала XX в. На верхнем айване нагорахоны над воротами видны большие часы. Наверху слева на заднем плане виден край айвана мечети Джоми в арке, без сталактитовых капителей колонн, сделанных во время последней перестройки мечети при эмире Алим-хане (I9I0–I920 гг.). Через пандус "тахтапуль" поперек протянута цепь, что означает, что пока приема в арке нет. Перед входом в арк слева медресе Дор аш-шифо, справа – мечеть Поянда. Фототека ГУПОП УзССР № $\frac{4404}{39-6}$.

I. Негативы фото М.С. Андреева, Х.И. Дасаева, И.П. Завалина и Е.Н. Юдицкого находятся в фототеке сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР и имеют перед номером пометку ИИ.

Рис.7. Общий вид арка в первые десятилетия после установления Советской власти. Слева медресе Дор ал-шифо, справа мечеть Поянда. Фототека ГУПОП Уз. № 4406/39-6

Рис.8. Общий вид арка, в котором находится Бухарский музей. I962 г. ИИ № 70-I.

Рис.9. Арка в боковой южной стенке пандуса, ведущего к входным воротам. Справа кольцо "пештокча", к которому привязывалась цепь, протягиваемая поперек пандуса перед приемом у эмира. ИИ № 70-2.

Рис.I0. Небольшая дверка в южном полотнище входных ворот арка. ИИ № 70-5.

Рис.II. "Нагорахона" - сооружение над входными воротами арка. Вид со двора "саисхона". ИИ № 70-6.

Рис.I2. Планы"нагорахона".

Рис.I3. Барабан "нагора" (экспозиция Бухарского музея). ИИ № 70-7.

Рис.I4. "Долон" - проход от ворот внутрь арка. Слева посредине, в нише с наличником в форме стрельчатой арки I5 находился бунчук - "тут" и горел светильник в честь Сиявуша. В центре на заднем плане ниша I4 (забранная застекленной рамой, теперь здесь находится касса музея); в ней раньше у входа в арк сидели кушбеги и тупчибоши. Снимок сделан со стороны внутренности арка, с площадки перед бывшими помещениями тупчибоши. ИИ № 70-8.

Рис.I5. Часть улочки I6 - от купола "сакляв" 23 до мечети Джоми I9. Справа под куполом сакляв - дверь в коронационный двор,дальше справа (напротив столба) - улочка I5I, ведущая к помещениям кушбеги. На заднем плане прямо восточный айван мечети Джоми. ИИ № 27-I3I.

Рис.I6. Мечеть Джоми в арке. Южный и восточный (справа) айваны. На заднем плане виден большой прямоугольный сосуд - "Ясли Рустама". ИИ № 27-I30.

Рис.I7. Сталактитовые капители колонн южного айвана мечети, сделанные в I9I0-I920 гг. ИИ № 70-I0.

Рис.I8. Остатки "Камня Рустама" на северном айване мечети Джоми. I962 г. ИИ № 70-II.

Рис. I9."Камень Рустама" и "Ясли Рустама" на айване мечети Джоми в арке в первые десятилетия после революции. Фототека ГУПОП Уз. № 7917/43-4.

Рис.20. Схема плана западной части арка, где находились помещения эмира, с показанием пути, по которому попадал в свои аппартаменты эмир и проходили во двор "саломхона" приближенные, представлявшиеся эмиру.

Рис.2I. Двор "саломхона". Прямо помещение саломхона 33 (перед правым крайним окном сидел эмир во время приема); лестница слева ведет в дахлиз 34 перед саломхоной; под лестницей - вход в подвал 9Iб. Слева слегка выступает арка с дверью 32, ведущей из "корихона" во двор саломхона. Справа длинный узкий навес - нимайвон 3I. ИИ № 70-I3.

Рис.22. Северо-западный угол двора "саломхона". Слева б. помещение бугчабардора 30 (теперь экскурсоводческий отдел музея), справа край канцелярии музея, построенной на месте помещений дарбона и удайчи 27 и 28. ИИ № 70-28.

Рис.23. Балкон с металлической узорной решеткой по краю западной стены арка, установленной в конце XIX-начале XX в. За ним (справа на лево) западные стены спальни эмира 36 и саломхона, перед которой, напротив бывшего здесь окна, находится сводчатый расписной навес-балдахин. ИИ № 70-9I.

Рис.24. Анонимная записка "О порядке мест в благородной Бухаре". ИИ № 70-58.

Рис.25. Юго-восточный угол конюшенного двора "саисхонаи хоса" 4I: фиг."а" - вход в подвальное хранилище ковров - "колинхона" 42 (перед ним раньше был айван); фиг."б" - бывшие помещения дарбона и удайчи 27 и 28;фиг."в" - помещения второго этажа 75 "а", "б","в", над корихоной 73; фиг."г" - "фаррошхона" 44; фиг."д" - второй этаж над фаррошхоной, б. помещение бухчабардора 30; фиг."е" - саломхона 35. ИИ № 70-24.

Рис.26. Северо-восточная часть бывшего двора "саисхонаи хоса". Внизу помещения 45-49, наверху веранда 55 и за ней помещения 56-62; справа дверь 40, соединяющая саисхона с проходом под куполом сахляу; справа на заднем плане виден край айвана в коронационном дворе.ИИ № 70-26.

Рис.27. Портал над входом в коронационный двор и стенка "гуломгард" перед ним во дворе (снимок со стороны северного айвана коронационного двора). Фототека ГУПОП Уз.

Рис. 28.Северный (слева) и восточный айван коронационного двора, с троном под специальным балдахином. Снимок первых десятилетий после революции. Фототека ГУПОП Уз. № 7915/43-4 .

Рис.29. Копия надписей на троне и мраморных колоннах по его углам.

Рис.30. Рабочий план помещений, расположенных к югу от двора "миёнхавлии амир" 78.

Рис.3I. Рабочий план помещений в юго-западной части арка.

Рис.32. Рабочий план урд, расположенных к востоку от тронного зала и "миёнхавли" эмира. По-видимому, составлен на основании планов Иброгима Хофизова.

Рис.33. Мечеть Хонако в арке. ИИ № 27-I27.

Рис.34. Рабочий план помещений в юго-восточном углу арка.

Рис.35. Рабочий план помещений в восточной части арка. План очень подробный, составлен, по-видимому, на основании какого-то старого плана (Иброгима Хофизова ?).

Рис.36. Улочка I8, огибающая мечеть Джоми. Справа северное крыло айвана мечети, за ним стена бывшего монетного двора (высоты двухэтажного помещения); прямо двухэтажные помещения монетного двора и ювелирных мастерских; слева двухэтажные помещения ремонтных мастерских "каписхона" I30, за которыми улочка I8 поворачивает влево и выходит на дорогу вдоль наружной стены арка. Снимок первых десятилетий после революции. Фототека ГУПОП Уз. № $\frac{7909}{43-3}$.

Рис.37. Рабочий план помещений в "каписхона" I30.

Рис.38. Рабочий план помещений, находящихся к северу от урд кушбеги.

Рис.39. Рабочий план жилища Носир-хана и прилегающих к нему построек.

Рис.40. Мазар Баттол-гози в северо-восточном углу арка. ИИ № 27-I29.

Рис.4I. Один из участков улицы, идущей вдоль стены, окружающей арк. Снимок первых десятилетий после революции. Фототека ГУПОП Уз. № $\frac{7908}{43-3}$. В глубине виден пост "каровул-хона".

Рис. 42.Вид через дверь I54 на дворик I56 в комплексе помещений кушбеги, где раньше жили приезжавшие русские представители. ИИ № 70-I4.

Рис.43. Юго-восточный угол дворика I56 и дверь I54. ИИ № 70-I5.

Рис.44. Двор кушбеги I63; западная часть. Слева проход I53 и дверь I54, ведущая во дворик I56; в центре - стена помещения I64, с окном посредине, где находился телефонный аппарат, а справа, в северо-западном углу, проход к хозяйственным помещениям I89-I90 и к ошхоне (дверь не видна). ИИ № 70-I6.

Рис.45. Двор кушбеги I63, юго-восточный угол и суфа перед помещениями I67-I70. ИИ № 70-I8.

Рис.46. Двор кушбеги I63, северо-восточный угол; слева помещения б. канцелярии I74-I75, в глубине проход I72, ведущий в"миёнхавли" кушбеги I79, справа - дахлиз I70 и приемная кушбеги I69. ИИ № 70-I7.

Рис.47. Схематический план площади Регистан.

Рис.48. Часть стены арка, прилегающая с юга к входу в арк, облицованная жженым кирпичем, справа небольшие айваны, прилегающие с востока к мечети Поянда; здесь до революции стояли пушки. Фототека ГУПОП Уз. № $\frac{4407}{39-6}$.

Рис.49. Вид с балкона около саломхоны на северную часть площади Регистан. На первом плане справа восточная и южная стены нагорахоны, перед нагорахоной видна крыша медресе Дор ат-шифо, дальше фасад медресе Бозори гуспанди и, еще левее, купол мечети Усто Рухи. ИИ № 2I-484.

Рис. 50.Загородный дворец Ситораву Махи хоса. Общий вид нового здания. ИИ № 2I-586.

Рис.5I. Архитектурный декор в одном из помещений нового здания в Ситораву Махи хоса. ИИ № 2I-589.

Рис.52. Архитектурный декор в одном из помещений нового здания в Ситораву Махи хоса. ИИ № 2I-593.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абдукодир-бек, тупчибоши лашкар 75
Абдулазиз-хан (1645-1680) 14,26
Абдулазиз-хана медресе 87
Абдулазиз-хана хонако 87
Абдулахад-хан (1885-1910) 11,14, 15,22,24,25,27,37,38,40,41,46-49,51,53,62-67,71,74-76,91,99, 100,102,103-107,114,117-121,124-126,128,131,132,134-137
Абдолгози, мавзолей 14
Абдулкарим Бухори 15
Абдулкодир 123
Абдулло II (1583-1598) 25
Абдулмумин, брат Абдулахад-хана 64
Абдурахманов 82
Абдурахмон Толи 41
Абдусалом, усто 30
Абдуфаттох, мирзо, каллиграф 43
Абдушукур, мулло садр, кози-калон 47
Абдулфаиз-хан (1711-1747) 14,15
Абулхасан Нишапури 13
Абу Наср Кубави 13
Адылов Ибадулла 22,76,86
Азад-додхо, мулло 123
Азимбой-бий 123
Азимбой-туксабо 106
Азим-хан, брат Абдулахад-хана 65
Айни Садриддин 15,22,25,35,36,86, 88,103,121
Акрам-бек, тупчибошк 135
Али, халиф 14,31
Алим-хан (1910-1920) 12,30,38,46-49, 62,63,65,67,73,75,76,82,91, 94,103,104-107,109,124-126,132, 135
Алптегин 13
Аму-Дарья 112
Андреев М.С. 4-8,10,62,66,72, 86-88,137
Арабов Джура-бек 73
Араб-хан 65,76
Арки баста 25
Арслан-хан Караханид (1102-1130) 13
Афганистан 91,110
Афросиаб 29
Ахмад, джуйбарский ходжа 106
Ахмади Дониш 15
Ахмад-ходжа, судур 48

Бако-ходжа, мулло, кози-калон, садр 46,48
Барот-бек 85
Бартольд В.В. 100,118
Баттолгози, мазар, мавзолей, 14,76
Баховаддина мазар 126
Бенарес 46
Бидун Бухар-худат 13
Бозори гусфанд, медресе 87
Бозори мардикор 87
Бозори одам 87
Бозори ресмон 88
Бой-Махмад, охунд, Домулло 48
Бойсун 64
Болохауз, мечеть 19,87
Болохауз, хауз 87
Болохауз, хонако 87
Борнс 110
Бреде 6
Буре, фабрикант часов 116
Бури, усто 30,42
Бурхониддин Али ал-Маргинани 23
Бухарская народная республика 18,74,76
Бухар-худат 13
Бычковский 18

Вабкент 88,105,121,139
Видякин Е.К. 6,7
Виткевич 17
Вревский 73

Газган 42
Галаосиб 75
Гаукушон 119
Гаухар 126
Гафор, усто 30
Гиждуван 88,121
Гисар 17,37
Гольдберг Н.М. 7
Гончарова П.А. 139
Гузар 64
Гулзори чорчаман 20
Гума, птица-феникс 103

Джамшед, конь Абдулахад-хана 37
Джоми, мечеть 18,21,30,65,68,72
Джондор, местность 88
Джон-мирзо, кушбеги 79
Джура-бек Арабов 73
Джура-маскарабоз 138
Дилькушо, сад 73,119
Додонов И.К. 10
Домулло Бой-Махмад, охунд 48
Дор ал-шифо, медресе 14,87,88
Дуль-Дуль, конь Али 31
Душанбе 5

Еселевич Ф.В. 10,17

Ёри-кул 105

Зандани, местность 88
Заргарон, купол 87
Зеравшан 75,119
Зияуддин 100,119

Иброгим Хофизов, усто 5,6,9,10, 20,22,28,29,64,68,71,77,86
Иброгимча 107
Иванов В. 5
Икрами Дж. 66,67
Индия 91,95,100-101,110
Иран 30
Искандаров Б.И. 82

Кабакли, местность 49
Каган, г. 79
Кайкавус 13
Кали Шароф 105
Калон, мечеть 141
Каракуль 88,105
Каратаев 28
Кари, сад 53, 119
Карши 23,48,74,112,116
Кашгар 123
Кенимех 119
Кербала 30
Керзон 101
Кермине 17,53,54,66,69,90,91, 112,114,115,117,119,121,131, 132,134,139
Китаб 17
Кобеко Т.С. 73
Кодиркул-бек, ясаул 105
Колесов Ф. 81,83
Кори-туксабо 74
Костенко Л.Ф.28
Кофилон, хавли 65,119
Крестовский 100
Кубави Абу Наср Ахмад 13

Кукмазар I3I
Куктош 43
Кун В.Н. I0
Кутбиддин, мулла 73

Ленин В.И. I6
Лисак, хауз I4,20
Локай, местность 37
Лукман Хаким III
Лунин Б.В. 8
Ляби хауза Мирзо Гафур 75

Мавераннахр I36
Маджид Каххашони 83
Мадрасаи гусфанд 87
Мад-Юнус-бий, мирохурбоши I06, I23
Майда-Мухтор 22
Малик, местность I3I
Массон М.Е. 6,72
Махмуд, мулло, тупчибоши I37
Маъсум, эмир 77
Мирбахром, усто 29,30,3I,72,74
Мирзо, кушбеги 84
Мирзо, сад II9
Мирзо Абдуфаттох, каллиграф 43
Мирзо Икром, тайный агент полиции 68
Мирзо Насрулло, кушбеги 48,85
Мирзо Рахматулло, мирзои дафтардор II3
Мирзо Салим-бек I5
Мирзо Шамс Бухари I5
Мир Мухаммад Алим Бухари I5
Мораити 6
Мохон,озеро I05
Музаффар-хан (I860-I885) I4,I5, 20,22,24,37,48,53,63,64,76,77, 79,I00,I06,I24,I3I
Мулло Абдушукур, садр, кози-калон 47
Мулло Азад-додхо I23
Мулло Бако-ходжа, садр,кози-калон 48
Мулло Махмуд, тупчибоши I37
Мулло Мухаммади, кушбеги 47
Мулло Назри-урок I06,I23
Мурод-Палвон I05
Мухаммад Вафо, Мухаммад Вафои Кармингани I5
Мухаммади, мулло, кушбеги 47
Мухаммад Наршахи I3,86
Мухаммад Рахим-хан (I756-I758) I4,I5,48,76
Мухаммад Хорезмшах I3
Мухаммад Шариф I5
Мухаммад Якуб Бухари I5
Мухиддинов Зухириддин 36
Мухтаров А.М. I7,35

Назри-урок,мулло I06,I23
Намозго, сад II9
Наршахи I3,29,30
Насрулло, Насрулла-хан (I826-I860) I5,59,I37
Низомиддин Ургенджи, кушбеги 82
Николай (II) 82
Нишабури ал-Хасан I3
Носир, тайный агент полиции 68
Носир-хон, Носир-хан-тура I4,4I, 59,65,76,79
Нур-Ата 42,94,II2
Нурджанов Н. I39

Олчин, сад в окрестностях Кермине II9,I27
Остонакул-бек, кушбеги 72,79,84
Охунд Домулло Бой-Махмад 48

Охунд Домулло Ориф-ходжа 47
Охури Рустам 3I
Оя-Мирзо 67

Пайкенд I05
Петербург I33
Пешавар 9I,II0
Пещерева Е.М. I9
Пиёлаи Рустам 3I
Писарчик А.К. 7,8,30,94
Поянда аталыка мечеть I5,23, 86-88
Поянда-бий 86
Пяндж I34

Рахим-хан I4,I5,46,47,55-58
Регистан 4,I4,I6,I7,I9,2I,27, 28,33,58,86,87,I22,I40,I42
Ремпель Л.И. 9,I0
Российское политическое агенство 39,4I,8I
Россия 54,55,72,74,II7,I2C,I34
Русинова Н.В. I0,II
Рустам (Плеть Рустама, Камень Рустама, Ясли Рустама, Чаша Рустама) 3I,88
Рушан I29

Саади, усто 74
Сайид Баттол-гози, мазар I8
Салим-бек I5
Салим-Султан, местность II9
Самарканд 43
Санги Рустам 3I
Семенов А.А. 36,I00,II9
Сиёни Джуги, сад II9
Ситораву Махи хоса (разг.Ситора махоса), пригородный дворец 53, 62,79,89,9I,I09,II9,I22,I27,I32
Сиявуш (Сиёвуш Вали) I3,29,30
Содик-хан, брат Абдулахад-хана 65
Совхоз 66,
Соломон I03
Струшенко 5
Субханкули-хан (I680-I702) I4, 30,4I
Судаков С.А. 5,6
Султанобод II9

Тавсанак, сад II9
Ташкент 6, 87
Тош-Купрук, сел.II9
Тукумдузи, баня 24
Турамурод Ходжи Камров I37
Тутибиби 65

Улугбек I3
Улуг-ходжа 47
Умняков И.И. 25
Ура-Тюбе I3I
Ургенджи Низомиддин, кушбеги 82
Урдаи Духтарон 64
Урдаи Зарнигор 63,68
Урдаи Зебоча 63,68
Урдаи Калон 63,66,67,77,I27
Урдаи Кунджак 68
Урдаи Миёна 66
Урдаи Нав 63,68
Урдаи Накшин 63,68
Урдаи Носир-хон 76
Урдаи Пешга 68
Урдаи Хаммом 60,6I,63
Урдаи Хонако 63,64,68
Урдаи Хоса 58,66,68
Усмон-ходжа, миршаб I02
Усто Абдусалом 30
Усто Бури 30,42
Усто Гафор 30
Усто Иброгим Хофизов 5,6,9,I0,20 22,28,29,64,68,7I,77,86

Усто Мирбахром 29,30,3I,72,74
Усто Рухи, мечеть 87
Усто Саади 74
Усто Ширин Муродов 22, 30
Уткин В.П. I5,82

Фергана I23
Фрунзе М.Ф. I6

Хабибулла-хан, эмир афганский (I90I-I9I9) 9I,I06
Хавлии Кофилон 65,II9
Хазрати имом, ворота 87
Хайдар, эмир (I800-I825) I4,I36
Хайдаркул Чушка I03
Хайробод II9
Ходжа Нихол, медресе 20,87
Ходжи-Бурхон, бухчабардор 82
Ходжи-Латиф, девонбеги 83
Ходжи Файзулло-хазиначи 5I
Хомрабат I3I
Хонако, мчеть I8,6I,64,65
Хонако Абдулазиз-хана 87
Хонакои-Болохауз 87
Хорезм I38
Хорезмшах I3
Хоса, сад II9
Хофизов Иброгим см. Иброгим Хофизов
Хусайн-ших, торговец одеждой II5
Хусейн, сын Али 30

Чармгари, сад в Кермине 54,55,II9
Чет-Арык 4I
Чехович О.Д. 4-8,I0,II
Чильдухтарон, мечеть I4,75,76
Чорбоки Гуль, сад II9
Чорбоки Дарвозаи Самарканд II9
Чорбоки Мирзо II9
Чорбоки Намозго II9
Чорбоки Хоса II9
Чорсу I4I
Чор чаман I4

Шарифджон-махдум I5
Шафрикан 88
Шахрисябз 45,53
Шахрульислом, местность 88
Ширбудун, Ширбадан, сад 23,53, 62,79,II9,I2I,I27
Ширгирон I37
Ширин Муродов, усто 22,30
Шишкин В.А. I39
Шодим-бия медресе 87
Шох-Мурод (I785-I800) I4

Юлдашев М.Ю. 94
Юсупов, купец 73,II0
Юсупов М.С. 5,9,I0,II,29,II8

Ягноб I4I
Яккабаг I7
Яковлев А.С. 7
Якуб Бухари I5.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Аголик (аҳолиқ) 40,I0I
Азан (азон) 63,92,I24
Айван (айвон) I4,30,3I,33,40-43, 50,58,59,69,70,72,74,76,84,87
Айвонча 33
Айвончаи фаррошбоши 37,39
Аксакал (оқсақол) 34,49,97,II5 I4I,I42
Амалдор 35,36,49,54,55,59,96, I08
Амин 88
Амлок II9
Амлокдор I0I
Ангишт 6I
Арбоб I37
Арза 78,II3
Ариза, арза 78,II3
Арк I7
Арзабари II3
Арзаи джумаги I28
Арзаи миёнхафта (ҳафта) I30
Арзаи шукрона II7
Арзачи, аризачи 78,I30
Асо 44
Асп партофан I3I
Аср: намози аср 28,95,III,II2
Атолик (атолиқ) 2I,36
Аттор I40
Ашуля (ашула) I24
Аълям (аълам) 36,45,46,48,I0I

Базм I22
Базми хоса 59,I22
Баковул 40
Банорас 46
Барнои (барноӣ) 64
Бахрин (баҳрин) 46
Бек I00,II9
Берун 70,75
Бий 35,36,53,II3
Билиск 33,34,56
Богча (боғча) I4
Боимджон-кабоб I08
Бой-бача I4I,I42
Болор 39,42,I22
Болохона III
Бомдод: намози бомдод I9,33,90, 9I,93,I28
Борхона 5I-53,59,60
Борхонаи рикоб 53
Бурджак 60
Бугча, бухча (бӯғча) 98
Бугчабардор, бухчабардор 33,39, 82,89,90,I0I,I04,I2I
Бугчахона (бӯғчахона) 36,57,59

Вали 29
Васика (васиқа) I0
Васса 42
Воджиб 53
Вокианавис (воқианавис) 69,97
Волида 66

Газабхона (ғазабхона) I5
Гарем (ҳарам) I8,20,62,63,67, I25,I27
Гиджак I22
Гилбурдж 22
Гилкор 70,7I
Гирьён казок (қазоқ) I23
Голиб (ғолиб) 35,I22
Гуджум 25

Гузар 25,97,I26,I42
Гулах 24
Гулом (ғӯлом) I37
Гулдаста 22,27
Гуломбача (ғуломбача) I9,62, 66,I37
Гуломгард (ғуломгард 32,33,36, 4I
Гумбаз 26
Гуслхона (ғуслхона) 66
Гяз (газ) 34,66,67

Даври (даврӣ) I33
Дарбон 32,34,67,84,95,97-99, I08,II3,II4,I29
Дарбонхона 32,33
Дарвоза 25
Дарвозахона 97
Дарзи (дарзӣ) 36
Дари саисхонаи хоса 37
Дари саломхона 3I,32
Дарича 57
Дарун 70,75
Даста 45,46,I36
Дастархончи 93,94,I08
Дафтар 54
Дафтардор: мирзои дафтардор 39
Дахлиз (даҳлез) 36,40,57,59,60, 63,69,79,80,84,89
Дахлизча (даҳлезча) 60
Дахьяк (даҳьяк) 28
Девонбеги I9,36,6I,75,79,8I,83, 85,96,I08
Девонбегии калон 36
Девонбегии рикоб 98,II5
Декчапази 97,I06-I08
Джабборчи (ҷабборчӣ) 35
Джавбед 26
Джалид 74
Джалаир 46
Джамоа 59,97,I08,I23
Джевачи (ҷевачӣ), джебочи 35,36, 54,7I,73
Джигар 93
Джиляв (ҷилав) 34
Джилявхона (ҷилавхона) I5,2I
Джома 97
Джулус 44
Диванбеги см. Девонбеги
Додархон 89
Додхо (додхоҳ) 36,53
Дойра II4,I23
Дойрадаст I22,I23
Долон I8,I9,2I,22,26,28-30,32, 40,4I,68,69
Доманрас I25
Доманнорас I25
Домбра (думбура) II4
Дорухона 65
Дошхона 60
Думболацур 23,75,82,I37
Дурага I09
Дуредгар 70
Дурра I39
Дуррабардор I39
Дутор I22, I24
Духтархона 63,64
Дучуку II3
Душанбеги 46

Занбоз I24

Зарб 58

Заргар 73,74

Заргарбоши 74,75

Заргархона 74

Зе (зеҳ) II6

Зедуз (зеҳдуз) II6
Зиёрат 32
Зиндон II,49,88
Зиндонбон 63
Зиндор 40
Зинпуш (зинпӯш) I33
Зинхона 40
Зякетчи (закотчӣ) 72

Иди (идӣ) 73
Имам (имом) I9,64,9I,92,97,I08, II2, I25,I4I
Имоми джилав (ҷилав) 9I
Имом ул-муслимин 92,I00
Инок (иноқ)36
Иноки (иноқи) калон 36
Испанд 47
Истикоматчи (истиқоматчӣ) II3
Ишан (эшон) 89,I00
Ишками мадон (ишкамӣ мадон) 84

Каабаго (каабагоҳ) 66
Кабир: салавоти кабир 56
Кабоб 93
Кабоби танури I08 (танӯрӣ)
Кавказ 23,I07
Кадамджой (қадамҷой) 29
Казий см Кози
Кайвони I26
Каллаи мукарнас (муқарнас) 42
Калла-поча 93-95,I08
Калмок (қалмоқ) 46
Каль, кали I40-I42
Кальбача (калбача) I4I
Кальтакча (калтакча) 34
Камонча I22
Канахона 2I,26,68
Каписхона, кафисхона 30,70,7I I08
Караван-сарай (корвон-сарой) 95, II0,I30,I3I
Карбос 52
Карнай 28
Каровулбеги (қаровулбегӣ) 35,36, 54,74,I04,III
Каровулхона (қаровулхона) I38
Кат I22
Катаган (катағон) 63
Катаул 7I
Кафисхона см. Каписхона
Кашкарича (қашқарича) I23
Кзил-кесак (қзил-кесак) 64
Киблаго (қиблагоҳ) 66
Когазхона (коғазхона) 73,74
Кози (қозӣ) 47,48,79,89,I0I,II5, II7,I38,I39
Кози-калон (қозӣ-калон) 2I,23,36, 37,45-48,57,73,82,89,98,II7,II8
Коқул I23
Колинхона (қолинхона) 33,38,60
Коп I4I
Корвонбоши 73
Кори (қорӣ) 56
Корихона (қорихона) I8,32,36, 55-57
Корихонаи хазорхатм (қорихонаи ҳазорхатм) 56
Коса 93
Кофир 73
Кудуки ташнав (қудуқи ташнав) 70
Кузаги (кӯзагӣ) 42
Кукнори (кӯкнорӣ) III
Кукпари, кукбури, кубкори (кӯбкорӣ) 33,37,I05
Куланги (кулангӣ) I09
Кулли кушбеги (қушбегӣ) I9
Куллук (қуллуқ) 7I

Кулo (кулоҳ) 97
Кулча I03
Кумган (қумғон) 53
Кунград (қунгрод) 46
Кунджак 22
Куп I4I,I42
Курбан (қурбон) 27,45,73,I0I,I02, I08
Кургон (қўрғон) I7,II9
Курининхона, курунушхона I5,4I
Курпахона (кўрпахона) 6I
Курпача (кўрпача) 59,80
Курпачаи даври хона 59
Курхона (қурхона) I5
Курчибоши (қурчибоши) 36
Кутос (қутос) I33
Кутти (қуттӣ) 5I
Кутчи 46
Куча (кўча) 30,40,6I
Кушбеги (қушбегӣ) I8,I9,23,25,28, 30,35,38,47-54,56,60-62,65,69,7I, 73,75,77-84,88,93,I03,II7,I25-I27, I29,I36
Кушбегии боло (қушбегии боло) I9, 54,I29
Кушбегии поён 37
Кушбон (қушбон) I04
Куштаким (қўштақим) I05
Кушкун (қукшқун) I33
Кын (қин) 69
Кырк-юз (қирқ-юз) 46

Лашкарбоши (лашкарбоши) 87
Лифофа 79
Лула (лўла) 54
Ляъли (лаълӣ) 96

Мабраз 70,90
Мавригги I23
Мадон 40,59,63,66,67,69,80,84
Мазар (мазор) I8,32,75,II7, I20,I26
Маи-кабоб (маҳӣ-кабоб) II2
Макам (мақом) I23
Малла 45
Ман 49
Манзур I33
Манкал (манқал) 39,I23
Марка 46
Масхарабоз I38,I39
Махрам (маҳрам) 36,84,85,89-9I,94,I07,III,I27
Махрами рўз 89
Машк 67,70
Машкоб 63
Машкобзан I9
Медресе (мадраса) I4,I8,20, 75,76,I20,I24,I40
Мерган 24,29,69,70,I36,I38
Мехмонхона (меҳмонхона) I4,55, 57-59,84,87
Мехмонхонаи калон 80
Мехмонхонаи лашкарбоши (лашкарбоши) 87
Мехмонхонаи тупчибоши (тўпчибоши) 69,I20
Мечеть (масчит) I3,I9
Мизодж (мизоҷ) 93
Миёнхавли (миёнҳавлӣ) 36,55, 56-58,60,64,I27
Миёнхавлии кушбеги (миёнҳавлии қушбегӣ) 83
Мино 53
Мир I03,II9,I36

Мирзо 36,54,70,7I,76,80,84,86, 95,I06,II3,II6
Мирзобоши (мирзобошӣ) 35,36, 73,98
Мирзои дафтардор 3I,95,II3,I29
Мирзои девонбеги (девонбегӣ) I08
Мирзои калон 5I,54,97
Мирзои мунши (муншӣ) 3I,39,II3
Мирзои мушриф II3
Мирзои хушхат 73
Мирзохона 3I,39,4I,5I,8I-83,85, 95,97,I08
Мирзохонаи девонбеги (девонбегӣ) 85
Мирзохонаи калон 3I,80
Мири асад 36
Мири даста I36
Мирохур 2I,35,36,46,54,7I,74,99, I07,III,II3
Мирохурбоши (мирохурбошӣ) 40,98, I04,I06
Миршаб 62,63,88,I0I,I02,II3,II5, II7,I38,I39
Михраб (меҳроб) 27
Мот I06
Мохипаз (моҳипаз) I4I
Муаззин 92
Муболига (муболиға) I3I
Мубораknома I29
Мубораknомаи истикоматчиги (истиқоматчигӣ) II3
Мударрис 46,48,57,98
Мударрисои банораспуш (банораспӯш) 46
Мулла (мулло) 23,29,45,46,48,49, 56,57,73,97,I20,I2I
Мулозим 79
Мурги букаламун (мурғи букаламун) I09
Мурдашуй (мурдашӯй) I4I
Муфти (муфтӣ) 45,46,48,97,I0I
Муфтии аскар 36
Муэдзин (муаззин) 26,9I,92
Мюрид (мурид) I00

Навкар 46
Навруз (наврӯз) 29,88,I0I,I02
Нагора (нағора, нақора) 28,44
Нагорахона (нағорахона) I4,I5,I8, 26-28
Наджорбоши (наққорбошӣ) I09
Найман 46
Накиб (нақиб)36
Наккош (наққош) 70,73
Накшбанди (нақшбандӣ) 36
Намаз (намоз) I9,25,26,28,35,44, 45,65,89,9I,92,93,I08,II2,II4, I24,I29
Намаз аср (намози аср) 28,95, III,II2
Намаз бомдод (намози бомдод) I9, 33,63,90,9I,93,I28
Намаз пешин (намози пешин) I08
Намаз шом (намози шом) I9,5I,9I, II4,I24
Намаз хуфтан (намози хуфтан) 28, 63,I22, I24
Нахори (наҳорӣ) 93,II2,II3
Нахуд (нахӯд) 93,95
Нимайвон 33
Нимча (около 500 гр) 65,78
Ноиб 78
Нолаи Сиёвуш 30
Номи шаб I27
Нонвой 75
Нони тафтон 96
Нонхона 75
Норвон-гуджум (норвон-гуҷум) 25
Нурикаш 39

Обдухшхона (обқўшхона) 60
Обдузд 20
Обхона 25,26,68
Оила 62
Оксакол 34,49,97,II5,I4I,I42
Олавкор 6I
Олавхона 60
Оламиён 23,98
Олук (олуқ) 98
Оталик, атолик 2I,36
Отбокар (отбоқар) I30
Офтоба 90
Охунд 45,46,48
Оча-майли 46
Ош 93
Оши омма 96
Ошхона 72
Ошхонаи мироҳурбоши 40

Падархон 89
Палав I06-I08
Парвоначи (парвоначӣ) 36
Пахлавон (паҳлавон) 88
Пешга (пешгаҳ), пешка 33,93,99, II2
Пешин 80,I08,I09
Пешини (пешинӣ) I08
Пештокча (пештоқча) 2I,22
Пир 89
Пойгир II6
Пойкор I4I,I42
Пойтахт 4I
Полонги (полонгӣ), полоннок 37
Пора 56
Пул, пули сиё (сиёҳ) 72

Равок (равоқ) 52,57
Раис 2I,46,82,II7,I38,I39
Рамазан (рамазон) 27,45,63,73,I0I, I02,I08,I42
Рег 86
Рикаат 93
Рикоб 34,37,53,54,60,74,9I
Ришта I20
Ру (рӯ) ба боло 66
Ру (рӯ) ба офтоб 66
Рубоб I22
Руи хавлии (рӯи ҳавлии) саисхонаи хоса 32,37
Руи хавлии (рӯи ҳавлии) пойтахт 4I
Руи хавлии (рӯи ҳавлии) саломхона 32
Русти Карши II2
Рух (руҳ) 93

Савдо 93
Савоб 56
Саврин 6I,97,99,I0I,I02,II7
Савринхона 6I
Савтхони I24
Сагона (сағона) 29
Садр 36,46-48
Саис I3I
Саисхона I8,27-3I,33,37,39-4I
Сайид I4,48,I02,I03
Сайли дарун II4
Сайли хоса II4,II6
Сайль (сайл) II4,II6,I22,I26
Саклав сахлав (сақлав) I8,I9, 3I,32,37
Салавот 56
Салавоти кабир 56
Салавоти сагыр (сағир) 56
Салавотхон 57
Салавотхона 57
Салавотхони харруза (ҳаррӯза) 46
Саллаи дока 97
Саллоти (саллотӣ) 64
Салом 32-35,55,92,93

Салом агоси (ағоси) 35,92
Саломхона I8,27,3I-36,38,4I,50, 55,60,92,93,97,I0I,I08,II2,I27, I29
Самбусапаз (санбӯсапаз) I4I
Санг I3I
Санги табака (табақа) 4I
Санги ташнав 58
Сандали (сандалӣ) 60,6I,65
Саноч 5I,58
Сарбоз I07,II5,I35,I37,I38
Сардоба 20
Саркарда 45,46,53,I07,I36
Саркор 60,6I
Сарой 46
Сарроф 58
Сарупо 78,97,98,II7
Сафро 93
Сейид (сайид) 48,I02,I03
Сешанбеги (сешанбегӣ) I37
Сиккахона 72
Сипо (сипоҳ) I35,I36
Сипои (сипоҳӣ) 9I
Созхона 67
Судур 36,48
Сурнай 28,II4
Суфа (сӯфа) I5,22,23,26,3I,34, 36,4I,42,50,58-60,72,74,79,80, 84,III
Суфача (сӯфача) 32,93
Суфи (сӯфӣ) I9,64,92
Суфии дкилав (сӯфии ҷилав) 35, 9I,92
Суфи обкаш (сӯфии обкаш) I07

Таъзим 35,I06
Табакчин (табақчин) 96
Табаррук II7
Табиб 93
Тагал I09
Тагхона, таххона (таҳхона) I5, 59,80
Тазар 20
Таксир (таҷсир) I03
Тамбур (танбӯр) II4,I22,I24
Танап 49,I37
Танга 23,47,49,5I,53,56,58,65, 7I-73,78,79,92
Танур (танӯр) I08
Тарандкабин II2
Тахорат (таҳорат) 89,II2,
Тахоратхона 70,7I
Тахоратхонадор 89,90
Тахсил (таҳсил) I24
Тахт 42,43,45,49
Тахтабанди (тахтабандӣ) 4I
Тахтапуль (тахтапул) I8,I9,2I-23,26,63,86,87
Тахтаи норбона 42
Ташнав 40,58,70
Таътил, тахтил I24
Теша I09
Тилло 72
Тодж (тоҷ) 45,I33
Тоз 37
Ток 52
Тортук (тортуқ) 66,97-99,I0I, II5,I26,I32-I34
Тортуки туксан (тортуқи туқсан) 98
Тортуки шукрона 98
Туг (тӯғ) 76
Туксабо, туксоба (тӯқсабо) 2I, 35,36,73,74,I04,I06,II3
Туксан (туқсан) 98,I32
Тупчибоши (тӯпчибошӣ) I9,25, 28-30,54,68,69,82,83,I29,I36, I37

Тупчибоши аскар 68
Тупчибоши дарвозаи арки оли 68,I29
Тупчибоши лашкар 75
Тура (тӯра) 44,64
Тураи джилав (тӯраи ҷилав) 76
Тушакхона (тӯшакхона) I5

Уд 47
Удайчи (удайчӣ) 32-35,44,95-I0I,I30
Удайчии дасти рост 34
Удайчии дасти чап 34
Удайчихона I08
Урда (ӯрда) 5,6,I9,60-64,66-68,70,75-77,III,I24-I26
Урдаи кушбеги (ӯрдаи қушбегӣ) 77,I27
Урок (уроқ) 36
Уроки (уроқи) калон 36
Усто 5,6,9,I0,20,22,28,30,3I,42,64,7I-74
Уфари (уфарӣ) I23

Файзи (файзӣ) 36
Фарзи айн 90
Фаррош 38,39,60,6I,67,89
Фаррошбоши (фаррошбошӣ) 38-40,57-6I,89
Фаррошбошии кушбеги (қушбегӣ) 60
Фаррошхона 39,60,I08
Фарсах 26,28
Фотиха (фотиҳа) 49,56,95,99

Хавз, хауз (ҳавз) I4,I9,20,87,88
Хавлии берун (ҳавлии берун) 76
Хавлии дарун 76
Хавлии тупчибоши (ҳавлии тӯпчибошӣ) 70
Хавлии фаррошбоши 58-6I
Хавличаи тупчибоши 69
Хазинахона 50,5I,58
Хазинахонаи рикоб 53
Хазиначи 5I,89,98
Хазиначии рикоб 54
Халвои тар (ҳалвои тар) 93,94,II2,
Халвои куфти Карши (ҳалвои кӯфти Каршӣ) II2
Хаммол (ҳаммол) I37
Хаммом, хамбом (ҳаммом) 6I
Харадж 49,80
Харосхона 75
Харчи сайл 79
Хасран 90
Хатбар 78
Хатми курьон (қурьон) 56
Хизматгор 54
Хитай 46
Хобхона 36,I27
Ходжа 47,48,I03,I06
Ходжа-калон 47,48
Хоким (ҳоким) 2I,35,37,62,66,78,79,89,98,99,I0I,I03,II2,II7,II9,I2I,I25,I26,I28-I34
Хонаи мироҳурбоши 40
Хонаи тупчибоши (тӯпчибошӣ) 69
Хонаи хоб 36,59
Хонако (хонақо) I4,I8-20
Хоса I22
Хофиз (ҳофиз) II4
Худжра (ҳуҷра) I24,I40
Хула (хӯла) 72
Хум 70
Хун 93

Хутба 44
Хуфтан: намози хуфтан 28,63,I22,I24

Чагатойбеги (чағатойбегӣ) 36
Чайхана (чойхона) II0
Чауки II4,I22
Чаукибози I22
Чархи фалак I5,20
Чашмбанд, чашпан I40
Четгир I05
Чилтор II4
Чильдухтарон 76
Чини-гуджум 25
Чирог (чироғ) 29,89
Чиргчи (чироғчӣ) 89
Чойрак 38,65
Чодир 57
Чоройна 24
Чорсайль I26
Чорчиллик I23
Чох (чоҳ) I4
Чумбур I05
Чухраогоси (чуҳраоғоси) 36

Шайхульислом (шайх-ул-ислом) 36,46
Шанишин (шаҳнишин)22,63,67
Шарбат I26
Шарбатдор 6I,89,I0I,I07
Шарбатхона 59,60,75,76
Шахристан (шаҳристон) I7
Шигаул I00
Ширбириндж 93,94
Ширчой 93
Шишахона I5
Шогирдпеша I9,38,5I,62,76-80,84,85,I3I
Шом: намози шом I9,5I,9I,II4
Шотир II4
Шутурмург (шутурмурғ) I09
Шуш 93

Эльнавкар 45,46,I36
Эльчихона 8I
Эшикогобоши (эшикоғобошӣ) 36

Юги (юғӣ) 39,57

Яккакарс (яккақарс) I23
Яккамех 37
Ярлык (ярлиқ) 92,97
Ясовулбоши 26,4I,78-80
Ясовулбошии шогирдпеша 85
Ясовули дарвоза 26
Ясовули уламо 23
Яхдон 55
Яхдонсавор 54

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 3
От автора 9
Введение I3
Общие сведения об арке I7
Описание схематического плана арка 2I
У входа в арк. Мечеть Джоми 2I
Южная половина арка 3I
Саломхона и прилегающие помещения 3I
Двор саисхона и постройки на нем 37
Коронационный зал 4I
Обряд поднятия эмира на войлоке на трон, соответствующий европейскому коронованию 43
Казначейство 50
Корихона и мехмонхона Рахимхана 55
Миёнхавли эмира и прилегающие помещения 58
Урды, жилища царевичей и помещения стражи гуломбача 62
Северная половина арка 68
Помещения тупчибоши и мастерские 68
Жилища царевичей, мазар, медресе, мечеть Чильдухтарон 75
Комплекс зданий кушбеги 77
Рассказ о гибели в подвале кушбеги советской делегации в I9I8 г. 8I
Описание плана площади Регистан 85
ПРИЛОЖЕНИЕ I
День бухарского эмира 89
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
Из материалов по Бухаре при последних эмирах I28
Система сношений эмира с хакимами. Почта I28
О подворьях хакимов в столице I32
К формированию регулярного войска I35
Рассказ Турамурода Ходжи Каирова о его пребывании в отряде гуломбачей I37

Из бухарских типов прошлого
Скоморохи - масхарабоз I38
Кали-плешивые I40
Список иллюстраций I43
Указатель имен собственных I48
Указатель терминов I53